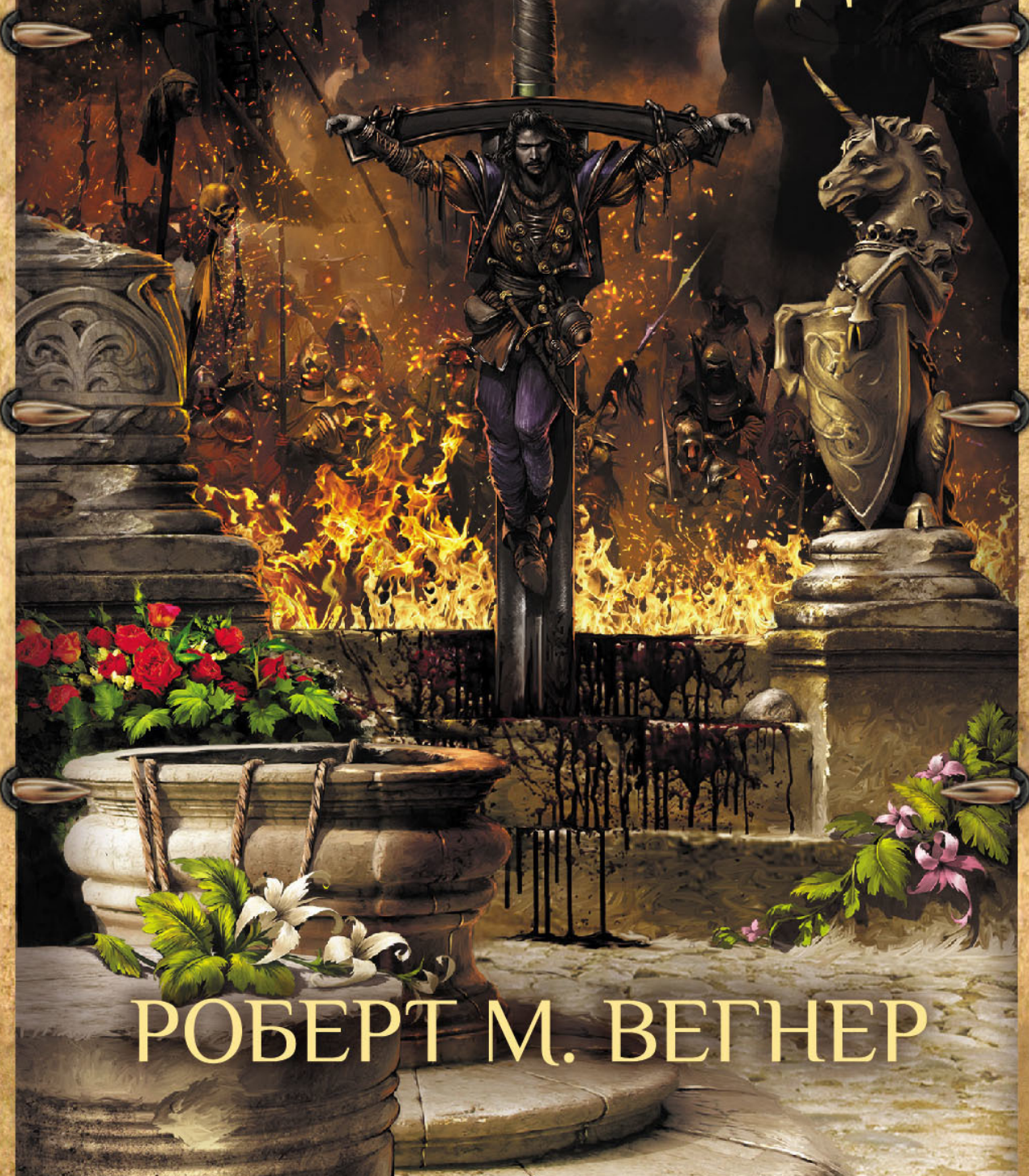

ШЕДЕВРЫ ФЭНТЕЗИ

СКАЗАНИЯ МЕЕКХАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ: Восток–Запад

РОБЕРТ М. ВЕГНЕР

Сказания Меекханского пограничья

Роберт М. Вегнер

**Сказания Меекханского
пограничья. Восток – Запад**

«Издательство АСТ»

2010

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

Вегнер Р.

Сказания Меекханского пограничья. Восток – Запад /
Р. Вегнер — «Издательство АСТ», 2010 — (Сказания
Меекханского пограничья)

ISBN 978-5-17-120286-6

Восток Меекханской империи – край беспокойный. Здесь пролегает граница с побежденным, но не сломленным государством воинственных кочевников, здесь во множестве встречаются Урочища, проклятые места, где можно столкнуться с невероятными чудовищами. Здесь вольный отряд генерала Ласкольника, что когда-то принес империи победу над кочевниками, продолжает нести службу и бороться против угроз – явных и тайных. А угрозами Восток богат. Как богат и тайнами. А на Западе стоит город-государство Понкее-Ла, где растет влияние нового культа бога войны Реагвира, чья сила излечивает немощных и дарует зрение слепцам. Молодой вор Альтсин оказывается втянут в интригу, связанную с похищением главной реликвии культа, – меча, что по легенде принадлежал самому Реагвиру. Альтсин еще не знает, какие зловещие тайны ему откроются, не знает, каким невыносимо тяжелым может быть божественное благословение, а главное, какой страшной окажется правда о том, кем являются боги на самом деле.

УДК 821.111
ББК 84(4Пол)

ISBN 978-5-17-120286-6

© Вегнер Р., 2010

© Издательство АСТ, 2010

Содержание

Восток. Стрела и ветер	7
И станешь ты стеною	7
Лучшие, каких можно купить...	48
Конец ознакомительного фрагмента.	82

Роберт М. Вегнер

Сказания Меекханского пограничья. Восток – Запад

Robert M. Wegner

OPOWIESCI Z MEEKHANSKIEGO POGRANICZA.

WSCHOD – ZACHOD

Публикуется с разрешения автора, издательства Powergraph и при содействии Владимира Аренева и Сергея Легезы

Copyright © 2010 by Robert M. Wegner

Copyright © 2010 by Powergraph

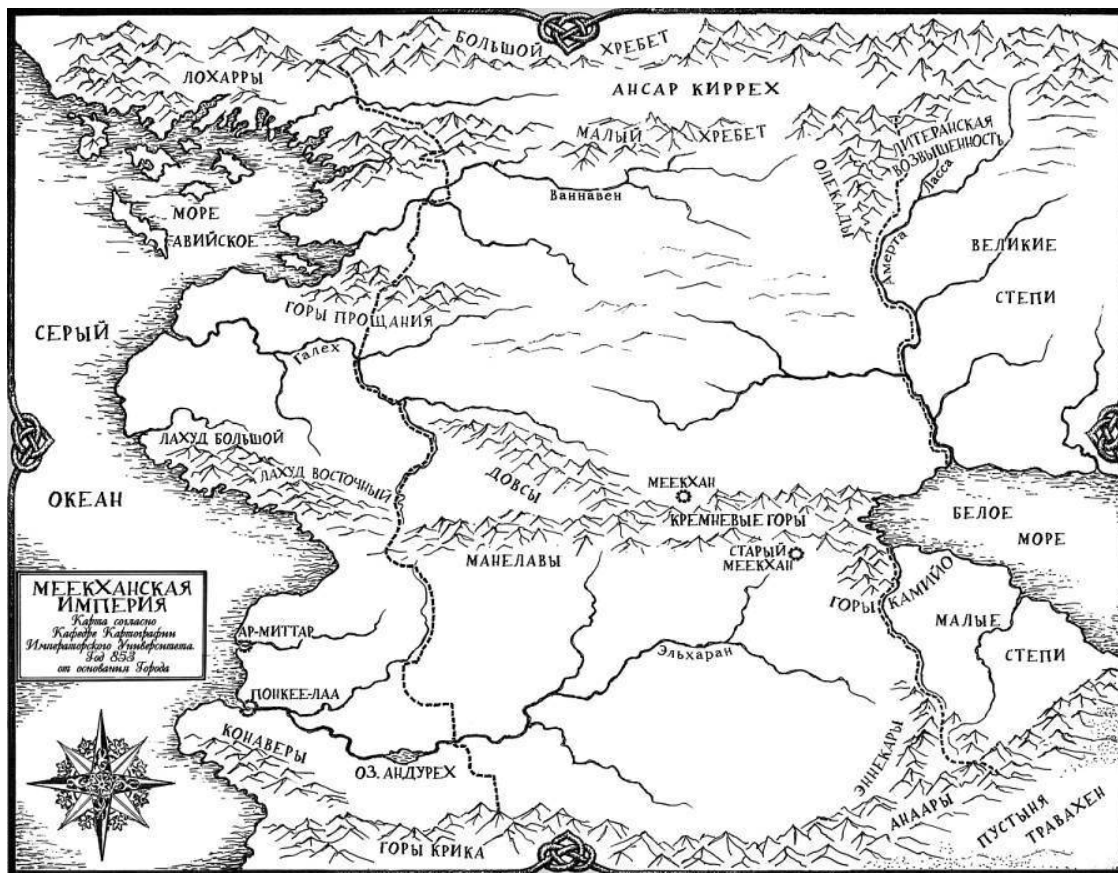
© Сергей Легеза, 2016, перевод

© Михаил Емельянов, иллюстрация, 2016

Copyright © 2015 for the map of Meekhan by Jolanta Dybowska

© ООО «Издательство АСТ», 2016

Восток. Стрела и ветер

И станешь ты стеною

Постоялый двор «Вендор» стоял на восточной окраине поселения. И хотя Лифрев был не каким-то там местечком, а большим, насчитывавшим более двух тысяч жителей, городом, что лежал на торговом пути между Меекханской империей и землями под властью се-кохландийских племен, все равно казалось, что «Вендор» попал сюда совсем из другого мира.

Прежде всего из-за его размеров. Само подворье было большим квадратом со стороной ярдов в шестьдесят, а северный и южный концы его подпирались двумя конюшнями, где могло одновременно разместиться более двухсот лошадей. С западной же стороны вставало основное здание.

Основное здание...

Было оно трехэтажным, что уже редкость в этих землях. К тому же построили его из кирпича, а не из серого песчаника, как большинство домов в городе, да еще покрыли красной черепицей, а такому могла позавидовать даже ратуша.

На этом, впрочем, красота постоялого двора и заканчивалась. Стены его были в три фута толщиной и скалились щелями окон, высоких, но настолько узких, что и ребенок не проскользнул бы внутрь, к тому же закрывались они солидными, окованными металлом ставнями. Двери также не были просто украшением: толщиной в три пальца, низкие, проклепанные железными гвоздями и посаженные на петли шире мужской ладони, они подошли бы скорее для замковой стены, а не для гостеприимного постоялого двора.

Легко можно было представить себе, как в несколько мгновений дом превращается из приветливого к путникам места отдыха в огрызающуюся во все стороны стрелами крепость.

И, пожалуй, именно поэтому он прекрасно подходил пограничному городку и этим беспокойным временам.

Было уже порядком за полночь, когда на тракте застучали копыта десятка-другого коней. Несмотря на позднее время, многие из гостей еще не ложились, одно из окон-бойниц вдруг осветилось, кто-то крикнул, и вокруг вскипело внезапное движение.

Наружу высыпали люди, слуги и сонные конюхи побежали к животным, успокаивая их, помогая сойти всадникам. За слугами из постоянного двора принялись выходить гости, пока-тился гул разговоров.

– Серый Волк...

– Старый Войдас говорил ему, чтобы подождал...

– Ласкольник – это тот, кто поймал...

– Пару дней как он отправился в дикие поля за а'кеером гердоонцев.

– Ну, гляньте-ка, добрые люди...

– А и потрепали их, видать, стычка изрядная случилась.

– Вон, носит волчью...

– На лошадей смотри, Авент, на лошадей.

И вправду, как люди, так и кони выглядели погано. У одного из всадников голова обернута тряпкой, другой бросался в глаза порыжелой повязкой, кое-как затянутой на бедре, у кого-то еще рука на простой перевязи. На всех заметны следы схватки: порубленные панцири, треснувшие щиты и погнутые шлемы. Но куда важнее было то, как они сидели в седлах: горбленные, пошатывающиеся из стороны в сторону, чуть не засыпающие на конских хребтах. А когда друг за другом начали они наконец-то спускаться на землю, то некоторое время покачивались на трясущихся ногах, не зная толком, что делать.

Еще хуже выглядели кони. Загнанные, худые, со сбитой шерстью и запавшими боками, они стояли, неловко раскорячившись, свесив головы и тяжело дыша. Картина беды и отчаяния.

На подворье появился владелец «Вендора», старый Бетт.

– Быстрее, *ламаги*! Лошадей в конюшни, расседлать, вытереть, расчесать, наполнить кормушки и поилки. Людей внутрь! Что, господин генерал, тяжелый день?

Мужчина, к которому он обращался, как раз сходил с сивого жеребца. На человеке был простой военный шлем со стрелкой-наносником, кавалерийская кольчуга, черные кожаные штаны и серая епанча – столько можно было рассмотреть в свете факела. Человек небрежно махнул трактирщику и сразу направился к стоящему чуть поодаль коню. В изукрашенном серебром седле, склонившись и обняв конскую шею, сидел молодой парень. Мужчина ухватил его за плечо и осторожно потянул вниз. Парень внезапно дернулся, заорал дурным голосом и обмяк. Из-под почерневшей повязки на его животе потекла кровь.

– Кайлеан!

Ближайший из всадников соскочил с седла и подбежал. Девушка. Одевалась она на мужской манер: шерстяные штаны, льняная рубаха, сапоги до колен – ничего странного в этой части мира, где женщины часто помогали мужчинам в перегоне стад и иных трудах, что требовали верховой езды. Но на рубаху ее была наброшена кольчуга с короткими рукавами, из-под нее высывался край набивного колета, а широкий, мастерски сплетенный пояс оттягивала сабля. А это уже был отнюдь не привычный вид даже для местных женщин.

Девушка подхватила раненого за ноги, и вместе они внесли его на постоянный двор.

Военный бесцеремонно сдвинул кружки и миски с ближайшего стола. Осторожно положили парня на испятнанные вином и соусом доски.

Двое купцов, дремлющих оперев головы на сплетенные руки, вскочили с мест.

– Вы чего?! Чего... – затянул пьяным фальцетом тот, что помоложе.

Мужчина проигнорировал его, все внимание сосредоточив на раненом. Его спутница подошла к купцам и принялась что-то шептать, держа ладонь на рукояти сабли. По мере того как она говорила, боевой дух, казалось, покидал пьяниц, а потом оба они, бормоча извинения, поплелись в другой угол комнаты.

Офицер снял шлем, открывая взглядам седую челку, некоторое время осторожно осматривал раненого. Тяжело вздохнул и повернулся, ища взглядом своих людей.

– Бендарей, Рюта, Дагена, передайте остальным. Управятся в конюшни, выюки – внутрь. Раненых сразу наверх. И пусть кто-нибудь позовет Аандурса.

Владелец постоялого двора уже стоял рядом:

– Слушаю, генерал.

– У него горячка, со вчера блюет кровью и желчью. – Офицер указал на парня. – Нам нужен медик, лучше всего Вайльхорн.

– За медиком я уже послал, но вот старый чародей... Хм... Нет его, пару дней как уехал в Верленн.

– Проклятие! Авейн не доживет до рассвета с такой раной в брюхе.

Берт покачал головой:

– Ничего не поделаем, генерал. Все в руке Владычицы. У меня три свободные комнаты наверху. Одну я уже приготовил для раненых.

– Буду благодарен. И одну – для женщин.

– Как обычно.

Девушка будто бы хотела что-то сказать.

– Не начинай снова, Кайлеан. В конюшнях нынче спит человек сорок возниц в подпитии.

– Ничего бы с нами не случилось.

– С вами нет – а с ними? И чего ты до сих пор здесь торчишь? Кажется, у твоего коня проблемы с передней ногою. И только ты сумеешь это чудовище расседлать, не будучи покусанной и стоптанной. Управься с ним и промой настоем из ромашки. Жаль такое славное животное.

Мгновение они мерили друг друга взглядом, серые глаза мужчины и зеленые – девушки. Наконец она гневно фыркнула, развернулась, метя воздух темно-русой косичкой, и вышла.

* * *

Утром она проснулась последней. Открыла глаза и некоторое время таращилась в белый потолок, стараясь вспомнить подробности последних дней. Воспоминания были размытыми, неясными, наполненными жаром сражений, свистом ветра в ушах, стуком копыт идущих галопом коней и звоном скрежывающихся сабель. А закончилось все долгим, отчаянным бегством да погоней, сидящей на загривке. Она непроизвольно дотронулась до повязки, стягивавшей ее левое плечо. Одеревеневшие мышцы болели сильнее раны.

Подъем казался дурной идеей, но со двора доносились звуки суеты, а остальные три женщины, с которыми она делила комнату, уже успели выйти.

Она тяжело вздохнула и, проклиная ноющие мышцы, сползла с кровати. В углу нашла миску и кувшин с водой. Умыла лицо, заплела косицу и собрала разбросанные части одежды. С предыдущего вечера она помнила только, что была так измучена, что стягивала их, мечтая о постели. Втиснулась тогда между Леей и Дагеной и уснула, прежде чем обе прекратили ругаться.

Поколебавшись, она отбросила пропотевшие вещи в угол и вытащила из выюков чистые. Зеленая рубаха, синий кафтанчик, темно-синие штаны, свежие онучи. Когда она наконец натянула высокие сапоги и перепоясалась саблями, почувствовала себя куда лучше.

Кошмары предыдущих дней побледнели.

Она услышала стук когтей по полу, и из темного угла появился пес. Зверь был палевым, похожим на степного волка, но больше и массивней. В холке он доходил ей до середины бедра, а мощные челюсти, казалось, предназначались для дробления костей.

– Привет, Бердеф... – Она присела и почесала его за ухом. – Я уже боялась, что ты не сумеешь нас догнать. Хорошо, что ты вернулся, но не крутись здесь, особенно около конюшен. Кони этого не любят.

Пес заворчал и отошел в угол. Потоптался там по кругу и свернулся на полу.

– Ну ладно, если хочешь, то можешь остаться и здесь. Я иду в конюшни.

И вышла.

* * *

На подворье было людно. В «Вендоре», кроме ее отряда, стояли еще и купцы, идущие с караваном в Тенкор, несколько странствующих торговцев-нищевродов, пара фокусников, группка пастухов и порядком иного люда – невесть каких занятий. В эту пору те, кто уже успел протрезветь или же, к досаде Бетта, не упился в прошлый вечер, суетились по всему двору. Караван – десяток тяжелых, крытых полотном фургонов, в каждый из которых впряжена была четверка лошадей, – собирался в путь. Предводитель его, красный с лица и со злостью в глазах, матерился, будто сотня сапожников, ясно давая понять, что именно он сотворит со своими возницами, ежели те тотчас не пустятся в дорогу.

– Сейчас же! – надрывался он, размахивая руками. – Слышите, недостойные и плевать козы ублюдки?! Сейчас же!!

Фурунги неторопливо покидали подворье с эскортом двадцати вооруженных до зубов всадников.

Несколько она узнала. Чаардан Веторма.

Она свистнула в два пальца и помахала последней двойке. Те поприветствовали ее в ответ, не пытаясь перекрикивать царящий здесь бедлам.

Сам Веторм, в седле, чуть склонившись, как раз разговаривал с Ласкольником. Командира она узнала, главным образом, по седой шевелюре. Одетый по-праздничному, гладко выбритый, выглядел он так, словно несколько последних дней провел, вылеживая под пуховой периной.

Наконец Веторм кивнул, улыбнулся, пожал Ласкольнику руку и погнал вслед каравану.

Кха-дар неспешно подошел к ней:

– Доброго дня, Кайлеан. Как спалось?

– Доброго дня, кха-дар. Не знаю, не помню. Не слышала даже храпа Леи. Что там у старого злодея?

– У Веторма? Сама видишь, трудится нынче, предоставляя эскорт для караванов немветских купцов. Платят порядком, дают еду и процент от прибыли. К тому же – скучная работа, словно кишки в масле.

– Хотелось бы и мне порой так поскучать. Без обид, кха-дар.

Тот чуть улыбнулся.

– Я тебя прекрасно понимаю, девушка. Но... служить людям, которые и дня не провели под голым небом, но говорят тебе, куда ехать, как быстро, с кем биться – и даже когда слезать с коня? Ну, скажи-ка сама.

Он демонстративно передернулся.

– Я проведал твоего коня. Выглядит лучше, но ногу я осмотреть не сумел, скотинка даже на меня зубами щелкает. Тебе бы с ним поговорить, объяснить, кто здесь командует.

– Я пытаюсь, кха-дар, пытаюсь каждый день, но он все еще считает, что пуп вселенной – это кони.

Он улыбнулся и отправился по своим делам. Кайлеан же пошла к хозяйственным пристройкам.

В конюшне было пусто. Торин приветствовал ее благодушным пофыркиванием. Она погрозила ему пальцем:

– Ты снова ведешь себя словно дикарь. Сколько раз я тебе говорила, чтобы ты не пытался кусать людей из нашего чаардана?

Он фыркнул снова, чуть менее благодушно.

– Никаких «но», – ласково похлопала она его по стройной шее. – Последние три дня ты был молодцом. Я тобой горжусь.

Он игриво толкнул ее башкой, едва не опрокинув.

– Да тихо ты... – Она склонилась над его обмотанной полотном бабкой. – Лучше покажи ногу.

Опухоль явно спала. Мазь творила чудеса.

– Ну, сегодня ты еще бегать не станешь, а вот через день-другой начнем прогулки.

Она проверила, полны ли ясли овса и есть ли в поилке свежая вода. Все было в наилучшем порядке.

Выходя, она снова столкнулась с командиром. На этот раз рассмотрела его куда внимательней: кавалерийские штаны, сапоги из лучшей телячьей кожи, темно-красный бархатный кафтан, из-под которого отсвечивала белизна рубахи. Кафтан затянут тяжелым, посеребренным поясом, на котором, как видно для контраста, висел длинный прямой меч в простеньких ножнах.

– Сватаешься, кха-дар?

Он отогнал ее взмахом руки.

– Иду к гендорийцу торговаться за тех лошадок, что мы отбили. Это ведь был его табун. Старый хитрец попытается откупиться сеном. А по дороге у меня еще одно дело.

– Ага. До полудня есть что делать? Я бы проведала семью.

– Иди, – бросил он коротко. – Скажи Анд'эверсу, что будет работа для кузнеца.

– Скажу...

Внезапно она заметила, как из противоположной конюшни выходит Кошкодур, ведя сивого коня с уздой, украшенной серебром, и снаряженного будто в дорогу. Даже меч и щит приторочены к седлу. Два других коня стояли рядом. Трое верховых с черными лентами, вплетенными в гривы. Она сдержала стон.

– Авейн?

– Да, дочка. Сегодня ночью.

Где-то внутри нее отозвался стыд. Один из ее друзей умирал, а она спала как ни в чем не бывало. Даже не попрощалась с ним.

– Он не приходил в себя. – Казалось, Ласкольник читал ее мысли.

– Кха-дар, – заколебалась она, – может, в *амрех* пойду я? Будет порядком слез и криков. Люди ведут себя иначе, когда рядом женщина.

Он покачал головой, стараясь не смотреть ей в глаза.

– Нет, дочка. Тут команду я, и это мой камень. Не свалю его на чужие плечи.

Она еще раз глянула на сивого коня.

– Сольвен был последним сыном вдовы травника. Теперь она осталась одна. Я ее знаю. Позволь мне пойти хотя бы к ней.

Он внимательно посмотрел на нее.

– Ты и вправду хочешь этого?

Она выдержала его взгляд.

– Нет, кхе-дар, не хочу. Но я знаю его мать, Вейру, и будет лучше, если именно я верну его домой.

Он медленно расслабился:

– Хорошо, Кайлеан. Ступай.

Она взяла у Кошкодура поводья сивки и, оглаживая коня по ноздрям, шепнула:

– Пойдем, путник, пора домой.

И в тот же самый миг она словно исчезла. Люди рядом с ней опускали глаза, делая вид, что у них есть более важные занятия где-то на уровне роста мелкой домашней скотинки. Неправильно таращиться, когда душа мертвеца возвращается домой.

Кайлеан по той же причине не садилась на коня. Место в седле предназначалось для воина, павшего в битве. Во вьюках лежала изрядная часть их последней добычи. Вместе с оружием, упряжью, седлом и конем она представляла собой немалое богатство.

Но шла Кайлеан с этим к женщине, последний сын которой теперь стал пищей для воронов в степи.

Амрех – это воистину тяжелый камень.

Она прошла центром города, образованным перекрестком двух главных улиц. Никто ее не цеплял, никто не приветствовал, хотя многих она знала. Да и сама она делала вид, что здесь она – чужая.

Амрех – это камень, который должно нести в одиночестве.

Прежде чем она добралась до места, Кайлеан уже поняла, что будет непросто.

Вдова травника дожидалась ее перед домом. В редеющие седые волосы она вплела черные ленты. Знала.

На расстоянии десятка шагов стояла толпа зевак. Старую Вейру не слишком-то любили. Она считалась ведьмой и отравительницей. Большинство явились, чтобы упиться ее болью.

Кайлеан подошла прямо к вдове. Подала ей поводья:

– Я привела его домой, матушка Вейра.

Черные глаза глядели на нее с хмурой одержимостью:

– Привела? А мне кажется, что мой Сольвен лежит где-то в травах с черной стрелой в сердце и что вороны выклевали ему глаза.

Кайлеан резко вздохнула. Потом, согласно обычаю, повторила:

– Я привела его домой. Погиб он смертью воина.

Смех старухи был страшен:

– Смертью воина? Меня не обманешь, девушка. Я знаю, как оно было. Мне это снилось. Буря в степи, ночь, вихрь и дождь. Молнии на небе и на земле, безумная гонка через море трав. Ржанье лошадей, свист стрел и лязг клинков. Я чувствовала его страх, страх моего маленького сыночка, и его стыд из-за этого страха. Я ощущала его отвагу и глупую, безумную надежду на то, что он – выживет.

Одинокая слезинка скатилась по морщинистой щеке.

– Я чувствовала стрелу, которая ударила его в грудь, вместе с ним я падала с коня – и умерла там, в степи, в дожде, в грязи и битвенной кипели.

Черные глаза вспыхнули ненавистью.

– Потому не говори мне, что привела его домой! Ты оставила его там, в грязи, ты и этот убогодок Проклятых, Ласкольник!

Кайлеан прикрыла глаза. Этот камень оказался тяжелее, чем она думала.

– Такая судьба, – прошептала она.

– Судьба?! Судьба!! Его судьбу ткал Серый Волк с того момента, как Сольвен присоединился к вашему чаардану. Но и судьба Ласкольника вскоре исполнится. Слышишь? Исполнится. Смерть идет к нему, смерть в дожде, и в буре, и в свете молний. Мне снилось это в прошлую ночь. Берегись, Кайлеан, потому что я видела и тебя. Ты ехала на жеребце, черном, словно ночь, а следом шли огонь и дым. В руке ты держала саблю, доспех твой был из костей и

перьев, а на лице – кровь. И ты пела, а слова песни стали черными птицами, что летели пировать на мертвецах. Берегись, Кайлеан.

Толпа замерла. Известно было, что травница иной раз пророчествует. Несколько женщин сложили пальцы в знаки, отгоняющие зло. Кайлеан в третий раз протянула ей поводья.

– Я привела его домой, – было странно, но голос ее не дрожал. – Примешь ли его душу или мне придется угнать его в степь?

Морщинистая ладонь приняла повод. И внезапно из вдовы вытекла вся суровость и гнев. Она покачнулась и – когда бы не вожжи – упала бы на землю.

– Приветствую тебя дома, – прошептала она едва слышно. – Приветствую тебя дома, сыночек.

Она повернула залитое слезами лицо к девушке.

– Почему?! – Голос ее ломался и дрожал. – Почему, Кайлеан? Почему именно он? Почему не кто-то другой? Почему не я?

Она выкрикнула этот последний вопрос прямо в небеса. Кайлеан приобняла ее.

– Не знаю, матушка Вейра. Я всего лишь глупая девушка. Знаю немного. Такая судьба.

Старуха понемногу начала успокаиваться:

– Судьба, говоришь. Пусть будет судьба.

Она неловко высвободилась из объятий.

– Благодарю, что ты привела его домой, Кайлеан. Его душа благодарна, – добавила она традиционные слова.

Слыша топот копыт, девушка повернулась.

– Кайлеан! – Лея выглядела так, словно проскакала десять миль. – Все к «Вендору». Молнии под городом!

* * *

В «Вендоре» былолюдно. Постоялый двор напоминал осиное гнездо, в которое ткнули палкой. На подворье топталось с полсотни коней, между ними суетились люди. Кайлеан прикинула, что их число превышает сто. Все вооружены. Большинство – кричали.

– Две сотни, говорю тебе, две сотни – как нечего делать.

– Дуришь!

– Они встали под городом средь бела дня! Не посмели бы, окажись их меньше.

– Так ты небось так перепугался, что у тебя в глазах двоится.

– Что-о-о?! Что ты сказал?!

– Говорю вам, битва грядет. Не может же быть, чтобы се-кохландийцы въезжали сюда просто так.

– А Ласкольник? Что он сказал?

– Да кто ж его разберет! Но, насколько я знаю Серого Волка, он им спуска не даст.

Она оглянулась через плечо, чтобы проверить, кто это там признается в таком товариществе с ее командиром. Этого парня в грязном кафтане она видела впервые в жизни.

Она пожала плечами.

Подошла к трем мужчинам, что занимались осмотром и правкой оружия. Те были из чаардана Веторма.

– Уже вернулись? – спросила она. – Быстро же вы.

Самый старший, которого звали Галкой, гневно скривился.

– Мы едва за город выехали, как появились Молнии. На глаз – с пять дюжин. Проехали в сотне шагов от нас, но я все равно видел, как их гляделки горят от мысли о добыче. Тьфу! – Он сплюнул на землю. – Проводник нашего каравана аж обосрался от страха и приказал пово-

рачивать. И пока мы здесь сидим, до тех пор и грошики пропадают, потому как купцы платят от перевезенного товара, а не от времени.

– Кайлеан, а верно, что вас именно Молнии потрепали?

Вопрос задал самый невысокий из них, с ногами кривыми, словно коромысло. Она не сумела вспомнить его имя.

– Еще неизвестно, кто кого потрепал, – буркнула она в ответ.

– Зато известно, чей чаардан прибыл на постоянный двор ночью – окровавленный и на загнанных лошадях.

– Знаешь ли... Грел, – вспомнила она его имя. – У нас за спиной далекая дорога была.

Галка усмехнулся в усы.

– Ты нам здесь, девушка, голову-то не морочь. Куда вас старик гонял?

– За Авенфель, – сказала она чуть менее уверенно, чем хотела, надеясь на кое-какую реакцию.

И не ошиблась. Вся троица аж подпрыгнула.

– Сто миль? – просопел Грел. – Всего лишь с тридцатью людьми? Ласкольник что, ошалел вконец? Туда бы и полка было мало.

Она гордо выпрямилась:

– Полка было бы мало, а вот Серый Волк пошел и вернулся. Гердоонцы десять дней назад перешли границу, сожгли три дворища, прихватили табун лошадей, потрепали военный разезд и снова сбежали за реку. Вы наверняка о том слышали. Да только наш кха-дар отправился следом. И теперь пятая часть их не сунется больше сюда никогда.

Галка покивал:

– Я слышал об этом отряде. Говорят, было в нем с сотню лошадок.

Она усмехнулась:

– Меньше шестидесяти. У людей от страха всегда двоится в глазах.

– И что было потом?

– После того как они сбежали за границу, разделились на три группы. Первая пошла на юг, на пастбища, увела коней. Мы накрыли их ночью, когда они встали лагерем. Не знали, что кто-то идет по их следу, к тому же упились награбленным вином, а потому мы взяли их, словно детей, во сне. И кха-дар отослал четверых, чтобы отогнали табун назад.

– Значит, дальше отправились всего двадцать пять?

Кайлеан не стала комментировать.

– Вторая группа направилась к Чарех-Дир, шли тяжело от награбленного добра, словно князья какие. Говорю вам – столько всего везли! Ковры, гобелены, ткани, посуду, чаши, оружие. И все – взятое в дворянских и купеческих поместьях. Даже жалко было оставлять.

Они покивали: мол, что-что, а это они понимают прекрасно.

– Вы до всех добрались?

– Почти. – Кайлеан позволила себе легкий вздох. – У них были уставшие кони, груженные сверх всякой меры, а к тому же им не хотелось драться, потому они сразу же бросились врасыпную. Как видно, всякий надеялся, что именно ему удастся сбежать с добычей. Мы их выбили, – она огляделась: вокруг начала собираться толпа, – легче легкого. Но у одного был такой сивый жеребчик. Эх, скажу я вам, что за конь. Когда перешел на рысь, мой Торин едва поспевал за ним. А потом тот кочевник обрезал вьюки – и мы с Торином словно остановились. Я послала стрелу, но промазала. Сукин сын сбежал.

– Как видно, не то ему на роду написано, – проворчал кто-то за ее спиной.

– Погоди. – Галку рассказ явно увлек. – Получается, вы все то добро вывалили на землю?

– Не оставалось времени, чтобы брать все. Кроме того, согласно закону, все, что мы нашли, прошлый владелец может выкупить за четвертую часть стоимости. Жаль было коней нагружать.

Люди Веторма только усмехнулись.

– Потому мы и взяли лишь то, у чего нет хозяина, – только деньги – и отправились дальше. Тогда-то и начались наши проблемы. Из Чарех-Дир за нами послали погоню, и мы отошли на север. Кха-дар прекрасно знал, что делает: как раз грянула буря, и погоня двинулась на запад, думая, что мы рванули к границе. А мы бочком, бочком, втихую, и добрались до остатков гердоонского а'кеера за две мили перед их стойбищем, подле Аггар-Дум. Мы стоптали их, разогнали пасущиеся табуны и только тогда повернули на запад.

Она замолчала, не зная, что еще можно добавить. Некоторое время стояла тишина.

– Так кто ж вас порезал? – не выдержал Грел.

Она криво усмехнулась.

– Ну как – кто? Молнии.

– Ха! Я же говорил!

– Не напрягайся, Грел, – последний из людей Веторма толкнул его в плечо. – Понятно, что Серый Волк не дал бы потрепать себя кому ни попадя. Сколько их было?

– Сотня. Наткнулись мы на них ночью, и, пожалуй, они столь же сильно удивились, как мы. Мы прорвались, но они пошли по следам. Два дня сидели у нас на загривке.

Галка покивал:

– Наездники Бури. Так далеко на западе. Йавенир редко высылает свою гвардию в эту сторону. Это может означать проблемы. Ласкольник сообщил кому следует?

– Да. Гонцы отправлены в Верлен и Берегонт.

– Это хорошо. Плохо, когда Молнии показываются между разделенными кланами. Может, они готовят серьезный налет?

Она пожала плечами:

– Может. А может, Йавенир послал их, чтобы напомнили строптивым вождям, что это он – Отец Войны?

– Может, и так. – Грел усмехнулся. – Ну хоть что-то хорошее выяснилось из вашего лазанья где не просят. Хорошо быть своевременно предупрежденным. Думаешь, это те же, с которыми вы схлестнулись?

– Ты их видел вблизи? – ответила она вопросом на вопрос.

– Почти как тебя.

– Были побиты?

– Нет.

– Ну тогда это не наши. У тех, с которыми мы столкнулись, щиты треснувшие, а кольчуги в дырах.

– И это хорошо, потому как, – Галка повысил голос, – какое-нибудь дурачье того и гляди начало б гавкать на Серого Волка, что-де его вина, что, мол, он привел за собой Молний.

Кайлеан посмотрела через плечо. Несколько человек пыталось раствориться в толпе. Узнала она старого Вырру и одного из сыновей шорника, которого Ласкольник в прошлом месяце не принял в чаардан. Ну понятно.

– А где мой кха-дар? И ваш?

Галка фыркнул:

– Как это где? Сидят в трактире и совещаются – с бургомистром, Гендориком и парой других купцов. Да с половиной города в придачу. Истинная ярмарка, раздери их.

Она попрощалась кивком и двинулась к постоялому двору.

Внутри было побольше народу, чем она ожидала. Три длинных стола поставили посредине главного зала. Заседали за ними важнейшие из мещан. Остальные толпились под стенами, прислушиваясь и вставляя собственные, часто оскорбительные, замечания.

Когда она вошла, как раз говорил бургомистр адк-Верхоф. Из-за одышки он то и дело прерывался и отирал потное лицо льняной тряпкой:

– ...и потому я вам говорю, люди, что нет причин для беспокойства. И уж точно нет причин вооружаться и готовить какие-то там военные экспедиции. Это всего лишь...

– Это же Молнии! – заорал из угла какой-то горлопан. – Ублюдки Шейрена! Надобно их перерезать, пока они не перерезали нас!

– Ве-е-ерно!!

Толпа подхватила идею навести порядок, словно речь шла о том, чтобы выдуть пару бочек дармового пива.

– Смерть мерзавцам!

– Спустить с них шкуру!

– Стоптать их!

– Ежели не армия, то мы!

– Итак...

Кайлеан принялась проталкиваться к пятаку за спиной Ласкольника, где стояли остальные из ее чаардана.

Кха-дар сидел рядом с бургомистром. Он как раз неторопливо поднялся и обозрел все вокруг. Куда падал его взгляд, крикуны затихали.

– Вижу, ты, Кадех, скор в драке, – воткнул он взор в самого горластого сторонника наведения порядка. – А твоя собственная жена каждый день дает тебе в морду так, что аж шум стоит.

Несколько человек засмеялось, он утихомирил их взмахом руки.

– Впрочем, как я погляжу, таких, как ты, здесь вдосталь. Но когда се-кохландийцы копьями снимут вас с седла – быстренько поменяете решение. Это не группка бандитов, которые выбрались грабить и убивать. Проклятие, это же гвардия Йавенира, Отца Войны всех племен. Они не ходят за добычей, потому что и так со всякого похода имеют свою долю. Думаю, бургомистр совершенно прав. Это наверняка посольство.

Он сел. Встал старый Кеверс, владелец самых больших в городе торговых складов.

– Посольство или нет, – прокрипел он паскудно, – а должно нам соблюдать осторожность. С ними никогда ничего не известно.

– Именно! – крикнули на этот раз из темного угла. – Может, они шпионить пришли?

По залу пронесся неприятный шум.

– Я уже говорил вам, что это могут оказаться послы. – Бургомистр пытался перекричать нарастающую бурю. – И нам нужно принять их как послов. Возможно, они направляются к князю дер-Авдару, и худо нам придется, ежели по дороге они столкнутся с какими проблемами.

Последнее замечание подействовало. Шум стих. Князь Фергус-дер-Авдар владел огромными поместьями и был правой рукой императора в провинции. Тяжелой правой рукою. Мало кто в здравом уме пожелал бы с ним задираться.

– И потому я говорю: ждать. Продадим им все, чего потребуют, и смотрите мне, чтобы без обдираловки. – Бургомистр выразительно глянул на сидящего поодаль Кеверса. – Может, из этого посольства получится что хорошее для города и окрестностей.

– Не только для города и окрестностей, но и для славы Владычицы Степей и ее Детей. А также для выгоды всех правых, богобоязненных людей на этой земле.

На этот раз от тишины зазвенело в ушах. Все взгляды устремились к молодому мужчине, который воздвигся в углу.

– Кто ты? – спросил адк-Верхоф.

Мужчина исполнил дворцовый поклон, метая пыль полою широкого плаща. Поклон этот в переполненной людьми, пропахшей потом комнате казался издевкой.

– Аредон-хеа-Цирен, к вашим услугам. Квард'келл, Меч Правды, Третий Клинок Владычицы Степей в храме Милосердия и Справедливости в Йерф.

Тишина сделалась еще глубже, на миг показалось, что никто не знает, как поступить. Первым среагировал Ласкольник, слегка поклонился и сказал:

– Обычно Ловчие Лааль Сероволосой обладают чем-то бóльшим, чем просто слова, в доказательство того, кто они такие.

– Конечно.

Чужак улыбнулся, одной рукою извлек из-за ворота медальон, а второй отбросил плащ на плечо. Рукоять меча блеснула серебром, и показалось, что черные и красные знаки, украшавшие ножны, слегка раскалились.

Кайлеан глянула на Ласкольника. Эта демонстрация, похоже, не произвела на него впечатления. Генерал махнул ладонью:

– Могу я взглянуть на медальон? И на письмо?

Мужчина подошел к лавке, вытаскивая из-за пояса сложенную залакированную карточку. Кха-дар склонился, внимательно осмотрел висящий на шее пришлеца медальон, на котором изображено было лицо молодой женщины, окруженное мчащимися лошадьми, сломал печать и развернул бумагу. Наконец кивнул, удовлетворенный.

– Ловчий, – сказал он громко. – От храма в Йерф – длинная дорога.

– Увы, в эти беспокойные времена нам приходится идти туда, где мы нужны, и служить там, где возрастает угроза зла. – Мужчина говорил таким тоном, что не понять было, цитирует он символ веры или просто издевается.

Кайлеан присмотрелась к нему внимательней. Молодой, светлые волосы, голубые глаза – был бы даже симпатичным, если бы не слишком большой нос и ироническая гримаса, приклеившаяся к губам. Под плащом он носил голубой кафтан, украшенный серебряной нитью, зеленую рубашу и темные штаны, по последней моде заправленные до колен в высокие кавалерийские сапоги. На руках – перчатки. Выглядел как фат, а не как представитель вооруженной руки сильнейшего из храмов восточных провинций.

Ловчий спрятал медальон под кафтан и повернулся к толпе:

– Именем Храма и Владычицы Степей, под угрозой проклятия я запрещаю любые провокации против Наездников Бури, любые враждебные жесты. Се-кохландийцы останутся здесь самое большее до вечера. Они никому не причинят вреда. А теперь, – он повысил голос, – я хотел бы поговорить лично с бургомистром, генералом Ласкольником и капитаном Ветормом. Если они посчитают потом, что надо, добрые люди, поделиться услышанными от меня вестями с вами, то наверняка так и поступят.

Комната начала пустеть. Кайлеан в этот момент замешательства проскользнула лестницей наверх, в свою комнату, желая воспользоваться ее маленькой тайной.

В комнате не было никого, не считая пса, который, похоже, с самого утра не двигался с места.

– Тихо, – шепнула она. – Оставайся.

Она отодвинула лежащий на полу толстый мат и легла на доски. Приложила глаз к самой большой щели. Принялась подсматривать.

В комнате остались только четверо. Бургомистр, Ласкольник, Веторм и Ловчий. Некоторое время все молчали, внимательно переглядываясь.

– Итак? – начал Веторм, скрещивая руки на груди. – Как понимаю, ты как-то связан с прибытием Молний? В чем там дело?

– Отче, – ласково поправил пришлец.

– Что?

– Отче. Так надлежит обращаться к воину Святого Ордена Владычицы Степей, когда он исполняет свои обязанности. Знаю, не похож, однако я – монах ордена Ар-Квард'келл, а это что-то да значит для всякого честного и набожного человека в империи.

Веторм слегка наклонился, оперся о лавку.

– Честные и набожные люди в этой провинции империи, – процедил он, – приветствуют се-кохландийцев стрелами да саблями. Те, кто так не поступает, весьма подозрительны.

Кайлеан глядела сверху, а потому могла лишь вообразить издевательскую ухмылку, искривившую лицо Ловчего.

– Честные и мудрые люди, – сказал тот, – умеют видеть несколько дальше расстояния сабельного удара и даже дальше, чем летит стрела из лука. Потому стараются видеть больше и больше понимать. Остальным следовало бы слушать их решения и делать вид – хотя бы делать вид, – что они понимают хоть что-то из происходящего вокруг.

Ладони Веторма сжались в кулаки. Ласкольник положил ему руку на плечо:

– Прежде чем вы оба начнете ставить под сомнение честь своих матерей, давайте выслушаем, что желает сказать нам отче хеа-Цирен, – произнес он спокойно.

Монах вытащил из-под плаща кожаный футляр:

– Прежде чем я начну, скажу лишь, что дело это не имеет ничего общего с последним рейдом генерала Ласкольника на территорию се-кохландийцев, – вздохнул он тяжело. – Нынче ночью я надеюсь завершить следствие, что началось больше года назад.

– Завершить с помощью Молний? – В голосе Ласкольника не удавалось прочесть ничего, кроме искреннего интереса. – Разве у Храма нет собственных отрядов?

– У Храма Владычицы Степей есть собственные отряды. Согласно императорским законам – числом четыреста сорок шесть солдат. А еще – тридцать три брата ордена Ар-Квард'келл, оружейной руки иерархов. Но этого маловато для наших нужд.

Веторм фыркнул:

– Да, вы спите и видите ту власть, что была лет триста тому, во времена Микохерна, когда Храм имел восемнадцать тысяч головорезов, готовых сорваться с места по одному кивку, и когда вы и вправду правили на Востоке. Снова хотелось бы вам, чтобы люди падали ниц перед жрецами и целовали их обувь, а?

– Это старые дела... – вмешался бургомистр, пытаясь снять напряжение.

– Старые и – что важнее – не имеющие ничего общего с нашим делом, – заметил Ласкольник. – Зачем вам нужны Молнии? И почему – они, а, например, не какой-нибудь из наших отрядов?

Ловчий пожал плечами:

– Потому что дело это переступает границы и различия между народами. Молнии – это ведь не просто гвардия Йавенира, это еще и военная рука Владыки Бурь по ту сторону границы. До определенной степени они – наше отражение, их задача – стоять между людьми и силами зла.

– Как услышу о силах зла, – проворчал Веторм, – сразу перед глазами возникают сто тысяч кочевников, что свалились нам на голову тридцать лет назад. Горящие города и села, колья и распятия, небо, затянутое дымом, и земля, растоптанная после прохода се-кохландийских а'кееров. А во главе той орды, монах, шли именно Наездники Бури. Вот что для меня – силы зла.

– Я в этом не сомневаюсь, капитан. Не сомневаюсь, что военному, как вы, есть дело лишь до марширующих армий, войн между царствами и драк в корчмах. – Ловчий произнес это негромко и медленно, но тоном таким, что воздух, казалось, вскипел. – Потому как для меня нет большой разницы между бандой дуболомов, лупящих друг дружку сломанными лавками в грязной заблеванной избе, и бандой дуболомов, лупящих друг дружку железом где-нибудь в поле. Число их в этом случае – дело второстепенное. Я, капитан, смотрю на мир как на поле битвы между Светом и Тьмой. Между нашей Владычицей, ее Матерью и Семейством – и демонами с той стороны Мрака, Нежеланными и всеми их ублюдками. Со времен Войн Богов миновало три с половиной тысячи лет, и почти все успели позабыть, из-за чего они велись. Не из-за границ, не из-за того, кто кому станет платить подати и кому – целовать обувь. Человек

другого человека может пленить, ограбить, даже убить, но Нежеланный способен сделать так, что ты и твои дети перестанете быть людьми, уничтожить вас так, как если бы вы никогда не рождались, отобрать любую надежду, вырвать вам душу и подтереть ею зад. Потому тех, кто кланяется Нежеланным, кто тянется сквозь Мрак в поисках Силы и мощи, я стану преследовать с помощью любых доступных мне средств. И горе тому, кто попытается встать у меня на пути.

Кайлеан, лежа на полу, мысленно выругалась. Проклятие, проклятие, проклятие. Болтает словно какой-то...

– Трехнутый фанатик, – снова отозвался пришлец. Она легко представила себе его усмешку. – Вы ведь именно так и подумали, верно?

И, не дожидаясь ответа, он продолжил:

– Я предпочитаю начинать разговор именно так, чтоб не увязнуть в теологических дискуссиях – для этого нет времени. Не стану вдаваться и в подробности насчет того, правдива ли речь, которой я вас огорошил, или нет: многие готовы верить моим словам, другие насмеются, их дело. Остальное же – предельно просто. Мы вот уже год выслеживаем банду Помётников, которые пробираются туда и назад через границу. Порой месяц-полтора сидят у нас, потом – у них, потом снова у нас, и так по кругу. Когда петля начинает сжиматься с одной стороны границы – они сбегают на другую, а мы, Ловчие, лишь однажды зашли в погоне на восточный берег реки. Брат рех-Дерон вместе с тридцатью солдатами наткнулся на одно из племен и вернулся с уполовиненным отрядом. Именно поэтому вот уж месяц как мы установили контакт со Вторым Щитом Молний, их командиром на западе степей, и договорились о совместном преследовании. И петля затягивается вновь. И на этот раз – не только на одной стороне. Какие-то вопросы?

– Говоришь, банда Помётников... отче, – проворчал Веторм, – и отчего же до сих пор я ничего о ней не слышал?

– Да слышали вы, слышали, – ласково отвечал Ловчий. – Восемь месяцев тому назад резня на верленском тракте, тот маленький купеческий караван, что истребили до последнего человека. Новое Леф, малое сельцо, едва-едва десять домов, нынче там лишь руины. Полгода не прошло с того нападения. Поместье барона кер-Хитенна, ограбленное и сожженное, пастухи в Навесх, что погибли пару месяцев тому. Продолжать?

– Я помню бо́льшую часть этих происшествий. – Ласкольник поднялся с лавки и на миг исчез из поля зрения Кайлеан. – Все говорили, что это дело рук кочевников, следы вели на ту сторону границы. Вина?

Где-то сбоку звякнули металлические кубки.

– Охотно. – Монах принялся открывать футляр.

Бургомистр, до сей поры молчавший, вынул из рукава новый платок и отер лоб. Материал моментально пропитался потом.

– Помётники, – прошептал бургомистр. – Помётники ведь почитают Нежеланных и приносят им в жертву людей. Верно?

– Именно. – Ловчий кивнул.

– Они призывают демонов и тварей из-за грани миров, используют злую магию.

– Неаспектированную магию, бургомистр. Они не черпают Силу из безопасных для человечества Источников, не ходят Тропами, но тянутся ниже, к магии духов, к Силам, что дремлют на грани Мрака или за ним. – Ловчий вынул из футляра несколько пергаментных свитков и развернул их на лавке. – Даже аспектированная магия, берущая начало в источниках Силы, что считаются безопасными, гораздо изменять человеческий разум, мутить его, ввергать в безумие. Именно поэтому маги и чародеи, обучаясь годами, несколько первых лет учатся лишь как этому противостоять. О неаспектированных чарах мы не ведаем почти ничего. Великий Кодекс в окончательном виде возник лишь лет триста назад, а составление его заняло четверть века. И сделано это не затем, чтобы владеющие аспектированной магией чародеи не могли

иметь конкурентов, но потому, что иные разновидности чар всегда – повторяю, всегда – рушат человеческий разум, а частенько – и тело. Ахеры на севере используют магию духов, но они – не люди, в странах вне империи частенько маги, а то и целые гильдии пытаются освоить запрещенное знание. И это всегда заканчивается дурно. Впрочем, здесь, на Востоке, все тоже...

К столу подступил Ласкольник, держа четыре кубка и оловянный кувшин.

– О, прекрасно. – Монах забрал у него кубки и придавил ими уголки самого большого из пергаментов. – Это карта ближайших окрестностей.

Пергамент цвел красками. Кайлеан различила Амерту, главным образом, потому, что обозначалась она яркой синевой и знаком «вода».

– Вы правы, генерал, говоря, что все те нападения Помётников приписывали кочевникам. Они так действуют, путают следы, обманывают, наводят подозрение на других. Чем сильнее полыхает граница, тем лучше для них. Может, вас заинтересуют сведения, что когда они нападали на се-кохландийцев, то следы всегда указывали на один из наших отрядов или один из многочисленных свободных чаарданов. Чем больше между нами и кочевниками ненависти, тем лучше.

Он склонился над картой, и Кайлеан потеряла его из поля зрения.

– С сегодняшнего дня начинается большая облава на эту банду. С нашей стороны в ней принимают участие все стражники, каких мог послать Храм Владычицы Степей, и семеро Ловчих. Со стороны се-кохландийцев – триста Наездников Бури и несколько жереберов средней руки. Потому-то, генерал, вы наткнулись на Молний так далеко на юго-западе степей. Они не искали вас – всего лишь пытались захлопнуть ловушку. Какие-то вопросы?

– Отчего они здесь, а не по свою сторону границы – и где наши?

– По их сторону границы, конечно же, – фыркнул Ловчий. – Ночью наша старательно спланированная операция пошла кувырком, все перемешалось. Эта банда насчитывает где-то десяток Помётников, и несколько из них владеют сильными чарами. Они водили нас за нос: не стану скрывать, что им почти удалось ускользнуть. Отряд Молний в последний миг перешел границу, отрезая им дорогу в глубь империи. Сейчас мы точно знаем, где они находятся, и я надеюсь, что завтра утром мы с ними покончим.

– Лишь утром? – Веторм не скрывал сомнений.

Ловчий пожал плечами:

– Наверняка не ранее. Эта банда укрылась здесь, – он щелкнул пальцем по пятнышку на карте. – В Урочище.

Ласкольник кашлянул:

– Не знаю почему, но, едва увидев эту карту, чего-то подобного я и ожидал.

– А я – нет, – рявкнул Веторм. – Никто не переживет ночь в Урочище, потому нет смысла волноваться. Молнии могут возвращаться.

– Еще одна мудрость из уст капитана Веторма, – хеа-Цирен выпрямился, – что на самом деле лишь глупость. Урочища на местах битв разбросаны как по всей империи, так и за ее границами. Самое известное и большое – это Багряные холмы к югу от Старого Меекхана. То, что лежит к югу от города, настолько маленькое, что его даже не всегда отмечают в книгах магических гильдий.

Он налил в кубок вино, ополоснул горло и продолжил:

– Если спросите об Урочищах у чародеев, то услышите, что это места с исключительно активными Источниками Силы, как аспектированными, так и дикими. Скажут вам, что твари там появляются вследствие действия именно этих диких Источников. Они опишут Урочища как нечто занимающее место в естественном порядке вещей. – Он издал странный звук, наполовину фыркание – наполовину смех, и разразился сухим, свистящим кашлем. – Простите, – ни один из собравшихся за столом мужчин даже не вздрогнул. – Слишком долгая ночь на мокрой земле и в седле. Хе-хе, слуга Владычицы Степей, а ото сна в траве у меня ломит кости и

кашель рвет грудь. – Он снова вернулся к рассказу: – Духовенство же, жрецы и монахи поведают вам, что Урочища – видимый след присутствия Нежеланных в нашем мире, остатки Войн Богов. Что это места, которые могут оказаться вратами в иные пространства, в иные... части Всеобщности. Как правило, это места, где во времена Войн Богов велись крупные стычки или сражения с использованием невообразимых для нас Сил. В Урочищах боги либо Нежеланные сошли на землю в полной либо почти полной форме – и изменили ее.

– Нам это известно. – Ласкольник снял с пергамента один из кубков и тоже налил себе вина. – Мы живем подле Урочища, что лежит всего в трех милях к югу, – и только потому, что до сих пор оттуда ничего не вылезло. И одна из выгод – то, что с той стороны мы можем не опасаться нападения кочевников. Однако ты не ответил на вопрос Веторма. Почему ты полагаешь, что Помётники переживут проведенную в нем ночь?

Кайлеан усмехнулась сама себе. Ее кха-дар не слишком-то любил длинные переговоры и начинал испытывать нетерпение.

Ловчий вынул из футляра еще одну карту, чуть бо́льшую. Указал на голубую линию, что вилась через середину листа:

– Здесь – река Амерта. Граница между империей и се-кохландийцами. Это пятнышко у западного края – Урочище, что зовется Диким лугом, слабо активное и слабо известное. Еще одно пятно, по прямой – каких-то сорок миль, это Проклятие Гертисса, потом – Кровавый лес, Урочище, известное и вызывающее страх. Следующее – ваше, которое даже не получило собственного имени.

Сверху Кайлеан видела только руки Ловчего, что двигались от одного пятнышка к другому.

– За рекой, в степях – еще одно, известное до прибытия племен се-кохландийцев как Пустой Смех – хм, у местных кочевников было странное чувство юмора. Следующее Урочище находится вот здесь, подле Грель-Ренн, се-кохландийцы зовут его Дрег-оннен, Темное Место. Последнее из отмеченных на карте – это славное – или, скорее, бесславное – Ленрисс.

Указанные им места располагались на карте на прямой линии.

– Как видите, расстояния между ними почти одинаковы, да и большинство Урочищ – на прямой. Будь у нас карта побольше, вы бы поняли, что линия эта, – палец Ловчего скользнул по цепочке темных пятен, – кончается милях в пятидесяти на восток большим Урочищем, называемым Леннетр Оверт. Оно настолько велико, что никто не знает его истинных размеров. Говорит ли вам о чем-нибудь это название?

– Леннетр Оверт на языке даврийских племен означает Смерть Оверта или Падение Оверта. – Ласкольник медленно поставил кубок на стол. – Даврийцы говорят, что это имя они переняли от племен, которые ушли с тех земель на восток почти пятьсот лет назад. Верят, что там погиб Оверт, сын...

– Он не был ни сыном, ни дочерью и звался не Оверт, – произнес сурово Аредон-хеа-Цирен. – Истинного названия – поскольку это не имя – мы не знаем. Оверт являлся некой разновидностью тварей, которых нет в нашем мире, а с парой Нежеланных единила его не только близость крови, но и близость душ и разума. Был он скорее инструментом, эманацией, нежели сознающей себя, независимой сущностью. Но обладал силами обоих своих творцов, что заставило Повелителя Бурь... – Он раскашлялся снова.

– Галлега, – подсказал бургомистр, и лысина его тут же зарумянилась.

– Нам ведомы имена Великой Родни, – проворчал Веторм. – И нам ведомы легенды времен Войн Богов.

– Легенды? – Ловчий наконец-то успокоил свистящее дыхание и выпрямился. – Спроси живущих на западе лендорцев, поговори с шаманами ахеров, отъездь на тысячу миль к югу и встреться со скрывающими лица иссарами. Все они были здесь, когда боги ходили по земле. Они расскажут тебе истории, после которых остаток жизни ты проведешь, затаившись в тем-

ной башне и воя по ночам от страха. В этих местах три с половиной тысячи лет тому Владыка Бурь померялся силой с Овертом. Оба прибыли преисполненные мощью. Владыка Бурь собрал в едином месте всех своих авендери, сошел из собственного царства и объявился миру лично. Оверт зачерпнул от Силы своих творцов и прибыл как четырехрукая тварь со звериной головой. Руки дотягивались до небес, в шаге одним было десятков миль, а стопы выбивали в земле кратеры. Бились они от рассвета до заката, а вечером Оверт развернулся и бросился наутек, истекая кровью из многочисленных ран. Пробежал несколько сотен миль и далеко на востоке пал от удара божьего копья. Здесь, на этой карте, обозначены места, где кровь Нежеланного окропила землю. Это и есть Урочища. А Помётники – уже не совсем люди, они слишком далеко потянулись сквозь Мрак, и ничто им в тех местах не угрожает. Еще какие-то вопросы?

Тишина.

– Один.

– Слушаю, генерал Ласкольник.

– Чего ты от нас ожидаешь?

* * *

Не следовало ему об этом спрашивать, подумалось Кайлеан вечером того же дня. Хотя наверняка все равно ничего не изменилось бы – поскольку Аредон-хеа-Цирен как Ловчий Владычицы Лааль имел право заставить их отряд принять участие в миссии, цель которой было уничтожение банды Помётников. И все равно, лучше бы кха-дар не спрашивал. Поскольку именно приказ и стал ответом на вопрос, да еще и таким, какой не проигнорировать.

– Хочу, чтобы вы замкнули облаву с юга, – сказал тогда Ловчий. – Всего лишь замкнули облаву, я не прошу, чтобы вы еще и принимали участие в нападении – вам нет нужды въезжать в Урочище, этим займутся на рассвете отряды из Храма, которые к тому времени к нам присоединятся, и Молнии. Но в этом Урочище миля ширины и четыре – длины, и как раз с юга у нас нет никаких отрядов. Оттого я бы хотел... хм... Храм хотел бы, чтобы ваши чаарданы вместе со всеми желающими, которых сумеете набрать, уже сегодня выехали к Урочищу и заняли позицию вот здесь.

Он указал точку на карте.

– Завтра может выясниться, что нам не удалось убить их всех и что некоторые пытаются сбежать. Если из Урочища выедет кто-то не в цветах Храма или Наездников Бури... – Монах сделал многозначительную паузу: – Что ж, вы и сами знаете, что тогда делать.

Так вот они и оказались снова в степи. По прямой от Лифрева сюда было мили четыре, на самом же деле – не менее десяти, поскольку пришлось бы объезжать вытянутое Урочище. Чаардан Ласкольника насчитывал на этот момент восемнадцать человек, прочие – раненые – остались на постоялом дворе. Веторм привел двадцать два всадника, присоединились к ним и двадцать добровольцев – едва третья часть из тех, кто готов был встать на битву с Молниями. Когда же стало ясно, что дело будет не с се-кохландийцами, но с владеющими магией Помётниками, да еще и вблизи Урочища, большинство местных забияк потихоньку отправились по домам. И Кайлеан почти жалела, что не может поступить так же.

Ловчий поехал с ними. Даже Ласкольник выглядел удивленным его решением. Аредон-хеа-Цирен тогда криво усмехнулся и коснулся рукою груди:

– Мои легкие, а еще отец Сенрес, Первый Клинок, и Цеетрон-дег-Ланес, Второй Клинок Храма, решили, что я не стану принимать участие в нападении. Я назначен к городскому отряду вестовым, поскольку в Урочище от меня из-за болезни будет мало толку. Тамошние испарения выведут меня из сражения столь же уверенно, как удар меча. Но если случится, что некий Помётник выйдет оттуда на нас... – Он положил руку на меч. – Я не откажу себе в маленьком удовольствии.

Вот так шестьдесят всадников и Ловчий Владычицы Лааль и оказались на границе Урочища.

Они разбили лагерь на возвышенности, откуда открывался вид на все окрестности. Урочище раскинулось к северу от их стоянки и, честно сказать, не особо отличалось от остальной местности. Та просто-напросто плавно перетекала в неглубокую долинку, центр которой все время, сколько Кайлеан себя помнила, заполнял туман. Не было четкой границы, никакой вдруг появляющейся полосы увядшей травы или выжженной земли. Лишь туманные испарения здесь то и дело меняли свои формы, пульсируя в странном, непонятном ритме. Сегодня были они в поперечнике едва-едва несколько сотен футов – чтобы на следующий день разрастись на милю и заполнить всю котловину. За условную межу проклятой земли считали самую далекую границу испарений.

Кайлеан стояла у этой границы и смотрела на клубящийся туман. Он казался... нормальным. Бердеф подошел и потерся об ее ногу.

– А вот и ты, – пробормотала она рассеянно. – Что ты об этом думаешь?

Он тихонько заскулил, потом рывкнул.

– Да. Я тоже так считаю. – Она опустила руку и почесала его за ухом. – Может стать интересно.

Пес фыркнул и исчез в высокой траве. Кто-то приближался со стороны лагеря. Кошкодур. Блеснул улыбкой из-под желтых усов:

– Разговариваешь сама с собой, Кайлеан?

– Почти. Думаю вслух. Мы станем посылать патрули по флангам?

Он покачал головой:

– Нет. Монах утверждает, что почует всякого Помётника, который попытается выйти из Урочища. И мне кажется, что и старику не улыбается разделять силы. Что-то тут дурно пахнет, сдаётся мне.

– Не только тебе. Я говорила с девушками. Лея сказала, что у нее все время гусяная кожа, а Дагена увешала себя и лошадь таким числом амулетов, что они выглядят словно вырядившиеся на Праздник Лета. И мне кажется, что сегодня никто не ляжет спать.

– Что верно, то верно. Старик бродит кругами и бормочет себе под нос, а Ланс и Геронес едва не подрались. Да и у меня мурашки бегут по хребту. – Он сплюнул. – Проклятое Урочище. Мне и вправду хотелось бы, чтобы все оказалось проще: Молнии по ту сторону реки, ну и мы их бьем, а не выполняем роль невода, в который загоняют рыб. Увидишь, закончится тем, что нам придется еще осматривать их раны, держать за ручки и подтирать зады.

– Не дождутся, – усмехнулась она широко.

– Вот увидишь. – Он повернулся: – Привет, Даг.

С холма как раз спускалась Дагена. Ласкольник принял девушку в чаардан едва с месяц назад, а Кайлеан уже успела ее полюбить. Даг была из хеарисов, одного из местных племен, которое после нашествия се-кохландийцев не подчинилось им и нашло убежище на территории империи. Типичная представительница своего народа – высокая, темноволосая и смуглая, с чуть раскосыми глазами, – кожаную куртку и штаны она увешала птичьими перьями, костями, мешочками, набитыми травами, подвесками из цветных камешков и раковин. При каждом шаге амулеты терлись друг о друга и постукивали.

– Признайся, ты ведь ограбила старую Бясу, да? – Кошкодур ткнул пальцем в один из мешочков и тотчас отдернул руку. Внутри что-тобрякнуло.

– Нет. – Девушка усмехнулась, и они могли заметить, что все зубы у нее окрашены в зелень от жевания гнисса. – Я сама сделала. Бабка меня научила.

– Ага. Племенная магия. – Кайлеан покивала. – Говорят, она действенна, особенно в форме длинного амулета с оперением с одной стороны и куском железа – с другой. Амулет такой зовется стре-ла, и он в силах отогнать любое зло. Особенно если выстрелить его из хоро-

шего лука. Кстати, наш набожный муж при виде тебя не впал в ярость? Только вчера он говорил об аспектированных чарах...

Кошкодур глянул на нее исподлобья:

– А ты откуда знаешь?

– У нас, девочек, свои тайны... – Дагена сверкнула зеленой улыбкой. – Не приставай. А что он еще говорил?

– Да всякое, жреческую чушь: Войны Богов, старые легенды, борьба добра и зла.

– Ага. Мне только интересно, отчего, если речь идет о битве добра и зла, жрецы сами так редко шевелят задом? Болтовня, болтовня, болтовня, а потом всегда: ступайте, дети, на бой с силами Мрака сами, потому как нам-то еще нужно в храме подмести...

– Вина напиться, – добавила Дагена.

– Девку от... – Кайлеан обернулась, почувствовав движение, – ...отысповедать.

Кошкодур фыркнул:

– Чего это ты, Кайлеан? На самом-то деле...

– Отодрать? – Аредон-хеа-Цирен подошел беззвучно. – Как видите, не все жрецы проводят свою жизнь лишь в храмах, а если кто-то утверждает иное, то я с радостью, едва решим все проблемы здесь, встану на защиту чести Ловчих Владычицы Степей. – Он холодно улыбнулся и положил ладонь на рукоять меча.

Кошкодур отступил на шаг, прищурился.

– Не думаю, чтобы в этом была необходимость. – Кайлеан встала между ними. – Мне уже доводилось, монах, видывать такое: серьезный тон, грозное лицо, а через миг – издевка и смех.

– Я так и думал, что кто-то подслушивал наше совещание. С потолка то и дело сыпался какой-то мусор, а твой кха-дар делал все, чтобы отвлечь наше внимание от этого необычного явления.

– Мыши. И крысы, – кивнула она с невинным выражением. – Старый Берт никогда в этом не признается, но на его постоялом дворе крысочки – размером с поросят. И говорят, что порой постоялец может исчезнуть прямо из комнаты, а утром находят только несколько окровавленных тряпок.

– Точно. Потому-то мы и спим все в одной комнате. – Дагена энергично кивала, амулеты же ее шелестели и постукивали. – Всегда одна из нас на страже.

Ловчий смерил ее взглядом с головы до ног, но не стал комментировать ее слова. Кайлеан поставила за это ему огромный плюс.

– Ласкольник зовет вас всех на вершину холма. Хочет оговорить, как расставите костры и в какой очередности будете сторожить. И есть у него какие-то поручения на утро. – Ловчий пожал плечами. – Кажется, я опустил до роли вестового. Вы довольны?

* * *

Близилась полночь. Кайлеан в одиночестве сидела подле небольшого костерка, не в силах заснуть, несмотря на то что только завершила свою стражу. Вместо сна она таращилась на огонь, позволяя мыслям плыть собственным ленивым течением.

Из тьмы по ту сторону костра зажглись двое глазищ.

– Можешь выйти.

Бердеф появился в круге света и прилег на землю.

– Разнюхивал?

Он фыркнул и издал странный, подобный хохотку звук.

– А то. Вот и я думаю, что теряем время. Но завтра держи глаза открытыми.

Пес застриг ушами и вскочил на ноги. Тихонько заскулил и отступил задом во тьму.

Она услышала шелест. Аредон стоял позади нее, с попоной в одной руке и с куском лепешки – в другой.

– Я могу присесть?

– Там, – указала она место по ту сторону костра.

Он без слова уселся, где сказано. Она же подбросила в костер немного хвороста. Затрещало, облако искр затанцевало в воздухе, темнота отступила, словно испугавшись, выплевывая в ответ облако новых теней. Пса нигде не было.

Она почувствовала, что монах присматривается к ней, подняла глаза – глядел он с обычной своей наглой ухмылочкой.

– Ты не слишком часто бываешь в степи?

Он казался удивленным, что она заговорила первой.

– Нет.

– И не знаешь здешних обычаев.

– Нет. Храм в Йерте далековато отсюда. Почти коренные земли империи.

– Мне должно ощущать себя словно дикарке с Пограничья? Запомни, монах, – здесь, на равнинах, если ты сидишь у чужого костра, то не гляди на его хозяина словно свинья на горящий хлев. За такое можно получить кнутом по морде или ножом под ребро. Только товарищи, друзья, побратимы из одного чаардана могут вести себя так свободно. Чужой у костра следит за своими поступками и всегда благодарен, что позволили ему у того огня присесть. Ты понял?

Он опустил взгляд:

– Да.

Она вытащила саблю и начала внимательно осматривать клинок, периодически проводя по нему оселком. Некоторое время слышно было лишь зловещее *зшип, зшип, зшип*.

– Как становятся Квард'келлом?

Он едва не подавился коржом:

– П-п-п-прошу прощения?

– Как ты стал Ловчим? Тебе еще никогда не задавали такого вопроса?

Он странно усмехнулся:

– Однажды. Давным-давно.

– Ну и? Что ты ответил?

– Ничего. Это был жрец из Помётников. Я застрелил его из арбалета.

– Я арбалета не вижу, потому, полагаю, мне такая опасность не угрожает.

– Н-н-нет. – Он улыбнулся. – Ты всегда настолько непосредственна?

– Я воспитывалась в горах, росла в степи. Не было у меня возможности обучиться придворным манерам. А ты?

– Я – шестой сын барона дак-Поркара. Был у меня выбор: или армия, или орден. Но муштра, марши, постоянные учения и прочие прелести военной жизни как-то меня не привлекали, а потому жрец, который давно уж был прикормлен моим отцом, присоветовал ему отослать меня к Дерфанеру.

– Тому самому Дерфанеру?

– Именно. К Великому Ловчему Владычицы Степей. А он нашел для меня занятие по моим умениям.

Монах молчал несколько ударов сердца.

– Хотелось бы мне сказать, что сама Владычица Степей пришла ко мне и передала свое повеление, но истина выглядит так, что я предпочел это, – он коснулся рукояти меча, – каше из войскового котла.

Заметил, что она следит за ним, и послал ей ироническую ухмылку.

– Мы еще не стали товарищами?

– Это мой костер, монах. Ты сидишь здесь лишь потому, что от остальных очагов веет холодом.

– От этого тоже веет.

– Ты всегда можешь развести собственный.

Она отвела от него взгляд и вновь полностью сосредоточилась на сабле.

– Я тебе не нравлюсь.

Это был не вопрос.

– Людям не нравятся Ловчие. Тебя это удивляет?

– Нет, – вздохнул он. – Нисколько. Хотя я продолжаю удивляться, отчего это так.

Она вернулась к заточке сабли, проигнорировав издевку.

– Сказать по правде, Кайлеан, я не знаю. Отчего люди порой относятся к нам словно к Помётникам? Почему в той комнате, когда я сказал, кто я такой, мне показалось, что они охотней увидели бы а'кеер Молний под своими окнами, нежели меня?

Зииип, зииип замерло. Она внимательно взглянула на собеседника: тот казался и правда заинтересованным в ответе.

– А что бы ты сделал, прикажи кха-дар тебе уносить ноги? Если бы он не захотел отправиться сюда?

– Ну... не знаю, не пришло мне это в голову...

– Не обманывай меня, монах. Что бы ты сделал?

Тот отвел взгляд:

– Храмовый суд. Или княжеский трибунал.

– Вот именно, – кивнула она. – Согласно Кодексу, ты можешь заставить нас принять участие в этой битве, даже если нам этого не захочется. Нет-нет, – добавила она быстро. – Мы тоже убиваем Помётников, едва только на них наткнемся. Но мы не любим людей, которые могут нам приказывать. Не для того ты вступаешь в вольный чаардан, чтобы потом принимать приказы невесть от кого.

– Вот уж спасибо.

– Не за что, монах. Тут – степи. Люди живут, как хотят, – и решают свои проблемы так, как хотят.

Ловчий кивнул:

– Именно поэтому ментор мой повторял, что в ста милях к западу от Амерты империя – всего лишь название. И всегда, когда он говорил так, кривился, словно от зубной боли.

Кайлеан пожала плечами.

– Тут – степи, – повторила она. – Милях в двадцати отсюда течет река, а за ней – секохландийцы. Полагаешь, кто-то станет здесь переживать из-за каких-то там запретов и приказов? Из-за какого-то там Кодекса или храмовых законов, если всякий день и ночь дом у тебя над головой может загореться? Человек спокойно едет навстречу, и вдруг – щелк, и пытается дышать горлом, пробитым стрелой. Маленькие девочки, выходя пасти гусей, берут с собой не вербовые ветки, а луки и дротики. Жрецам хочется, чтобы все было славно и красиво, словно в святых книгах. Бормочут они о Помётниках и о милости Владычицы, которую надобно еще заслужить. Но когда бандиты стреляют в твою семью, их рядом нету, – говорила она все быстрее, со все большим чувством. – Потому не рассказывай мне о каком-то там старике, что кривится при одной мысли о границе, потому что сидит он в городе, за стенами, спит под пуховой периной и знать не знает, каково оно – жить здесь, с кочевниками и бандитами под каждым кустом!

Ловчий приподнял руку в защищающемся жесте:

– Я ведь ничего не говорю, езжу вдоль границы достаточно долго, чтобы знать... реалии. Даже когда тут правил Храм, здешние места считались дикими и слабо цивилизованными. Масса полуседлых кочевников и прочих племен. А когда пришел Меекхан – стало и того хуже.

Меекханцы с запада, вессирийцы из-за гор, инуовы, лаферы, недобитки хеарисов и так далее. Всякий, кому тесно в родных землях, попадал сюда. И... Что тебя так смешит?

– Дурак, греющийся у огня, – сказала она, широко ощерившись. – О, Владычица, милосердная к убогим разумом... Ты и вправду ничего не понимаешь?

Мужчина смутился, явно обозленный.

– Я не верю, что ты слишком долго едешь по степям, – продолжала она. – Иначе бы ты не говорил «когда здесь правил Храм» так свободно. Миновало триста лет со времени, когда империя поглотила земли Храма Лааль Сероволосой, но все равно остались здесь те, кто ярится от одного воспоминания о власти жрецов. И когда кто-то столь легко об этом говорит, то он просто напрашивается, чтобы ему подрезали подпругу.

– Не горло? – Ловчий был раздражен, на щеках его появился румянец.

Она усмехнулась еще шире:

– Подрезанная подпруга не кровавит, а когда на полном скаку седло съедет с конской спины, ты все равно не выживешь. Такое бывало. Не желаешь поспать?

Он зарумянился еще сильнее:

– Я не могу заснуть перед битвой. А ты?

– А я могу – разве что приходится ждать на краю Урочища, – скривилась она. – Не то чтобы приходилось мне делать такое слишком часто...

Некоторое время они молчали. Он всматривался в огонь, она выглаживала оселком кончик сабли.

– Тогда... – Он колебался. – Если простишь мне нескромный вопрос, что же ты здесь делаешь?

– Что я здесь делаю? А-а... в смысле, почему я гоняю по степям с саблей и луком в руках, вместо того чтобы где-то там вышивать белье для приданого? Я воспитывалась в горах, под Олекадами, выросла же здесь. Живу собственной жизнью и не тороплюсь рожать детишек какому-то вечно пьяному пастуху.

– Это мог бы быть вовсе не пастух.

– О, комплимент. И недурственный, – усмехнулась она. – В Йерте, похоже, вас учат не только размахивать священным мечом и бормотать экзорцизмы от имени Лааль Сероволосой.

Аредон казался возмущенным.

– Я не спешу, – проворчала она в пространство. – Я не... Нет, иначе. Если бы моя мать день за днем повторяла мне, что нужно выйти замуж и родить ей внуков, наверняка у меня их уже было бы двое, а то и четверо. Но удочерили меня фургонщики верданно, которые, полагаю, и сами не знали, как должны воспитывать... Научили меня махать саблей, позволили выбрать собственный путь, а он завел меня сюда, на границу Урочища и в компанию монаха, который не может уснуть и так мало знает о степях.

– А собственно, как... как...

– Как случилось, что меекханка чистой крови поселилась в верданнской кузнице?

– Да.

Кайлеан засмотрелась в огонь:

– Ты вспоминал что-то о борьбе добра и зла, монах, – начала она, помолчав. – Скажем так, мне тоже представилась возможность принять в ней участие, вот только зло – выиграло. Мое зло не было тварью из легендарных времен, отродьем Нежеланных. У моего зла наверняка имелись отцы и матери, друзья и любовницы. Оно родилось, училось плакать, смеяться, ходить, говорить, врать и ругаться. Наверняка носило оно имя и прозвище. Но это ничего не меняло.

Она прикрыла глаза.

– Я путешествовала с отцом, матерью и двумя братьями на юг. Собирались мы искать там счастья, лучшей судьбы. В горах мы держали небольшое государственное поле, выкармливали стадо коз, несколько овец. Помню, часто бывало холодно и голодно, а с юга, из степей,

доходили слухи, что любой, кто поселится там, получит столько земли, сколько сумеет конно объехать за полдня. Оттого отец в конце одной из зим, когда пришлось нам есть хлеб из муки, приправленной желудями, собрал нас и отправился на юг. Как видно, можно быть меекханцем от деда-прадеда и мечтать поселиться меж варварами...

Она всматривалась в огонь, ища хоть какие-то эмоции, но эти воспоминания давно уж перестали причинять боль.

– Напали на нас бандиты. Не знаменитые, никакой там не Черный Хоссе или Вехир Убийца. Так, несколько головорезов, которые, полагаю, даже не надеялись на такое счастье. Мы как раз встали лагерем, когда они вынырнули из тьмы. Отец даже не успел потянуться за оружием – получил три стрелы. Братьев растоптали лошадьми. Мать пришили к земле копьем. Я... Я как раз отошла в кусты, по нужде. Смотрела на то, что происходит, присев с юбкой, поднятой чуть ли не до пупа. В задницу меня колола сухая травинка.

Лицо ее перекосила странная, страшная гримаса:

– Смешно, верно? Они убивали мою семью, а единственное, что я отчетливо помню, так это тот проклятуций стебелек, коловший мне зад. А они закончили быстро. Важны им были лишь деньги, кони и несколько наших ценных безделушек. Уехали они так же быстро, как и появились. Просто в ночь. А я... Я сидела там, в тех кустах, до самого рассвета. Потом я взяла лук, который они не нашли в темноте, и пошла за ними. Мне было тринадцать, и я думала лишь об одном. Найти их и убить. А они не спешили, ведь находились на своей земле... Владыки степи. Я их нашла днем позже, когда они собирались напасть на очередных путников. Не помню точно, что я сделала, они как раз въезжали в лагерь, а я начала кричать и стрелять. Вроде бы попала в предводителя разбойников, когда он собирался проткнуть копьем самого Анд'эверса. К луку у меня всегда был талант. Потом я потеряла сознание. Очнулась в фургоне. Так я и познакомилась с родом Калевенх.

– А твои дальние родственники?

– Никого нет – не здесь. Я с севера, и там остались какие-то тетушки и дядюшки, которые, как и мы, в конце зимы заправляли хлеб желудевой мукою, – скривилась она. – Наверняка обрадовались бы, свались им на голову девица-подросток, а с ней вместе – слово «приданое».

– Потому ты осталась с верданно?

– А что такого? – гневно вскинулась она: ей не понравился сам его тон, слишком много раз слышала полные фальшивой заботы слова, произнесенные подобным голосом. – Думаешь, мне было у них худо? Что я с утра до ночи управлялась по хозяйству за кусок хлеба и угол для сна, как пришлось бы мне жить, займись мной какая-нибудь «правильная» семья? Тогда моя жизнь наверняка закончилась бы лет в четырнадцать рождением внебрачного ублюдка, которого строгал бы мне мой славный опекун. Верданно приняли меня и воспитали как собственную дочь. А когда я решила жить как мне хочется, дали мне благословение, саблю и хорошего коня.

– Но я ведь ничего такого не сказал... – Ловчий поднял ладонь в защитном жесте.

Кайлеан гневно фыркнула и снова принялась вглядываться в пламя:

– Слишком часто.

– Прошу прощения?

– Я слишком часто слыхала подобные слова. Ох, это то бедное дитя, которой приходится прислуживать грязнулям. Ах, это та сиротка, что управляется на кухне у дикарей. Ой-ей, что за стыд, меекханская девица вынуждена делать такие вещи. И так далее. Когда мы добрались до первого городка – это была полная дыра, кажется Гвирет, – тамошний бургомистр отобрал меня у Анд'эверса и отдал в «лучшие руки». Я сделалась служанкой у местного мясника. И новый мой опекун прилез ко мне в первую же ночь и начал меня лапать. В мои всего лишь тринадцать я была рослой и к тому же – ничьей. Потому-то он и думал, что может сделать со мной все, что захочет.

Она замолчала на миг, подтянула колени под подбородок, застыла так:

– Хуже всего, что и я так думала. Что я – ничья. Что у меня нет никого и ничего. На следующий день один из пареньков Анд'эверса, Дер'эко, случайно повстречал меня на улице, когда я шла на рынок. Я прорыдала всю ночь, а он сразу же это приметил. Почти силой затащил меня к тетушке Вее'ре, она же в несколько минут вытянула из меня все, что я обещала никогда и никому не рассказывать. Я выплакалась у нее на коленях, словно малое дитя. А потом я подняла взгляд и увидела выражение лица Анд'эверса. И Дер'эко, и Рук'герта, и Дет'мона. И внезапно я поняла, что больше я не ничья. Что я – их, а они – мои. В тот самый день кузнец в компании четырех сыновей проведаль мясника. Не знаю, что ему сказали, но, едва только вышли, тот, бледный и трясущийся, побежал к бургомистру и отказался от опеки надо мной. А потом мы оттуда выехали и попали в Лифрев. Ну и история почти повторилась. Почти, поскольку в городе тогда стояла панцирная сотня, а командир ее, полковник Йасферд, знал Анд'эверса. И он настоял на том, чтобы меня не забирали у верданно. Однако сперва поговорил со мной, и окончательно, пожалуй, его убедила истерика, которую я устроила в ответ на предположение, что мной мог бы заняться кто-то еще.

– Истерику? Ты?

– Если можно так назвать бросание всего, что попадалось мне под руку, и словесный поток, состоящий в основном из брани, то – да.

– Ага. Хотелось бы мне это увидеть.

– Не хотелось бы. – Кайлеан улыбнулась. – Вот так я и осталась в кузнице. Они воспитали меня, как и остальных своих дочерей, а все они – честные девушки. Но наслушалась я разного. Местные, может, и не лезут в чужие дела, но даже тут меекханская девчонка, живущая у фургонщиков... раздражала. Прошла пара лет, прежде чем они приняли Анд'эверса и его семью, прежде чем закончились дурацкие придирки. Да что там говорить. Пару раз мне пришлось использовать другие аргументы, нежели врожденная вежливость и красота.

– Например, какие?

Она потянулась так, что хрупнуло в спине:

– А это уже, монах, совершенно другая история. Что-то еще? А то, пока я не сплю, мы можем поболтать.

– Ты не ответила на вопрос. Отчего именно вольный чаардан, наемный отряд рубак, связанных странными узами преданности и братства? Не могло же не быть иных путей.

– Преданности и братства, – фыркнула она. – Во дела. Интересно, кто придумал такую чушь. Ты хотя бы знаешь, что означает слово «чаардан»?

– Это с даврийского?

– Верно, как и «кха-дар». Чаардан означает – приблизительно – «воюющий род», а «кха-дар» – отец. Чаардан не наемный отряд рубак, это попросту семья. Вступить в чаардан – словно вступить в брак, со всем его добром и злом. Пока ты жив – тебя не оставят на поживу врагу, а если тебя искалечат – ты не умрешь с голоду, – усмехнулась она в пространство. – А если навлечешь на чаардан позор, не найдешь места, где сумеешь укрыться.

– Ты искала еще одну семью?

– Может, и так. Ну и, ясное дело, ко всему прочему есть Ласкольник.

Ловчий понимающе кивнул:

– Не удивляюсь. Не стань я слугой Владычицы Степей, отдал бы обе руки, чтобы с ним ездить. Генно Ласкольник, живая легенда, человек, который спас империю. До сих пор рассказывают тот анекдот, как он пришел к императору и сказал...

– «Ты, бер-Арленс, или как там тебя, достаточно ли любишь эту свою империю?» – говорили они одновременно и одновременно ухмыльнулись друг другу.

– Именно. Ты знаешь, Кайлеан, что историю эту рассказывают во всех провинциях? И все раздумывают, с чего бы это генерал Ласкольник оставил карьеру в столице и вернулся в

степи, чтоб вести жизнь командира малого чаардана? Офицер, некогда имевший в подчинении тридцатитысячную конную армию. Проклятие, офицер, который из ничего эту армию создал. Это благодаря ему меекханская конница стала тем, чем она является до сих пор.

– Я езжу с ним едва полгода, потому мы не настолько близки, чтоб он исповедовался мне, но как-то говорил, что ему надоело. Надоели интриги, сплетни, наговоры, постоянная драка за влияние при дворе. Сражения, в которые его постоянно пытались втянуть, хотя он этого совершенно не желал. В столице был он дикарем из далекой провинции, даже не меекханцем, а каким-то полукровкой от варварской матери и неизвестного отца. Тамошняя аристократия всегда смотрит на людей через призму их фамилии, рода и чистоты крови.

– Я это знаю. Моя мать – не меекханка, и, хотя род ее ничем не уступает другим, мне часто приходилось отвечать на придирки и презрение всяких «лучших меня». И чаще всего, чем меньше достигли в жизни они сами, тем больше подчеркивают важность и величие своих предков. – Ловчий потянулся за спину, подбросил в костер несколько веток, огонь выстрелил искрами, затанцевал весело. – Случалось пару раз, что мне приходилось применять в дискуссиях о величии и важности родов другие аргументы, нежели врожденная вежливость и красота.

Она не могла не улыбнуться.

Внезапно почувствовала, как напряжение покидает ее, а усталость всего вчерашнего дня начинает напоминать о себе. Она укуталась в попону и принялась моститься на земле:

– Лучше ложись спать. Придется быть на ногах еще до рассвета.

– Ага. Э-э-э... Кайлеан?

– Да, – пробормотала она сонно.

– Доброй ночи.

– Доброй ночи, монах.

* * *

Галоп.

Галоп сквозь самое Урочище, ночью, напрямик в туман, напрямик к встающему на горизонте красному зареву. Прямоком в смерть.

Пробудил ее крик, отчаянный, протяжный вой, рвущий ночной покой в клочья. Она оказалась на ногах, прежде чем открыла глаза. Сабля, выхваченная из ножен, замерла, приподнятая. Не было нападающих... как и Ловчего.

Она побежала в сторону, откуда доносился крик. Лея. Та сидела на земле, держалась за живот и плакала. Вокруг уже собирались люди. Ласкольник присел на корточки подле девушки, положив руку ей на лоб.

– Что случилось, Лея? – спросил ее тихо.

– Они умирают.

– Кто?

– Дас, Кренна... Все... Не сумели спрятаться, а теперь везде огонь. Они сгоря-а-а-ат!! – завывала она.

– Кто, Лея? Кто на них напал?

– Молнии... въехали в город ночью... при оружии... – Девушка всматривалась во тьму потерянными взглядом, по подбородку у нее текла слюна. – Поджигали и убивали всех. «Вендор», «Вендор» обороняется, но они не пытаются его захватить... убивают всех остальных.

Ласкольник встал. Лицо его было словно вырезано из камня:

– Где Ловчий?

– Взял коня и уехал. Где-то с час назад.

– Куда?

– Он не говорил, кха-дар.

– В седло!

Через минуту все сидели верхом. Ласкольник приподнялся в стремях и указал на север. На горизонте вставало багровое зарево.

– Молнии атаковали. Лифрев в огне. Нужно спешить. Кто едет со мной?

Кайлеан хотелось позвать плечами. Нужно спешить, значит, они поедут через Урочище. Интересно, найдется ли тот, кто не подчинится призыву Генно Ласкольника.

Не нашелся. Даже Веторм лишь кивнул и приказал своим людям занять место в строю.

Нужно было идти галопом, бок о бок, стремя в стремя. Шестидесяти всадникам это должно удасться.

Весь план полетел кувырком, едва лишь они въехали в туман Урочища. Несмотря на полную луну, видимость упала до нескольких шагов. Кайлеан держалась в правом ряду колонны, впереди находилась Дагена, слева – Кошкодур. Конь под Дагеной был едва видим, а назад Кайлеан не оглядывалась, полностью сосредоточившись на том, чтобы держать строй. Торин был недоволен, что она вытащила его из конюшни. Его нога то и дело давала о себе знать. Да и туман ему совершенно не нравился. Он выказывал злость, фыркал, пытаясь укунить коня Кошкодура. После третьей такой попытки она склонилась над конской шеей и рывкнула:

– Если сейчас же не перестанешь, то едва доберемся до города – я сделаю из тебя мерина! На игры нет времени.

Тетушка Вее'ра некогда утверждала, что подобная угроза подействует на любого самца. И, похоже, она была права.

И тогда справа от себя Кайлеан увидела тварь. В первый миг ей показалось, что та состоит из тумана – что это лишь обман зрения, форма, сотканная из потревоженной их отрядом мглы. Сквозь облик твари девушка видела траву и кусты, убежавшие назад. Потом тварь приблизилась двумя гигантскими прыжками, и Кайлеан рассмотрела ее в подробностях.

Тварь была подобна огромной, исхудавшей борзой, которую некто лишил хвоста, глаз, ушей и побрил наголо. Мышцы, покрытые сеточкой голубых вен, двигались под кожей, словно взбесившиеся от страха змеи, на голове не было не только глаз, но даже глазных впадин – ничего, гладкая кость черепа, переходящая в вытянутую морду. Тварь повернула голову в ее сторону, будто всматриваясь, и распахнула пасть. Полупрозрачные черные зубы, словно сделанные из обсидиана, блеснули в пародии на улыбку.

– Внима-а-ание! – донеслось от головы отряда. Но слишком поздно.

Вокруг разверзся ад.

Туман наполнился отчаянным конским ржанием и криками людей. Кайлеан не стала ждать нападения, чуть придержала коня и, когда пойманную врасплох тварь занесло вперед, взяла вправо, на полном скаку наехала на нее и ударила сверху. Сабля прошла сквозь бестию почти без сопротивления, словно порубленное тело состояло не из костей и мышц, а из хрящей и слизи. Торин стоптал нападавшего, прижав уши и со страхом хрипя. Наконец-то его что-то да испугало.

Отряд ушел врассыпную. Всадники пустили коней в галоп – как можно скорее, как можно дальше от бледных полупризрачных форм, что возникали из тумана и рвали тела обсидиановыми клыками. Кайлеан проскочила клубок из нескольких адских псов, сражавшихся за кусок чего-то, что миг назад наверняка было еще человеком. Две бестии оторвались от трупа, принялись заходить к ней с флангов, слева и справа, идеально чувствуя ритм своих движений, будто были зеркальным отражением друг друга.

«Ударят одновременно, – подумала она. – Один изобразит атаку, а второй стянет меня с седла. Только кто? Ну, кто первый, сучьи дети?!»

Из тумана слева, между Торином и тварью, вынырнул третий силуэт. Бердеф. Летел, вытянувшись над землею, желтое тело его почти сливалось с травой. Тварь отскочила, будто

получив в бок сильный пинок. Бердеф рывкнул, а бестия, хоть и больше его, вызова не приняла. Приостановилась и растворилась в тумане.

Раздался звон тетивы, и тварь справа споткнулась, зарылась головой в землю и осталась позади.

Из тумана перед Торином вынырнули фигуры двух всадников. Кошкодур и Дагена. Перья, кости и камешки, из которых девушка изготовила свои амулеты, дергались на шнурках во все стороны, стучали друг о друга, клекотали и шелестели. Конь мужчины мчался вперед тяжелым неритмичным галопом, пятная землю темной, почти черной кровью. Она поравнялась с ним. Глянула в сторону, но Бердеф, конечно, уже исчез.

– Кайлеан! Уже близко, я слышу свисток Ласкольника! – Дагена на скаку накладывала на тетиву очередную стрелу.

Кошкодур не отзывался, склоняясь над конской шеей, шептал что-то на ухо животному. Конь споткнулся раз, второй, клочья пены, летевшие с его морды, сделались красными. Кайлеан приблизилась.

– Перескакивай! Торин справится!

Две призрачные фигуры выскочили из тумана. Первая, сбита стрелой, рухнула в прыжке и пропала во тьме, вторая высоко подпрыгнула, целясь клыками в шею Торину. Жеребец низко опустил голову и рванулся вперед, ударив тварь грудью.

И внезапно они выскочили из тумана. Тварь, выбитая из него, едва оказавшись в свете луны, завывала душераздирающе и кинулась назад. Кайлеан не успела больше ничего рассмотреть, галоп унес ее вперед.

Там, на фоне багрового зарева, вырисовывались фигуры всадников. Она охватила их взглядом. Около пятидесяти. Больше, чем она могла надеяться. Останавливались.

– Туман был всего-то с полмили в поперечнике, – Ласкольник подъехал к ним слева, – а твари эти напали, когда мы успели миновать половину дороги. Будь нынче тумана побольше...

Он мог не договаривать. Тогда никто бы не выбрался живым.

Кошкодур на кха-дара не глядел. Соскочил на землю, ухватился за поводья и прижал лицо к конской шее. Кайлеан теперь отчетливо рассмотрела бок его лошади. То, что раньше она приняла за кусок подрезанной подпруги, было длинным, овальным, поблескивающим. Кишка. Конь Кошкодура бежал четверть мили с распоротым брюхом. Всадник его теперь шептал ему что-то на ухо.

Потом резким движением вырвал из ножен на бедре длинный нож и всадил животному под переднюю ногу. Конь пал на колени, вздохнул совсем по-человечески и завалился набок. Задние ноги дернулись несколько раз и замерли.

Кошкодур медленно отер клинок о штаны.

– Я ездил с ним пять лет, – прохрипел он.

Кайлеан словно ударило то, как именно он это сказал: не «на нем», а «с ним».

– Кто, кха-дар? Кто это сделал?

– Узнаем, Сарден.

– Хорошо бы узнать поскорее.

От голоса этого по ее хребту поползли мурашки.

– Узнаем в Лифреве. Вскоре. Здесь четыре мили, Сарден, и хорошо бы тебе взять другого коня.

Отчего он так говорит? Медленно, спокойно, словно обращаясь к большому ребенку со введённым арбалетом в руках.

Кошкодур покачал головой, неспешно вложил нож в ножны.

– Ни один конь меня сейчас не понесет, кха-дар. Не тот запах. А я не желаю ехать с железом в руке. Эту кровь нужно смывать иначе.

– Сарден...

– Не переживай о девушках, кха-дар. У каждой из них найдутся свои тайны. Ты хорошо выбрал.

Он двинулся вперед. По мере того как он удалялся, фигура его казалась...

– Кайлеан! – Ласкольник тряхнул ее за плечо. – Работа ждет.

Произошедшее он не прокомментировал ни единым словом.

– Ты и Дагена присоединитесь к чаардану Веторма. Он потерял больше людей. Здесь мы расстанемся. Вы поедете с востока, мы с запада. Старайтесь не разделяться в городе. Если боги позволят – встретимся на рынке. Вперед!

* * *

Старайтесь не разделяться. Легче сказать, чем сделать. Лифрев на самом деле был путаницей улочек и закоулков, втиснутых меж бестолково и на глазок выстроенными домами. Въехав на те улочки, не выходило двигаться иначе, чем гуськом. Не разделяться для конного отряда было заданием почти невыполнимым.

Когда они приблизились к городу, оказалось, что ситуация не настолько плоха, как могло показаться в первый момент. Пылали склады Кеверса и несколько расположенных на окраинах конюшен. Большинство домов стояли нерушимо. Серый песчаник, из которого строили их стены, горел с трудом.

Первые следы боя они заметили сразу по въезде в город. На улочке стоял конь. Боевой жеребец под се-кохландийским седлом, измазанным кровью. Лифрев умел кусать, и понадобилось бы что-то большее, чем несколько десятков Наездников Бури, чтобы вырвать ему зубы.

И именно это «что-то большее» они обнаружили некоторое время спустя. Чаардан Веторма уже распался на несколько групп, каждая из которых пыталась добраться до рынка собственным путем. Кайлеан и Дагена держались вместе, сопровождали им трое местных добровольцев, которые безропотно приняли тот факт, что приказы им отдают какие-то девицы. Ведь те были из отряда самого Ласкольника.

Кайлеан знала город, провела в нем несколько последних лет и смогла бы проехать сквозь него с закрытыми глазами. Теперь ветер выдувал густой смолистый дым на улочки, ограничивая видимость до нескольких шагов, но дело было не только в этом. Ей казалось, что нечто произошло с пространством, с расстояниями. Улочка, которая и насчитывала-то несколько шагов, вела их на десятки ударов копыт вперед, чтобы внезапно закончиться слепой стеной. В Лифреве, который она помнила, такого места не существовало. Один из добровольцев охнул и тихонько выругался: после четверти часа блужданий по родному городу он был уже на полпути к панике.

– Вы двое! Налево! Посмотрите, свободна ли дорога. – Она не позволит им опустить руки, Ласкольник всегда повторял, что если неизвестно, что происходит, то по крайней мере нужно занять людей работой. – Даг, чувствуешь?

Черноволосая кивнула.

– Чары. Сильные. Как в Урочище, только другие. Кто-то пытается морочить нам голову. Амулеты ведут себя странно.

И правда, кости, перья и мешочки, которыми она увешала себя и коня, чуть покачивались, но в асинхронном ритме, как будто каждым из них играла другая пара маленьких ручек.

Внезапно раздалось дикое ржание, и из стены вывалился вспененный конь. Растолкал их лошадей и попытался перейти в карьер, но ноги у него отказали, он споткнулся раз и другой, зарылся ноздрями в землю. Всадник, выброшенный из седла, пролетел несколько ярдов и грохнулся на утопанную дорогу. Мертвый. Молния. Из спины его торчали древки арбалетных стрел.

Стена сделалась прозрачной и растворилась в воздухе, словно темные испарения. Улочка выходила на небольшую, усыпанную песком площадку. Несколько факелов, воткнуемых в стены ближайших домов, давали достаточно света, чтобы рассмотреть стоящего посредине площадки мужчину. Одетый как зажиточный купец, в зелень и гранат, он как раз склонялся над растянутым на земле телом. В правой руке он держал короткий прямой нож.

Лежавший на мокром от крови песке был молодым се-кохландийцем. Еще жил, хрипло дышал, пытаясь отползти на спине от возвышающейся над ним темной фигуры. На миг Кайлеан показалось, что она смотрит на некую картину, мифологическую сценку из времен Войны Богов, изображающую тварь Нежеланных, склонившуюся над жертвой.

Потому что мужчина, несмотря на приличные одежды, сверкающие сапоги, снежно-белые манжеты и воротник, не был человеком. Лицо взиравшего на лежащую фигуру казалось большим, опухшим, угловатым, будто кости черепа кто-то сломал и кое-как сложил заново. Кожа его металлически блестела, губы вздергивались, открывая зубы. Вместо носа виднелся второй рот, округлый, с игольчатыми красными клыками. Глаза выглядели так, словно их заливала смола.

Помётник. Мужчина был Помётником, который слишком глубоко погрузился во Мрак и был изменен. Увидав их, он поднял голову и улыбнулся. Обоими ртами.

Дагена вздернула коня на дыбы и первая выскочила на площадь. Помётник распрямылся, чары закружились вокруг него в темных, почти черных полосах и ударили в девушку.

Кайлеан в детстве любила играть с одуванчиками. Срывала целые пучки их и, дуя что было сил, рассеивала во все стороны маленькие семена. Это воспоминание мелькнуло перед ее глазами, когда чары ударили в Дагену. Одуванчик под порывом сильного ветра. Конь и девушка остановились в движении, висающие на них амулеты внезапно дернулись, будто подхваченные сильным порывом, а потом отлетели назад, за ними тянулись полосы дыма. Дагена вскрикнула лишь раз.

Кайлеан миновала подругу, копыта Торины погрузились в мягкий песок, но это его не замедлило, в два удара сердца он оказался подле чародея. Мужчина змеиным движением ушел с ее дороги, заходя слева. Она не пыталась ударить саблей, вырвала ногу из стремени и пнула его в грудь, вкладывая в удар массу и напор коня. Отдача едва не смахнула ее с седла, но оно того стоило. Помётник отлетел назад, словно в него ударили осадным тараном, грохнулся в стену ближайшей конюшни и сполз по ней, сдавленно застонав. Не опустился на землю – стрела с зелеными перьями свистнула мимо уха Кайлеан и пришила его к стене. Она же не стала ждать, что будет дальше, соскочила с седла и в глубоком выпад рубанула горизонтально, чуть глубже, чем нужно, аж острие звякнуло о камень, – но это уже не имело значения. Голова Помётника улетела во тьму.

Оглянулась. Дагена как раз накладывала на тетиву следующую стрелу.

– Нет нужды, Даг.

– Есть, – прохрипела та. – Этот сукин сын едва меня не ослепил.

Лук брякнул снова. Они постояли минутку, тяжело дыша.

– Как ты?

– Словно получила в морду казанком кипящего масла. – Черноволосая осторожно дотронулась до щеки, зашипела. – Будут шрамы?

– Нет. Мордашка у тебя красная, но кроме этого – ничего. Племенная магия, верно?

– Бабка гордилась бы. – Дагена болезненно улыбнулась. – Если бы не амулеты, ободрал бы меня до кости.

– Если бы не твои амулеты, он прикончил бы нас обоих. Где остальные?

– Сбежали... наверное. Когда ты промчалась мимо, я вроде слышала топот за спиной, и кажется мне, что это они перепутали направление. – Дагена вынула из колчана еще одну стрелу. Кивнула: – А с ним что?

Се-кохландиец, вот же так его и разэтак, она совершенно о нем позабыла.

Кайлеан подошла к лежащему на земле всаднику. Тот тяжело, хрипло дышал. Когда он столкнулся с Помётником, волна чар, видимо, вышибла его из седла. Доспех его свисал клочьями и дымился, ноги казались сломанными. Простое оружие таких ран не оставляло.

Саблю в ножны она не вкладывала. Не стирала с нее кровь. Зачем дважды делать одну и ту же работу?

Должно быть, он прочел это по ее лицу, поскольку приподнялся на локте и миг-другой пытался выглядеть одновременно гордым и презрительным. Непростое дело, когда тебе семнадцать и ты истекаешь кровью на площади, покрытой лошадиными и коровьими лепешками.

– *Вех крендлартсанн... треолинн...*

– Не напрягайся, парень. – Она подошла ближе и присела на корточки, видя с удовольствием, как при слове «парень» щеки его заливает волна багреца. – Во-первых, Наездники Бури уже много лет обязаны знать меекханский хотя бы в той степени, чтобы суметь расспросить пленных. Во-вторых, ты ведь меня понимаешь, верно, парень?

Он не отвел взгляд, как она ожидала, и лишь слегка кивнул.

– Заканчивай, – рявкнул он.

– Охотно, но чуть позже. Сперва расскажешь мне, зачем вы напали с Помётниками на наш город.

Он немо ловил ртом воздух – как видно, ожидал всего, но только не подобного обвинения.

– Мы не нападали с *веардехасс* на ваш город... мы нападали на них... На банду Помётников, которые свили себе здесь теплое гнездышко, и... и на их слуг. Ну давай, – он гордо глянул ей в глаза, – ну давай, ты... *кавеннеа'фенн*.

Кавеннеа'фенн, паршивая собака, что жрет трупы на поле битвы. Неплохо.

– Значит, я их слуга? – Кайлеан указала на припиленный к стене труп. – А голову я ему отрубила, потому что он мало мне платил?

Некоторое время он переводил взгляд с нее на труп.

– Но жрец... ваш жрец сказал, что это здесь. Сказал... что выманит из Лифрева воинов, и тогда мы и отряд Ловчих очистим город. Утром должно прибыть подкрепление, чтобы захватить постоянный двор.

– Какой жрец? – По хребту ее пробежала холодная дрожь.

– Ловчий, Аредон-хеа-Цирен.

Дагена выругалась. Кайлеан медленно выдохнула:

– Спокойно, Даг. А ты – говори. Ты из какого Крыла?

– Из... – Он колебался. – Из Красных Вепрей.

– Кто командует?

– Акелан Дану Кредо.

– Я слыхала о нем. Безумный Вепрь, верно?

– Да.

– И когда этот лже-Ловчий к вам приехал?

– Десять дней назад, был у него знак, меч Храма, жезл мира наших жереберов... Все.

– Что он вам рассказал? Нет, не говори, догадаюсь сама. Попотчевал вас историйкой о группе Помётников, что ходят туда-сюда через границу. Перечислил все жертвы, описал отвратительные обычаи и все такое прочее. Я права? И сказал еще, что у Храма Госпожи Лааль не хватает сил, чтобы самому окружить и выбить банду. Верно? Предложил совместную атаку.

Раненый кивнул.

– Что он еще говорил?

– Сказал, что банда захватила город. Что они правят здесь, словно князя... Что передавали уже большинство жителей и, пользуясь близостью проклятой земли, собираются начаровать сильное заклятие.

– И не показалось вам странным, что он велел вам встать под городом?

– Сказал... сказал, что усыпит бдительность Проклятых. Что они не догадаются, что мы желаем сделать, если сперва покажемся в небольшом количестве...

Ее обдало холодом.

– В небольшом? Так сколько вас здесь на самом деле?

– Полный боевой а'кеер. Сто тридцать шесть лошадей.

– Проклятие! Даг! Останься с ним, он может еще пригодиться. Я попытаюсь отыскать Ласкольника, нужно его предупредить.

– погоди. – Дагена оторвала от конской узды продолговатую кость с несколькими привешенными к ней перьями, одну из немногих, которые еще у нее остались. – Возьми, может, пригодится.

Кайлеан повесила амулет на шею, впрыгнула в седло и, разворачивая коня, успела еще крикнуть:

– Перевяжи его, чтобы не умер. И будь настороже.

Она могла отдавать такие приказы. В конце концов, была в чаардане дольше.

Тот ночной галоп сквозь погруженный в хаос город долго еще оставался в ее памяти. Несколько раз она теряла дорогу в дыму и тьме, в нее выстрелили из арбалета, вероятно, кто-то из местных, позже она напоролась на трех кочевников, занятых вышибанием двери в один из домов.

Как таран они использовали старое корыто, выдолбленное из единого куска дерева: двое держали его спереди, один – сзади, и – бах, бах, бах – лупили в дверь. Петли скрипели, с косяка сыпалась пыль. Они слышали стук копыт, но не стали оборачиваться, и это оказалось ошибкой. Это не был кто-то из их отряда. Не снижая скорости, она проехала мимо кочевников, того, кто держал конец корыта, рубанула сверху, приподнявшись в стремях. Попала под углом, сразу над ключицей, сабля гладко вошла в рану и настолько же гладко вышла. Се-кохландиец странно булькнул, выпустил корыто и схватился за шею, пытаясь удержать струю яркой, пульсирующей крови, что летела во все стороны. Он упал на колени, медленно, будто совершая некий религиозный обряд, – уже мертвый, хотя и пытающийся еще сопротивляться. Не было смысла заниматься им дольше.

Ход коня унес ее дальше, и именно тогда нога подвела Торуна. Жеребец громко заржал и резко остановился, почти вышибив ее из седла. Сильно хромя, он ступил пару шагов и, глядя на нее с упреком, остановился. Она соскочила на землю, повернулась к оставшимся двум се-кохландийцам. Бердеф, где же ты, когда ты так нужен? Мужчины уже успели отшвырнуть импровизированный таран и выйти из оцепенения.

Шли на нее медленно, слаженно, у обоих были тяжелые се-кохландийские сабли, что звались *фаэгонами*, и оба наверняка умели с ними управляться. Были выше, и каждый на вид весил чуть ли не вполтину больше ее. Когда поняли, что перед ними – женщина, на лицах их появились презрительные улыбки. Ей бы повернуться и сбежать, спрятаться от них в лабиринте улочек, только вот Торин не мог сдвинуться с места, а оставить коня врагу – все равно что бросить товарища по чаардану. Стыд и позор на всю жизнь.

Она не стала ждать, пока они зайдут с двух сторон, прыгнула к тому, что был слева, коротко схватилась с ним: верх, низ, верх, низ, поворачиваясь так, чтобы он на миг отгородил ее от своего товарища. Сабля его была тяжелее и чуть длиннее, и все же сперва казалось, что он слегка растерялся – два первых удара едва отбил, но третий парировал уже с легкостью, а после четвертого перешел в атаку. Рубанул, словно молния, широким, плоским ударом, который мог

бы лишить ее головы и который, прими она его на острие, связал бы его оружие с ее саблей. Он был выше, а значит, сильнее и легко выиграл бы этот поединок.

Она присела, острие кочевника мелькнуло у нее над головой, сама же она ударила сильно и подло, в колено, там, где ноги его оберегала лишь толстая кожа, и сразу же, вскочив, толкнула его плечом под мышку, вложив в удар всю свою массу. Се-кохландиец взвыл и отдернул другую ногу, чтобы удержать равновесие, но подрубленное колено подогнулось, и он упал. Она отскочила в зону вне досягаемости его сабли и криво ухмыльнулась. Сучьи дети, не выйдет у вас по-легкому.

Теперь они остались один на один. Се-кохландиец уже не улыбался. Вынул из ножен на бедре длинный нож и двинулся к ней, согнувшись, убыстряя шаг, словно нападающий бык. Внезапно ночь прошел яростный рык, и из ближайшей улочки выскочила тварь с шерстью песочного цвета. Шестьсот фунтов клыков, когтей и мышц навалились на кочевника, а тот, ударенный сильной лапой, сложился пополам, захрипел, тварь же осела назад, умело, почти презрительно подрубила человека и, когда тот рухнул, склонилась и сомкнула зубы на его черепе. Кайлеан услышала треск – и все закончилось.

Потом она могла лишь смотреть, как зверь поворачивается ко второму кочевнику, раненому, и прыгает. Это был не бой – это была казнь.

Зверь медленно обошел оба тела, покосился на Торуна, тот отступил на шаг, но не бежал, только заржал с вызовом, стукнув копытами в землю. В этот миг луна пробилась сквозь толщу дыма и осветила детали: был это *вин-неро*, полумифический степной лев, который, как говорили, сохранился лишь в самых дальних северо-восточных частях континента. Огромная желтая тварь, о которой говорили, что даже голодный горный медведь уступает ей дорогу. Лев присел и глянул Кайлеан прямо в глаза. Под черепом ее зазвучали чужие мысли.

Кайлеан – распознавание, подтверждение. Девушка-стадо. Конь-стадо.

Миг паузы.

Иди, Кайлеан, иди, возждь. Скажи много людей-врагов. Скажи три человек-чудовище. Темный воздух, темные мысли.

Люди-чудовища? Помётники!

– Помётники? Одного я недавно убила. – Голос ее не дрогнул, отчего она могла гордиться собою.

Казалось, что лев принимает.

Да. Правда. Плохой запах, Кайлеан, железо. Хорошая девушка.

Он улыбнулся, но не пастью – передал ей эту улыбку прямо в голову.

Чудесно Пахнущая Трава горд, что Кайлеан-стадо.

Чудесно Пахнущая Трава?

Кошкодур?

– Кошкодур?

Лев склонил голову, взглянул на нее внимательно.

Тайна, девушка-пес. Тайну не говорить. Тяжелый... Тяжелый разговор-мысль. Не время. Ты иди. Иди возждь. Предупредить.

Ну ясное дело. А что же она, проклятушее проклятие, пытается сделать?

Она хотела ему это сказать, но лев повернулся и в два прыжка исчез в ближайшей улочке. Жаль, хорошо было бы иметь его рядом в такую ночь. Она улыбнулась абсурдности последней мысли. В такую ночь хорошо иметь рядом кого-нибудь из чаардана, пусть даже Двусущего, принимающего образ огромного льва.

Особенно, поправила она себя, Двусущего, принимающего облик огромного льва.

Она подошла к Торину и проводила его в ближайшую конюшню. Пинком выломала простенький засов и ввела коня внутрь:

– Стой здесь, будешь в безопасности. И тихо мне. Я вернусь позже.

Она вышла в ночь, пытаясь привести в порядок мысли. Дагена оказалась племенной ведьмой. Амулеты ее не были дешевыми побрякушками с рынка, над которыми жрецы могли разве что посмеяться. Сидела в тех амулетах собственная Сила, они сдержали волну чар Помётника. Еще с полсотни лет тому за использование неаспектированной племенной магии попадали в казематы, а то и сразу на плаху. Кошкодур был Двусущим, а на них в империи охотились со времен ее основания. До сих пор за каждого из них давали немалую награду. Лея? Лея пророчествовала, видела на расстоянии, таких, как она, уже не убивали, но сажали в башни, где до конца жизни поили маковым отваром. Знал ли Ласкольник? Глупый вопрос. Знал ли он и о ней? Эта мысль была такой неожиданной, что Кайлеан даже остановилась. Кха-дар всегда подбирал своих людей согласно непонятной системе. Отказывал самым крутым забиякам – в пользу кого? Девушки, воспитанной верданно?

Потом. Потом будет время, чтобы над этим подумать. Она зашагала быстрее. Нужно было многое успеть.

* * *

Она шла, ориентируясь на звуки битвы, которые то и дело возникали во тьме впереди. Казалось, что чаарданы Ласкольника и Веторма наконец-то нашли врага. Се-кохландийцы, похоже, не ожидали, что защитники вернутся так быстро. Рассыпавшиеся по городу кочевники не могли использовать численное преимущество, и оно стремительно таяло, поскольку и Лифрев быстро пришел в себя и ощерил в ночь клыки. За несколько минут Кайлеан обнаружила четыре се-кохландийских коня и семь трупов. Все погибли от стрел и арбалетов. Безумному Вепрю стоило бы задать себе вопрос, каким чудом не слишком-то большой город сумел уцелеть так близко от границы, всего-то в двадцати милях от реки, отделяющей империю от степей, да к тому же без стены или даже простой городьбы.

Ему стоило бы также спросить себя, откуда берется этот серый песчаник, из которого выстроено большинство домов в Лифреве.

Кайлеан надоело блуждать впотьмах. Пока все Помётники не будут убиты – или пока не сбегут, – чары продолжают мутить разум и сбивать с пути. К тому же пешком у нее оставались слишком малые шансы быстро найти чаардан. Она подошла к ближайшему дому. Дверь была открыта настежь, внутри оказалось пусто, все обитатели исчезли.

Отворив люк, она спустилась в подвал, освещая себе дорогу факелом, зажженным от углей в очаге. Двери, укрытые в стене, было непросто обнаружить, разве что кто-то знал, что он должен искать.

Она стукнула три раза, потом раз и еще два. Самые простые шифры – самые лучшие.

За дверьми что-то зашуршало.

– Кто?

– Кайлеан, чаардан Ласкольника.

Отворилось маленькое оконце. Блеснули глаза.

– Это ты, Маленха? – спросила она. – Оставили тебя одного, а сами пошли развлекаться, да?

– Я проиграл спор.

Маленха, средний сын шорника, не выглядел радостным. Он отворил дверь и отступил в боковую нишу, чтобы она могла пройти.

– Куда хочешь попасть, Кайлеан?

– В Вендор. Дорога свободна?

– Красный коридор. В голубом баррикады, пара Молний попыталась туда войти.

– Спасибо.

В Лифреве имелись свои тайны. Как раз такие, о каких не говорят всем подряд. Когда двести лет назад закладывали город, еще до того, как за рекой возникло сильное царство се-кохландийцев, первые обитатели Лифрева обнаружили, что под тонким слоем почвы находится мягкий, простой в добыче и обработке песчаник. Под каждым домом молниеносно выросли разветвленные подвалы, которые вскоре оказались соединены сетью туннелей. Благодаря этому удавалось довольно быстро добраться до любого места, и шагу не ступив по поверхности. Туннели были длинными, запутанными, а подвалы – многоуровневыми, самые глубокие уходили футов на семьдесят вниз. Внутри находились запасы воды и пищи, оружия, одежды и лекарств. Всего несколько человек могли бы защищать узкие переходы, их соединяющие, хоть от целой армии.

Кайлеан знала, что кочевникам удалось перебить часть жителей исключительно благодаря неожиданности. Оставшиеся теперь мстили, мстили бесчестно и неблагородно, но согласно с древними традициями тех, кому мешают спать бандиты. Луками и арбалетами в спину, коварными ударами из-за угла, шнуром, протянутым на высоте головы всадника. Небольшие группы, человека в три-четыре, проходили коридорами от подвала к подвалу. Тактика была простой и проверенной: войти в пустой дом, притаиться, дать залп по проезжающим налетчикам и отступить. Если отряд, попавший под обстрел, бросался штурмовать дом, вышибать двери, то зачастую получал еще один залп из соседнего здания. Если нападавшие обнаруживали проход в туннели, то узкий коридор, несколько каменных блоков, поставленных как баррикады, и пара-тройка арбалетчиков чаще всего оказывались непреодолимым препятствием.

Ласкольник некогда сказал, что захват сети подземных туннелей превосходит возможности полка имперской пехоты. А он знал, что говорит.

Она бежала коридором, стены которого на равных расстояниях были отмечены красной краской. Несколько раз она спускалась на более низкие уровни, несколько раз ей приходилось подниматься по лесткам. Она миновала ряд больших помещений, пустых, поскольку старики, женщины и дети схоронились в самых глубоких подвалах, а мужчины охотились на се-кохландийцев в другой части города. Дорога в «Вендор» заняла у нее едва ли несколько минут.

Парень, охраняющий вход в подземелье, аж подпрыгнул, когда она выскочила на него из-за поворота.

– Спокойно, это я, Кайлеан.

Он улыбнулся, пристыженный, и опустил тесак:

– Ласкольник вернулся?

– Да, он где-то в городе. – Времени на разговор у нее не было. – Впустишь или дать тебе в лоб?

Он отворил дверку, ведущую в подвалы, и отступил.

Постоялый двор был подготовлен к обороне. Двери закрыты и усилены несколькими окорванными железом балками, окна на первом этаже, и так узкие, дополнительно перегорожены железными прутьями. Лавки, столы, деревянные стулья – все, что могло загореться от брошенного в окно, например, горшка с зажженным маслом, вынесли в подвалы. Пол присыпали песком.

У каждого окна стояло по двое стрелков: один с луком, второй с арбалетом. Она узнала нескольких из людей старого Бетта, скольких-то горожан и пару приезжих. Как видно, многие решили довериться толстым стенам, а не подземным коридорам.

Приветствовал ее сам владелец постоялого двора.

– Наконец-то, – проворчал он, словно уже час как дожидался, пока Кайлеан выйдет из подвала. – Где Ласкольник?

Кажется, всем хотелось задать тот же вопрос.

– Где-то в городе. Хочешь к нему присоединиться? – Она ткнула его пальцем в кожаный доспех, обтягивающий мощный живот. – Гляди, в дверях не застрянь.

Он коротко рассмеялся, совсем не обидившись, и махнул рукою в сторону кухни:

– Там найдутся и пошире. – Он сделался серьезен. – Я бы вышел, Кайлеан, будь там только Молнии. Но... смотри.

Указал на помещенный над косяком оберег, который выглядел раскаленным.

– И так вот с самого начала. Когда я ставил здесь «Вендор», отдал за этот *а'верт* кучу денег, но теперь несколько не жалею. Что там происходит?

– Точно не знаю... Молнии пытались сюда прорваться?

Он кивнул:

– В самом начале. Хотели ворваться с наскока, но Ласкольник перед отъездом приказал, чтобы мы особенно остерегались этой ночью. Ну и все кончилось тем, что они оставили на подворье несколько трупов и отошли в глубь города. Где остальной чаардан?

– Охотится, разве не слышишь? Проклятие, я-то надеялась, что найду его здесь или хотя бы узнаю, где он.

– Дурные вести?

– Их больше, чем мы думали, тут – полный боевой *а'кеер*.

– Об этом не беспокойся, я сразу после первой атаки уразумел, что их больше сотни, и туннелями послал весть дальше. Если твой кха-дар установил контакт хоть с кем-то в подземельях, то уже знает об этом.

– Хорошая весть, Аандурс, – вздохнула она с облегчением. – Куда как добрая. Выпустишь меня?

Он глядел на нее несколько ударов сердца.

– Это нелучшая ночь для прогулок, девушка, ты одна, и никто худого слова не скажет, ежели ты останешься.

– Знаю. А ты бы остался?

Он махнул рукою в сторону кухни:

– Рядом с большой дверью есть окно, сквозь которое ты наверняка протиснешься. Так будет быстрее.

– Спасибо, хозяин.

Он криво ухмыльнулся.

– Ты устыдила меня, девушка. Устыдила, и я теперь чувствую себя старым трусом.

Она отмахнулась:

– Твой двор, твои гости, твои обязательства.

И исчезла в кухне.

* * *

Вокруг «Вендора», казалось, магия не действовала, и Кайлеан могла здесь двигаться с завязанными глазами. Шла она быстро, держась поближе к домам, пробираясь от тени к тени. Ветер отнес дым от горящих складов в глубь города и разогнал тучи на небе, а потому было достаточно светло. Ей не следовало позволять застать себя врасплох.

Волна колдовства ударила Кайлеан в бок и прижала к стене. Она почувствовала словно ее шваркнула огромная вонючая лапа чудовища, которое всю жизнь таилось в ямах с трупами и дерьмом. Колдовство останавливало дыхание, пыталось проникнуть ей в рот, нос, уши. Оно воняло и вызывало тошноту, а там, где оно касалось обнаженной кожи, плоть деревенела и горела одновременно. Но оно ее не убило. Амулет, который она получила от Дагены, начал дымиться и скворчать, а потом разлетелся во вспышке. Магическая атака утихла.

– Ну-ну, я так и думал, сестра. Умеешь противостоять Силе. Мои поздравления.

Из-за двери соседнего дома вынырнул Ловчий. Выглядел он как-то странно, было его *больше*, словно одно пространство занимали два разных существа. Казалось, что он хромает то на одну, то на другую ногу, будто при каждом шаге менялась их длина. И еще ей казалось, что само тело монаха движется не совсем в согласии с его желаниями. Словно ему приходилось с ним сражаться. Он поворачивал голову во все стороны резкими, птичьими движениями, однако ни на миг не сводил взгляда с Кайлеан.

Он широко улыбнулся, а у нее ослабли колени.

– Я знаю, кто ты, сестра. Знаю, какие у тебя желания. Могу помочь их успокоить. Мы можем... быть вместе... Кайлеан.

Внезапная трансформация – и вот он уже снова стал собой, Аредоном-хеа-Циреном, Третьим Клинком Владычицы Степей, Ловчим. С ироничной ухмылочкой и слишком длинным носом.

Она отлепила спину от стены, уверенно встала на широко расставленных ногах и выставила вперед саблю:

– Не подходи.

– Как пожелаешь. – Он остановился в десяти шагах от нее. – Я обратил на тебя внимание, когда ты вела через подворье коня с черными лентами в гриве. А позже, в Урочище, мы разговаривали, помнишь? Тебя окружает аура смерти, неуловимая и пугающая, она появляется и исчезает, ты пытаешься ее скрыть, и это умно, но я тебя чувствую. Пограничье, постоянные мелкие стычки – прекрасное место для кого-то вроде тебя, но без наставничества ты потеряешься и, скорее всего, погибнешь. Я хочу тебе помочь, Кайлеан.

Он протянул руку в приглашающем, без малого братском жесте. Что ему нужно?

Она сместилась влево, в сторону улочки. Чувствовала близящееся из центра города дуновение.

– Думаешь, так легко тебе все удастся? – прохрипела она. – Твой план провалился, эти глупые кочевники, которых ты обдурил, сейчас гибнут. Как и твои товарищи. Не нужно было нападать на мой город, Помётник.

Он скривился, словно титул этот его оскорблял:

– Провалился? Боевой а'кеер Наездников Бури, гвардии Отца Войны, беспричинно нападает на меекханский город. Империя такого не спустит. И вскоре полки имперской конницы отправятся в степи, чтобы ответить на эту атаку. Граница вспыхнет ясным пламенем. Будет много крови, Кайлеан. Очень много крови, – облизнулся он.

Ветер прибыл как раз вовремя. Ударил ее в спину и молниеносно наполнил улочку дымом и пылью. На миг враг потерял ее из виду.

Кайлеан кинулась влево, ворвалась в ближайший заулочек и помчалась, словно за ней гналась стая демонов. Что ж, если в рассказах о Помётниках не было преувеличений, это могло оказаться правдой.

– Возвращайся, слышишь! Возвращайся сюда, ведьма!!!

Ведьма?! Ведьма?

Она притормозила.

– Возвраща-а-а-айся!

Она задрожала – столько в этом крике было ненависти.

– Я убью их, слышишь, Кайлеан?! Убью их всех!!! Анд'эверса и остальных. Весь этот фургонщицкий выводок, который помогал тебе скрываться!

Она сжала ладонь на рукояти сабли. Сильно. До боли. А он продолжал кричать:

– Они будут гореть! Я приведу сюда больше братьев, вышлю тварей из Урочища и разожгу огонь, который очистит город. А первые на костер попадут верданно. А прежде чем подпалю дрова, прикажу вынуть им кляпы. Чтобы ты слышала, как они кричат, ведьма! А потом будет Ласкольник. И другие. Все, кого ты любишь. Слышишь, маленькая ведьма?! Слышишь?!!

Она двинулась назад и через минуту вышла из заулка за его спиной. Видела, как он поворачивается по кругу, ослепленный дымом, размахивает во все стороны мечом, кричит и ругается.

Она подняла саблю для удара.

– Не кричи, монах. Я слышу.

Он отскочил, мгновенно выставив защиту. Она заглянула ему в глаза и задрожала снова.

– Значит, – голос его скрипел, словно камни, – я догадался верно. Ты...

– Я не та, за кого ты меня принимаешь.

– Нет? – Он мигом успокоился. – Я чувую в тебе ауру, древнюю и мощную. Чую Силу. Твоя Сила, у которой явный привкус смерти, она дикая, первобытная... Ты маскируешься, но она все равно видна, если знаешь, куда смотреть. Мы сидели вечером в ста шагах от границы Урочища, и я ощущал ее в тебе. Владей ты аспектированной магией, тебе пришлось бы упиться вином до потери сознания, чтобы не сойти с ума. А значит, Сила твоя из тех, за которые отправляют на костер. Проклятая и нежеланная.

Он рассмеялся.

– Аспектированная магия. Предписанные Источники. Некогда я свято верил, что это единственный путь для людей, путь, благословенный богами. Я истово охотился на тех, кто осмеливался нырнуть глубже. Да, Кайлеан, глубже, потому что аспектированная магия – словно масляное пятно на поверхности океана. Радужно переливается, обещает многое, но это лишь тончайшая пленка, под которой... – он принялся судорожно жестикулировать, – под которой – всё, истинная Сила, истинная мощь, дорога к... божественности... ко всему, что только ни пожелаешь.

Кайлеан его не прерывала. Пусть говорит, пусть чванится: пока он здесь, не сможет кружить по городу и нападать на людей ее чаардана.

– Скажи мне, – вмешалась она, когда он на миг замолчал. – Скажи мне, когда ты перешел на другую сторону? Когда сделался Помётником?

Ловчий улыбнулся широко и искренне. Переложил меч в левую руку, а с правой принялся зубами стягивать перчатку. Только теперь Кайлеан вспомнила, что никогда не видела его без перчаток – ни разу. Он поднял голую руку и медленно повернул ее, чтоб она могла к ней прикоснуться. Это была женская ладонь, тонкая, холеная, с ногтями, украшенными рисунками цветов. Ладонь молодой дворянки.

– Видишь, – прошептал он. – Моя и не моя. Я получил от Владык нечто, в чем отказала мне Владычица Степей. Шанс на нормальную жизнь. Кеннея, моя невеста, она... не знала, не верила, до самого конца не верила, что я это сделаю. Но теперь-то мы вместе, ближе, чем когда бы то ни было. И будем вместе до самого конца времен.

Он взглянул на нее с безумным выражением на лице.

– Знаешь, что ладонь эта не стареет? И не меняется? Она постоянно такова, как в тот миг, когда я отрубил ее. А она кричала, как же сильно, как сильно она кричала. Люблю тебя, кричала, люблю тебя. Помни об этом, Ар. Помни-и-и-и!!!

Он издал безумный вой, выбрасывая руку вверх.

Кайлеан решила, что с нее хватит. Прыгнула к нему, словно выстреленная из катапульты, и нанесла широкий горизонтальный удар, должный лишить его головы. Он держал меч в левой, глаза его оставались прикрыты, он вопил, и вопль его несся из самой глубины несчастной души. Должно было получиться.

Он отбил удар – совершенно без усилия, почти презрительно. Кайлеан непроизвольно встала в защиту, но он не стал контратаковать, только отступил и снова улыбнулся. Она успела уже возненавидеть его улыбочку.

– Я потерял обе руки на службе у Храма. – Он атаковал небрежно, почти нехотя, и сила удара едва не выбила саблю из ее руки. – Рубанули меня обычной, набитой на рукоять, косой.

А они не сумели ничего с этим поделаться. Не хотели с этим ничего поделаться! Будь я сыном графа или князя, тогда нашли бы средства, заклинания, Силу. Но для шестого сына какого-то там пограничного барона? Прости, парень, наша Владычица подвергает тебя испытанию. Выдержи его с честью!

Два следующих удара заставили Кайлеан отступить на шаг. Третий она даже не пыталась парировать, чувствуя, что не справится, отскочила от Помётника, разорвала дистанцию. Он медленно, шаг за шагом, ступал вслед:

– Скажи-ка мне, Кайлеан, много ли чести в том, чтобы просить старого слугу стянуть с тебя штаны, когда ты хочешь высраться, а потом – подтереть тебе зад? Много ли чести, когда кормит тебя слепой, беззубый старикан, дующий на твою ложку и украшающий каждый кусок капелькой слюны? Знаешь ли, каково оно, когда укусит тебя комар, а ты не можешь почесаться? И когда все смотрят на тебя как на мебель? Твои старые друзья первые дни заходят, сочувствуют, утешают, обещают помочь. А через пару месяцев отводят глаза и, повстречав тебя, переходят на другую сторону двора.

Он совершил движение столь быстрое, что фигура его превратилась в смазанную полосу, и внезапно вырос над Кайлеан, словно грозовая туча. Непонятно, когда перебросил меч в правую руку и осыпал девушку градом ударов. Она отступала, парируя, всегда в последний миг, на волос уклонялась, чувствуя, что следующий удар может быть последним. Через минуту она уперлась спиной в стену. Он загнал ее куда хотел, и не осталось куда бежать.

Приблизил лицо к ее лицу, ощерился дико, дыхание его смердело гнилью:

– Я просил всего лишь об одной, Кайлеан, я просил ее только об одной руке. Все равно, правой или левой. Жрецы Владык обещали, что ничего с нами не случится. Но она не хотела, говорила, что мы справимся, что она меня не бросит. Что все будет хорошо. – В глазах его загорелось безумие. – Но хорошо не было бы, я видел это в ее взгляде. Она боялась, Кайлеан... боялась этого и хотела уйти. Она этого не говорила, но я знал. Потому я завлек ее в потаенное место и забрал обе руки. Она умерла там, истекла кровью, крича, что любит меня и чтобы я об этом помнил. Что мы всегда будем вместе. Сумеешь ли... Сумеешь ли понять это, ведьма?

Кайлеан почувствовала прикосновение на уровне колена. Не было нужды смотреть вниз. Бердеф наконец-то появился.

– Нет, Помётник, не сумею.

Она потянулась ко псу. Разумом. Волей. Желанием глубоким и истинным. Он не сопротивлялся, воссоединяясь с нею весьма охотно.

Мир вокруг не изменился, он остался, как был, серо-черным. Изменилось то, как она начала слышать и ощущать запахи. Звуки появились вокруг нее, словно фон, которым до сего момента был вой ветра и далекое рычание пламени, внезапно утих. Конечно, они остались где-то там, далеко, но большая часть ее сознания едва воспринимала их. На первый план вышли короткие, обрывочные отзвуки, далекий звон оружия, обрезанный на половине крик, бряканье тетивы, ржание коней. Город сражался. Это хорошо. И запахи. Пот, страх, кровь, дерьмо. Запахи из глубины города. Разъявленная могила, рана, покрытая червями, трупы детей, гниющие где-то в полях, твари из Урочища в своем истинном, полном облике. Запах Помётника. Он стоял слишком близко.

– Не сумею, – повторила она.

Уперла левую руку в его грудь, пусть даже все в ней восставало против этого прикосновения, и толкнула. Всей своей силой и силой, которую мог ей пожертвовать некогда весивший сто пятьдесят фунтов полукровка пастушьей собаки и волка. Бердеф.

Его дух.

Бывший жрец отлетел шагов на пять. На лице его замерло выражение неземного удивления, и на долю мгновения он выглядел почти комично.

Она добралась до него одним гигантским прыжком – и внезапно уже ему пришлось отступать. Кайлеан ударила – сверху, сверху, потом низко, в ноги, вышла из-под его контратаки молниеносным уворотом и широким режущим движением проехала ему по груди. Он сумел отшатнуться, она едва оцарапала его, но и этого хватило, чтобы ночь разозлило безумное рычание. Кровь его была черной и смердела, словно... словно кровь трупа. Кайлеан подскочила к нему снова и осыпала градом ударов. Вдохновлял ее собственный страх, отчаяние, ярость и гнев. Силу и быстроту ей давал дух большого пса. Была в ней его выносливость, энергия, звериные рефлексy и инстинкты. Немного нашлось бы среди людей фехтовальщиков, которые сумели бы в такую минуту выстоять против нее.

Только вот он не был человеком. Не до конца. Перед Кайлеан предстал ходячий труп с руками его невесты, которые Сила Проклятых соединила с его телом. Из раны, что Кайлеан ему нанесла, вытекала не только кровь. Внезапно его окружили темные ленты, именно в ране берущие начало, волна чар понеслась в сторону девушки, заставляя ее молниеносно уклоняться. Она перекатилась через плечо, но, прежде чем успела встать на ноги, из темного облака вынырнула тварь. Казалась она выше и шире, нежели миг назад, кожа блестела, словно ее натянули на слишком большой скелет, а голову словно разбил чей-то удар, один глаз был явно выше, нос превратился в дыру, окруженную схожими с пиявкам щупальцами, губы иссохли, открывая треугольные острые зубы. Когда тварь бежала, казалось, что на ногах ее есть лишний сустав между коленом и стопой.

Именно столько Кайлеан и успела заметить. Когда бы не дух пса, наверняка окаменела бы от ужаса и была бы разрублена первым ударом. Она же отреагировала инстинктивно, встала в защиту, сократила дистанцию, оттолкнулась от него плечом и отскочила в сторону. Ловчий, казалось, состоял из кусков железа, обтянутых заскорузлой кожей.

А его скорость. Ох, его скорость! Только теперь она поняла, что раньше он старался оставить ее в живых. Не показал все, на что способен, а может, был в силах сделать это лишь в таком вот виде, но уж когда он его принял...

Он легко отбил первую ее контратаку и напал сам. Казалось, что было у него два, а то и четыре меча, удары обрушивались, словно лавина, один за другим, без перерыва, без мига передышки. Сражался он без особой утонченности – справа, слева, верх, низ, и снова, и снова. Все быстрее и быстрее, напирая на нее, словно взявшая разгон панцирная пехота. Это не могло затянуться надолго.

Он остановился на полушаге, с мечом, поднятым для очередного удара. Она использовала это мгновение, чтобы отскочить и перевести дыхание.

– Дух пса... В тебе дух пса... или волка.

Некоторое время казалось, что он пытается что-то вспомнить.

– *Лани'ховен*, – прошипел он. – Ты *Лани'ховен*, Ловец Душ. Связываешь и приводишь к послушанию духов людей и животных, черпаешь их Силу и мощь. Ты опасней любого чародея, сестра, намного опасней, а Сила твоя десятикратно проклята в Меекхане, где стоит противу нее и Великий Кодекс, и все религии. Тот, кто может оставить при себе чужую душу, не отыщет покоя ни в одном уголке империи.

Она увидела его лицо и задрожала.

– Сила, Кайлеан. Невообразимая Сила. Вот чего ты можешь достичь. Обычный чародей или даже боевой маг перед тобой – словно дитя. И ты ведь именно этого и жаждешь, девушка, верно? Жаждешь поглощать души, черпать из них силу, умения, быть властительницей в собственном мире. И года не пройдет, как займешь ты их при себе десятки, после – сотни. Наисильнейшие мира этого падут пред тобою на колени и станут молить о милосердии. А ты им его дашь... или нет. Поскольку править будет лишь твоя воля.

Он опустил оружие.

– Ну, Кайлеан, дух одного пса – это ничто. Ты можешь получить души всех обитателей этого вшивого городка и всех се-кохландийцев, которые сейчас здесь гибнут. Для начала. Будешь их госпожой и властительницей. Отплатишь им за все обиды и унижения. Никто и слова злого не скажет о меекханской сиротке и фургонщиках. Никто даже помыслить не посмеет ничего дурного, ибо я научу тебя следить за такими мыслями и отвечать на них. – Он заглянул ей в глаза, два бездонных колодца минуту пытались выпить ее душу. – Одно слово, Кайлеан, и закончим этот поединок, чтобы отправиться в ночь на охоту.

Она глубоко вздохнула и тоже опустила оружие.

– Когда напали бандиты, – начала она, – у нас было четыре пса. Трех убили сразу, четвертого стоптали и оставили со сломанным хребтом. Звали его Бердеф. Был он наполовину овчаркой – наполовину волком и... моим другом. Отец повторял, что такой пес ни в ком не признает хозяина, но если увидит в тебе друга, то ты не найдешь лучшей опоры в жизни. Я плакала, когда взяла камень, чтобы... оборвать его страдания.

Помётник улыбнулся.

– Я не могла, Помётник... не могла этого сделать. Я была одна посреди степей, только что убили мою семью, а я намеревалась лишить жизни последнего из ее членов. Я боялась, плакала, сопливая, словно малое дитя, и просила моего пса, чтобы он остался со мною... чтобы не покидал меня одну... потому что я не справлюсь. – Кайлеан смотрела, как улыбка твари исчезает, как та начинает понемногу понимать. – И знаешь что? Он остался. Остался, потому что захотел, потому что был моим товарищем, другом. Я не знаю, кто я такая, но уж точно не Ловец Душ. Я не ловлю их – лишь предлагаю договор... добровольный договор... союз. Я не могу никого заставить, поскольку душа всегда – только дар. И единственное, что я могу сделать, так это освободить ее из ловушки.

Он понял быстрее, чем она рассчитывала, и без предупреждения бросился вперед с мечом, обеими руками вознесенным над головой, нанес удар, который мог бы перерубить Кайлеан напополам, от макушки до копчика. Она парировала, напрягая все силы, хотя острие едва-едва отклонилось, потом бросила саблю и ухватила за его запястья. За руки молодой девушки, единственную часть этого тела, которая не подверглась изменению.

Кайлеан словно нырнула в яму, наполненную разлагающимися трупами. Ее облепили тени воспоминаний, эмоций, страхов, боли, ненависти, сожаления. Горького отчаяния. Она сжала зубы и нырнула еще глубже, в сторону пятнышка света, которое ощутила на самом дне.

Чары, создавшие Проклятого, не намеревались облегчить ей задачу. Ее захлестнули чувства – те самые, из-за которых люди скручиваются в клубок и воют от страха или бросаются вперед в безумии берсерка. Ужас, безумие, паника, ненависть. Ненависть ко всему миру, ко всему, что живет, ходит, дышит и смеется. Жажда власти, превосходства, желание победить любой ценой, остаться наверху, достичь безоглядного подчинения себе всего и всех. Чтобы они расплатились за презрение, невнимание, фальшивое сочувствие.

Но с ней был дух пса. Он обернул ее защитным плащом, и весь этот ужас вдруг стал не опасней грязного тумана, чем-то не достойным внимания. Кайлеан потянулась глубже.

«Пойдем, сестра, – подумала она. – Пойдем со мной. Пойдем, Кеннея, пора уходить».

Дух молодой женщины, заключенный до той поры в теле Помётника, поднялся и соединился с Кайлеан.

Она отпустила руки бывшего жреца и отступила.

Он завыл.

Завыл голосом, какого ей слышать прежде не приходилось. Меч выпал из его ладони и воткнулся в землю.

Кайлеан спокойно отступила на пару шагов. Теперь у нее было время.

Помётник упал на колени и зарычал в небеса. Пытался потянуться к мечу, но руки, украденные у его невесты, уже оказались мертвы. Без души девушки они сделались всего лишь

двумя кусками чужой плоти, пришитыми к культам. Внезапно он всхлипнул и поднял их к глазам:

– Кеннея... ох, Кеннея, – и он начал превращаться в человека.

Кайлеан медленно подняла его меч. Тот казался невыносимо тяжелым и горячим. Рукоять едва ли не обжигала ладонь.

Аредон-хеа-Цирен опустил руки, взглянул ей в глаза и произнес:

– И станешь ты стеною меж Тьмой и Светом. И будешь ты Щитом против Мрака. И будешь ты Мечом Справедливости. И не дашь моим врагам ни минуты отдыха и сна, и станешь преследовать их до края земли. И не будет ни дня, ни часа, когда бы они могли чувствовать себя в безопасности. И не дашь им ни пищи, ни питья, ни места у огня. Да будут прокляты те, кто склоняется...

Кайлеан встала на полусогнутых ногах и ударила. Показалось ей, что в миг, когда меч отделил голову Помётника от туловища, клинок его вспыхнул молочным светом. А может, был это лишь лунный блеск на острие.

Она опустила оружие на землю.

Потянулась вглубь – в то место, которое открыла в себе давным-давно, во время наихудшей ночи в своей жизни. Промыслила имя.

Дух молодой женщины появился где-то на краю зрения. Она не пыталась к нему тянуться. Сказала Помётнику правду, талант ее состоял в том, чтобы делать предложение и выслушивать ответ. Решение же принадлежало духу и ей самой. А она не желала входить в союз с душой девушки, заточенной вот уже несколько лет в теле Проклятого.

Она подняла свою саблю и двинулась улицами города.

Ей навстречу выехал отряд из нескольких человек. Командир на ходу соскочил с коня.

– Кайлеан...

– Кха-дар, я...

– Тихо, девушка, тихо. Все уже хорошо, Молнии отступают из города, и я не знаю, уйдет ли за реку хотя бы третья их часть.

– Кха-дар...

– Мы слышали битву здесь, я думал, мы не успеем. Ты его убила?

Ему можно было и не говорить кого.

– Да.

– Хорошо. Очень хорошо. Второй за одну ночь. Прославишься, Кайлеан.

– Я не хочу славы, кха-дар.

– И правильно, слава – госпожа капризная, – отмахнулся Ласкольник. – Вы там, проверьте загоулки. Нужно очистить город.

Через какую-то минуту они остались одни. Кха-дар встал напротив нее, сложил руки на груди.

– Странные настали времена, девушка, – сказал он, глядя куда-то вперед. – Триста лет назад империи пришлось решать одну из серьезнейших проблем, с какой доводилось сталкиваться. Поглощая новые земли и новые народы, она встречалась со способами пользоваться Силой, о каких меекханские чародеи и жрецы едва-едва слыхивали. Они же принесли в те земли аспектированную магию – прирученную, которую можно измерять и взвесить. А здесь, на Востоке и Севере, наткнулись они на Двусущных, на Ловцов Душ, на Говорящих-с-Конями, племенных певцов Силы, Режущих Кости, Танцоров Духов и на множество прочих. Началась война, – вздохнул он тяжело. – Некоторые говорят, что дело было во власти, что Сила, магия – это власть, а империя не намеревалась делиться ею ни с кем. Аспектированная магия, благословенная жреческими элитами, – это возможно, но племенные амулеты из костей и перьев – строго запрещены. Такие времена.

– Кха-дар...

– Тихо, девушка, дай старому человеку закончить. – Он улыбнулся ей в темноте. – Другие говорят, что дело было в страхе. В страхе перед непознанным, в испуге перед тем, что кроется во Мраке и за ним. В попытке сдержать неудержимое или же оттянуть то, приход чего превращает внутренности в лед. Однако появились и те, кто полагали, что сидеть за щитом и щелкать зубами – недостаточно для победы в войне. Я не знаю, кто был прав и заключалось ли дело в страхе, власти или в чем-то еще. Нынче это не имеет значения.

Она опустила голову, внезапно на нее обрушилась ужасная усталость. Голос командира доносился словно сквозь завесы:

– Полагаю, я знаю, кто ты такая. Зверям известно больше людей, а некоторые кони не любят псов. – Она ощутила в его голосе усмешку. – Особенно тех, что выходят из стен. Ты нынче победила в бою двух Помётников, и я не знаю, справился бы с ними я сам. Но мы нынче не станем об этом говорить, Кайлеан. Для этого еще найдется время. А сейчас пойдем в «Вендор», отдохнем.

У нее закружилась голова.

– Кайлеан? Доченька? Проклятие!! Кайлеан! Кайл...

Она не ощутила ни падения, ни заботливых ладоней, что поднимали ее с земли и несли в постоянный двор. Для нее сегодняшняя ночь закончилась.

Лучшие, каких можно купить...

Было далеко за полдень, почти вечер, когда группа кавалеристов начала пересекать поросшую густой травой степь.

С точки зрения кого-то, не привыкшего наблюдать за военными отрядами, могло показаться, что всадниками командовал исключительно небрежный и несерьезный офицер. Солдаты двигались свободными группками, по двое-трое, иной раз стремя в стремя, иной раз – друг за другом. Насчитывавшая порядка двухсот лошадей хоругвь¹ издавала напоминала банду разбойников, что едут с удачного налета и настолько не опасаются погони, что успели упиться и теперь медленно, презрев безопасность, движутся вперед. Даже знамя отряда, вместо того чтобы гордо реять посередине группы, покачивалось где-то сбоку, словно знаменосец был слишком пьян, чтоб держать его ровно.

Однако поднимись некто в воздух, чтоб взглянуть на землю глазами кружащего в небесах сокола, приметил бы в кажущемся хаосе удивительную правильность. Сверху отряд представлял собой контур широкого, прочесывающего степь полумесяца, чьи растянутые на двести ярдов крылья были слишком симметричны, чтобы это оказалось случайностью. Тот факт, что всадники удерживали строй, несмотря на то что офицеры не отдавали приказы каждому лично, прекрасно свидетельствовал о выучке солдат.

Все они носили стальные шлемы и круглые щиты. Шеи их были обвязаны матерчатыми шарфами цвета грязной зелени, чьи концы свисали за спины. Главным оружием их служили короткие копья и тяжелые сабли, но теперь большинство всадников держали в руках луки с наложенными на тетиву стрелами. Глаза кавалеристов внимательно оглядывали море трав, в котором и кони тонули по самое брюхо. Местами же поросль вставала выше человеческого роста. Хорошее место для засады, говорили их взгляды. Слишком хорошее. Ну так пусть кто-то попытается...

Раздалось несколько коротких, резких посвистов, и отряд принялся маневрировать. Кони солдат на левом фланге остановились, беспокойно переступая на месте, правое же крыло убыстрилось, пройдя по дуге. Контур полумесяца слегка заколебался. Ни один из всадников не взялся за вожжи, правя конями лишь с помощью коленей. Ни одна стрела не сдвинулась с тетивы, ни один взгляд не перестал осматривать окрестности. Казалось, что не военный отряд выполняет маневр, но сворачивает один большой организм, направляясь к ему одному известной цели.

Они выглядели словно императорская гвардия.

Каковой, честно сказать, они и были.

Обойдя невысокий холм, они направились на восток, где несколькими днями ранее буйствовал пожар. Гарь тянулась до самого горизонта, равнина была черна, хотя и этих нескольких дней хватило, чтобы из-под пепла выстрелили первые зеленые ростки. Но когда бы не внезапная гроза, огонь распространился бы, превратив много миль степи в бесплодные почвы.

День клонился к вечеру. А лето – к концу.

Если не считать последней грозы, дождя не было почти месяц, а солнце безжалостно осушало каждую каплю влаги. Травы, меж которыми вышагивали кони кавалерии, были серого печального цвета и не столько ложились под копыта, сколько ломались с сухим шелестом. Солдаты знали, что обычно широкая и глубокая река, по которой проходила граница, превратилась в один сплошной брод, а большинство колодцев на расстоянии десятка миль высохли до грязного дна. Такие пожары, как этот, пылавший пару дней назад, не были чем-то необычным, но все же командующий хоругвью капитан, похоже, решил взглянуть и на сожженную равнину.

¹ Хоругвь – военный отряд размером от сотни до двух сотен воинов. (Прим. пер.)

Он не заметил ничего необычного: пепел, несколько небольших всхолмлений, облако черной пыли, несомое ветром полумилей дальше. Спокойствие.

Здесь наверняка никто не сумел бы спрятаться.

Офицер поднял ладонь и повел ею по кругу.

Несколько очередных посвистов развернули отряд на месте.

И в этот самый момент они попали в засаду. Двое солдат, ехавших ближе всего к командиру, были сбиты стрелами, сам же он успел в последний момент поднять щит, в который ударило, как минимум, три древка. Он мерзко выругался: стреляли из моря трав, с места, которое они миновали несколькими минутами ранее!

Первого нападавшего он заметил, только когда тот поднял коня. Сухие стебли, использованные как маскировка, осыпались дождем, когда атакующий вынырнул словно из-под земли, натянул лук и снова выстрелил. Щит вздрогнул от удара. Тяжелая стрела с такого расстояния наверняка пробила бы кольчугу. Капитан моргнул, пытаясь отогнать слезы. Сукины дети, они атакowali с запада, когда солнце встало у них за спиной, а его солдаты оказались освещены, словно на стрельбище. Что там с лучниками?!

Четверо или пятеро отреагировали как должно, но слишком поздно: бандит дернул поводья, крикнул что-то, его конь присел на задние ноги, а всадник склонился в седле и исчез за лошадиным телом. Стрелы, посланные в него, улетели в степь. Прежде чем лучники успели потянуться к колчанам, конь напавшего уже поднялся, развернулся и галопом помчался вперед. Вместе с... офицер прищурился... семью, нет, восьмью другими. Хоругвь дернулась, развернулась на месте и без приказа устремилась за беглецами. Командир ее дрожащей рукою вложил серебряный свисток в губы и принялся делать то, за что ему платили.

Несколько резких команд одернули половину уже атаковавшего отряда. Несколько следующих – восстановили строй. Звучали приказы: Сломанная Монета – кавалеристы в несколько мгновений сомкнули полукруг вокруг командира, оставаясь на гари. Остальная часть хоругви продолжала гнать наглецов, осмелившихся атаковать императорскую гвардию. Капитан потратил мгновение-другое, чтобы оглядеться вокруг. Все было не настолько плохо, как он успел подумать: стрелы попали в двух солдат подле него – и в троих чуть дальше. Для дюжины – не меньше – выпущенных стрел напавшие не слишком-то напрягались. А теперь – он привстал на стременах, чтобы лучше видеть, – судя по построению, которое приобрела погоня, бандиты не разбежались, но сбивались во все более тесную группу, загоняемые на флангах крыльями растянувшейся полумесечью погони.

«Нужно будет отметить в рапорте лейтенанта, командующего полухоругвью. Еще минута – и отряд охватит беглецов, и за несколько ударов сердца все закончится. Пятеро потерянных солдат – приемлемая цена».

На глазах командира погоня повернула влево, преследуя убегающих бандитов. Он чуть улыбнулся – похоже, нападавшие потеряли голову, если даже не попытались разделиться, а гнали вперед, словно стадо скота. Поодиночке кто-то из них мог бы сбежать, а вместе они лишь...

Беглецы и хоругвь были уже в каких-то двухстах ярдах от места засады, когда командир понял, что нападающие просто развлекаются. Этот поворот влево оттянул догоняющий отряд от немалого участка нетронутых трав. И в миг, когда имперская кавалерия пронеслась мимо, во мгновение ока там выросло с десятков-другой всадников, тотчас ударивших в спины сосредоточенных на беглецах солдат. Два, три, пять ударов сердца – и они уже шли галопом, все еще незамеченные, поскольку ни один из участвующих в погоне не обернулся. Зачем, если за спинами их должен находиться собственный отряд?

Луки новых бандитов натянулись, целясь с расстояния в несколько шагов в спины гвардейцев...

– Ванхен! Сделай что-нибудь!!!

Капитан и не ожидал, что сумеет так вопить. Маг хоругви, стоявший в нескольких шагах левее, приподнялся в седле, раскинул руки и призвал Силу.

Офицер никогда так и не узнал, что именно намеревался совершить чародей. Создать перед нападающими стену огня, вызвать ветер, чтобы сделать невозможным точный выстрел, подбить ноги лошадям? В миг, когда маг открыл рот, что-то с ужасной силой попало капитану между лопатками: раз и второй. Два удара, словно его пробило навывлет двумя копьями. Он медленно потянулся за спину и коснулся кольчуги, а потом с недоверием глянул на липкую красноту. Проиграл, понял он вдруг, проиграл, словно какой-нибудь молокосос...

Взглянул на мага. Ванхен-кан-Левав сидел в седле с озабоченным лицом, потом обернулся, открыв три красных пятна посередине спины. Ну конечно, на чародея они потратили целых три стрелы, а на командира – только две. Хотя, вспомнив силу удара, офицер не хотел тому завидовать.

Он повернул коня, встав лицом к лицу с теми, кто его победил. Удивленно заморгал, увидев молодую девушку, что иронично улыбалась ему с расстояния в десяток шагов. С головы до ног она была перемазана в саже, а единственными чистыми вещами у нее оставались лук и колчан. Она помахала ему стрелой, которая заканчивалась не острием, а кожаным шариком в нготь шириной, измазанным в краске, – и подмигнула. Он оглядел ее сверху вниз, задержавшись на грязной попоне у ее ног. Неглубокая яма, немного материи, несколько лопат земли – если только кто-то не встанет у нее на голове, то не заметит. Она ждала его и хоругвь вместе с четырьмя товарищами, рассчитывая, что сумеет выделить среди солдат командира и боевого мага. Особенно мага, усмехнулся он кисло и кивнул девушке. Она ответила и на этот раз улыбнулась безо всякой иронии. Тряхнула головою, окружив себя на мгновение облаком серо-черной пыли.

Над равниной раздалась серия свистков.

Учения подошли к концу.

Стоящий на холме офицер выругался и с чувством шмякнул кубком о землю. Недопитое вино окрасило траву каплями цвета старого золота.

– Проклятущее проклятие! Третий раз подряд?! Третий раз! Сколько я там тебе должен?

Его товарищ чуть улыбнулся в седые усы и сделал вид, будто подсчитывает что-то на пальцах. Оба прекрасно знали сколько, поэтому в возгласе было больше театральной игры, нежели истинного чувства.

– Тридцать шесть бутылок. Ты ведь удваивал всякий раз, верно? Девять, восемнадцать, тридцать шесть. Полагаю, будет прекрасно, если принесешь мне завтра вечером. – Мужчина с явным удовольствием глотнул из кубка, причмокнул. – Нектар из Ваех, на сто миль окрест ничто с ним не сравнится.

Стояли они на единственном в окрестностях холме, откуда прекрасно видели все, что происходит в степи. Холм имел слишком правильную форму, чтобы быть естественного происхождения, но какой бы народ и ради какой бы цели его ни насыпал – создал прекрасный пункт наблюдения. Они видели отсюда все: четкие маневры рыщущей вокруг хоругви, первую атаку, погоню, внезапное появление новых нападавших, «смерть» мага и командующего хоругвью капитана. И оба они знали: будь это не учения, не принадлежи нападающие к имперскому вольному чаардану, Меекхан потерял бы боевого мага, командира хоругви и с десяток, если не больше, солдат.

И притом – из элитного гвардейского полка Зеленых Глоток.

– Эта пятерка позади быстро бы погибла. – Офицер уже успокоился, поправил на плечах зеленый плащ с синей вставкой и махнул рукою. Адъютант в звании старшего лейтенанта тотчас же принес новый кубок и наполнил его вином. – Ты пожертвовал бы их в настоящей схватке?

– За боевого мага и командира? Ты всерьез? Аберлен, ты ведь прекрасно знаешь, что се-кохландийцы во время последней войны бросали, бывало, в самоубийственную атаку целые а'кееры, только бы достать одного из наших чародеев. Кроме того, будь у меня здесь не двадцать четыре человека, а двести, то через миг после смерти капитана они напали бы на остаток хоругви. Может, кто-то из этой пятерки даже и уцелел бы? А если и нет... ты полагаешь, что такой обмен – плох?

– Он куда как хорош. – Аберлен кисло скривился, но сразу же усмехнулся. – Но остальных твоих бандитов мы бы достали. Признай это.

Его товарищ махнул рукою.

– Выбери одного, – предложил он.

– Что – «одного»?

– Одного из них. – Он указал на маневрирующую группу. – Любого из моих, чтобы не говорить потом, будто я смухлевал. И трех самых быстрых своих всадников. Наперегонки, два раза вокруг холма.

У генерала загорелись глаза.

– Без фокусов? А, Генно? Никаких ям в земле или укрытых в траве лучников?

– Только конские ноги.

Они сошли с холма навстречу возвращающемуся отряду. Как преследователи, так и их противники уже знали, как закончились учения, но, несмотря на это, между группами не чувствовалось напряжения. Напротив, солдаты перешучивались с несостоявшимися врагами, и только командующий полухоругвью лейтенант имел кислый вид, подъехав к спускающимся с холма мужчинам.

– Лейтенант Ханель-кло-Наваэр докладывает о завершении учений, господин генерал...

– Хватит, лейтенант. Какие были приказы?

– В случае засады преследовать противника, но не далее чем на четверть мили от остального отряда.

– Хорошо. Вы заметили тех, кто оказался у вас за спиной?

Молодой офицер вздохнул и слегка покраснел.

– Нет, господин генерал. Появились словно их кто-то наколдовал.

– А господин лейтенант помнит третье правило погони? То, которое вам вдалбливали в голову в академии?

Краснота на щеках лейтенанта сделалась чуть сильнее.

– При погоне один глаз смотрит вперед, второй – назад.

– Прекрасно. А пятое?

– Даже самый быстрый конь не перегонит стрелу, – процитировал тот.

Его командир кивнул и улыбнулся. На молодого офицера это подействовало словно котелок кипящего масла, вылитый за шиворот. Казалось, что он вот-вот потеряет сознание.

– Дай-ка я догадаюсь. – Генерал Аберлен-гон-Саве почесал голову. – Вы, лейтенант, решили, что возьмете их живьем, а потому запретили стрелять. А они водили вас за нос, как хотели, и, пожелай они кинуться в пропасть, твоя полухоругвь последовала бы за ними. Верно? Нет. Не отвечайте, это не был вопрос. Вы правда полагали, что чаардан генерала Ласкольника даст вам проглотить себя, словно плотвичка – щуке? Эх. Кони-то у вас разогреты? – спросил он внезапно.

– Так точно, господин генерал.

– Выбери троих самых быстрых наездников в отряде. Пусть снимут все, что их отягощает: сабли, копыя, щиты, луки и колчаны. Шлемы – тоже. У второй хоругви будет шанс отыграться на этих... – миг он искал должное определение, – степных бандитов.

Ласкольник кисло улыбнулся и покачал головой, словно раздосадованный. Потом встал в стороне и, сложив на груди руки, глядел, как генерал тщательно осматривает его людей. Нако-

нец, внимание офицера привлекла темноволосая девушка, а скорее – ее конь, мышастый, низкий и коротконогий, выглядящий одним из северных коньков, что не слишком-то крупнее обычного пони. Животинка шла с опущенной головой, тяжело дыша.

– Любого? – удостоверился командир полка.

– Любого, – подтвердил Ласкольник.

– Вот, – генерал ткнул в мышастого конька. – Два круга.

Седовласый скривился и возразил:

– Это не слишком удачный выбор.

– Ты сказал: любого.

– Именно так.

– Ну так пусть твоя дикарка готовится.

Ласкольник пожал плечами и пошел к девушке. Та склонилась в седле, чтоб лучше его слышать, и некоторое время они разговаривали. Было видно, что она не слишком довольна сказанным им, покачала головой, совершила некий сложный жест левой ладонью, наконец, пожалала плечами. Кха-дар похлопал ее конька по шее и снова направился в сторону генерала. К тому как раз подошел капитан несчастливой хоругви. Сопровождала его лучница – вся перемазанная сажей.

Кайлеан стояла чуть в стороне и смотрела, как капитан рапортует командиру полка. Собственно, он мало что мог сказать, но и этих нескольких коротких фраз было больше, чем хотелось бы ему из себя выдавить, не будь такой необходимости.

Трава сбоку зашелестела, и подле Кайлеан встал маг хоругви. Скривившись, попытался дотянуться до места между лопатками.

– Не двигай руками, – посоветовала она. – Лучше вышли кого-нибудь в Лифрев, пусть спросит мать Веру. Она продаст тебе мазь, смажь, замотай повязкой – наутро не будет и следа.

– У нас в полку есть несколько целителей.

– Военные знахари. Я о них наслышана. Если желаешь стонать еще с месяц, когда поднимаешь руку для заклинаний, – твое дело. – Она перевела взгляд на своего командира. – Но если решишься, пусть посланник скажет, что он от Кайлеан. Может, мать Вера сделает тебе скидку.

Она чувствовала, как чародей присматривается к ней, и почти могла прочесть его мысли. Как боевой маг хоругви, он наверняка имел офицерский патент. Она же была дикаркой свободного чаардана, грязной, словно трубочист. Однако служила она у Генно Ласкольника. А значит, он мог разговаривать с ней без потери чести.

– Ванхен-кан-Леван, – представился он наконец. – Боевой маг из второй полупанцирной. Говорят, вам еще удалось натянуть нос первой и четвертой. Генерал в ярости.

– Кайлеан-анн-Алеван, – кивнула она. – Почему же?

– Как это почему? Зеленые Глотки – его полк. Его и никого больше, он командует им лет пятнадцать, а тут какая-то степная, иррегулярная банда три раза подряд делает из нас идиотов. Ласкольник или нет, а не следовало так вот наступать генералу на мозоль. Будут проблемы.

– Он не умеет проигрывать?

– Как мало кто, – маг кисло усмехнулся.

– Кайлеан! – Ласкольник подозвал ее, перекрикивая растущий шум. Известие о гонке уже облетело всех, и солдаты вместе с ее чаарданом въезжали теперь на холм, откуда открывался прекрасный вид. Несколько кавалеристов уже кружили меж товарищами, собирая ставки.

– У генерала есть несколько вопросов, – пояснил кха-дар.

Командир полка смерил ее с головы до пят:

– Душно было в той яме?

– Вытерпеть можно.

– Как вы различили командира и мага? Согласно идее генерала Ласкольника, – офицер подчеркнул слово «генерала», будто благодаря этому ему легче было проглотить поражение, – лейтенанты и капитаны не носят плащей или других знаков. Как и маг.

Она кивнула:

– Но командир все равно отдает приказы. Вот так. – На глазах удивленного Аберлена ее рука исполнила в воздухе несколько жестов: «поворот налево», «медленно вперед», «туманный месяц», «нашествие». Она знала, что военные команды в ее исполнении произведут именно такое впечатление. Особенно на высшего офицера.

– А-а-а, понимаю. – Командир полка глянул на Ласкольника. – Я почти позабыл, кто у вас кха-дар.

– А о том, что каждый третий всадник в свободных чаарданах некогда служил в имперской кавалерии, вы не забыли, господин генерал? – Она позволила себе улыбнуться. – Мы и сами используем такие сигналы, хотя и упрощенные по необходимости, поскольку трудно совершить «нашествие», когда у тебя лишь тридцать лошадей. Когда доходит до боя, тут ничего не поделать, командир мог бы хоть раскрасить шлем в красное – не сделался бы от этого заметней. Но если мы таимся в засаде, а вражеский отряд маневрирует, прочесывая степь... В трех случаях из четырех я могу указать на офицера. Впрочем, есть и другой способ.

– Какой? – Удивительно, но генерал и правда казался заинтересованным.

Она взглянула на кха-дара, тот кивнул.

– Ну, господин генерал, дело обстоит так, что командир отряда отдает приказы жестами, а офицеры и младшие офицеры передают их дальше вот этим, – она показала на серебряный свисток, свисающий с шеи Аберлена. – Однако это означает, что постоянно несколько солдат станут посматривать на одного, словно влюбленные. Даже когда не отдаются приказы, через какое-то время, глядя на солдат, можно понять, кто командует.

Пока она говорила, Аберлен-гон-Саве чуть покраснел – казалось, готов был оторвать кому-нибудь голову. Похоже, он плохо переносил не только проигранные споры.

– А она хороша, верно? – Ласкольник улыбнулся ей. – Первая до этого додумалась, когда мы следили за полком во время учений. Откажитесь от команд жестами, оставьте только свистки. Что с нашими гонками?

Командир полка открыл и сразу же закрыл рот.

– Может, маленькая ставка? – процедил он. – Я удваиваю то, что ты выиграл до этого момента.

Ее кха-дар поглядел на офицера, слегка прищурившись. Она знала это выражение лица: Ласкольник, похоже, начал раздражаться. Он медленно кивнул.

Четверка всадников, собравшихся принимать участие в гонках, была уже готова. Кайлеан с признанием посматривала на лошадей кавалеристов. Два гнедых и один сивый жеребчик выглядели как гордость имперских войск. Широкая грудь, мощные зады, мускулистые ноги. Всадники их взирали на готовую состязаться с ними девушку сверху вниз. Конек ее был, как минимум, на пару пядей ниже в холке, да и сама она не слишком-то высока, а потому разница в росте меж ними оказалась в пару футов.

– Кажется, коза собирается соревноваться с борзыми, – прокомментировал маг. – Наш генерал, похоже, получит назад свое вино.

– Откуда ты знаешь, что спорил он на вино?

– Я служу с ним уже восемь лет. Он всегда спорит на вино. Считает, что спор на деньги вредит чести офицера.

– А как с честью мага? – Она и сама не понимала, что заставило ее уколоть его. Разве что она вдруг решила, что стоит утереть нос имперским задавакам. Ну и это замечание о козе...

– Мага, который носит звание старшего лейтенанта, – подчеркнул тот. – А потому и мне не полагается спорить ни на что другое. В Седьмом это уже традиция.

– И как здесь спорят?

Чародей подозвал одного из кружащих поблизости солдат. У подножия холма продолжались приготовления, с десяток-другой всадников как раз неторопливо обходили его, протаптывая в сухой траве почти ровный круг – два копыта воткнули в землю на расстоянии двадцати футов друг от друга, создав импровизированную линию начала и конца гонок. Почти вся хоругвь успела собраться на холме. Солдаты покрикивали, давая участникам скачек шуточные советы. В самых незлобивых повторялись предупреждения всадникам следить, чтоб девушка на своей кляче не проскочила под брюхами их коней.

Ванхен-кан-Левав отпустил солдата и сказал:

– Четыре к одному на наших парней. Даже странно, что так низко. Видимо, им жаль эту малышку.

Он провоцировал ее, он явно ее провоцировал – голосом, интонацией, едва скрытой издевкой.

– На какое вино обычно спорит ваш генерал?

– На золотое каланское. – Он произнес название медленно и тщательно. – Нектар из Ваех, как его называют. Но это дорогой напиток, орг за бутылку, – пожал он плечами.

Снова этот слегка презрительный тон и жест. Ты не решишься, дикарка. Зачем мы вообще об этом разговариваем, если ты все равно не решишься на спор?

– Я бы поставила две-три.

– Три?

Ей не было нужды смотреть на него, чтобы увидеть высоко поднятые брови и выражение недоверия на лице. Три орга стоила половина коровы.

Она же, похоже, наконец поняла, в чем причина. Зная, что ей придется провести полдня, если не дольше, в яме, прикрытой попоной, в саже и пепле, Кайлеан надела специально для такого случая купленное рваньё. Дырявые штаны и на пару размеров больше нужного, перетянутая в поясе рубаха, которой постыдился бы даже нищий. Косу она перевязала шнурком. Была босиком. На миг ей хотелось рассмеяться ему в лицо. Как можно быть настолько... поверхностным?

– У семьи кан-Левав – дарованное дворянство?

Он удивился, что задала настолько очевидный вопрос.

– Со времен Старого Меекхана.

Что наверняка должно было значить «испокон веков».

– Три, – повторила она. – На Лею. Разве что ты боишься.

Он заколебался, а потом подозвал еще одного солдата и в его присутствии подтвердил ставку. Уже не улыбался.

Приготовления к гонкам завершились, и четверка всадников остановилась на линии старта. Условия были ясны. Неважно, кто именно из кавалеристов первым дважды обогнет холм, – если хотя бы один из них придет раньше девушки, вторая хоругвь не будет считать этот день совершенно проигранным. Если же она от них ускользнет, командир полка станет беднее на несколько десятков оргов.

Очевидно, это навязывало солдатам простую, но действенную тактику – что стало ясно по тому, как они выстроились на старте. Сивый жеребчик занял место внутри, поближе к холму, а оба гнедых – между ним и Леей, оставляя ей позицию на самом краю. Кайлеан внимательней присмотрелась к коням солдат. Сивый жеребчик обладал статями бегуна: длинные стройные ноги, гибкая шея, широкая грудь. Нетерпеливо бил копытом, тряс красиво лепленной головой, рвался вперед. Любил бегать наперегонки. Наверняка на гонке в половину мили ни один полковой конь не мог его победить. Гнедки, чуть более массивные, наверняка не могли сравниться с ним в скорости, но вряд ли были намного медленнее. Зато выглядели поспокойней. Типичные боевые кони, обученные атаке галопом, внезапным поворотам и преследованию в строю. Они

будут блокировать конька Леи, а сивый жеребчик рванется вперед. Холм был радиусом ярдов в сто пятьдесят, два круга давали дистанцию около полумили. Идеал для конского спринта, а если сивый на старте вырвется вперед на два-три корпуса, то выиграет безо всяких проблем.

Именно так должен был рассуждать маг, потому что, когда кони выстроились, он пробормотал:

– Десять ударов сердца – и гонка закончится... А завтра вечером у меня будет увольнительная, – добавил он.

В смысле: завтра вечером смогу выпить выигранное у тебя вино.

В последний момент она прикусила язык. Маг был предсказуемым задавакой, не слишком при этом внимательным. Она сдержалась, не ответив.

Кони пробегут полмили очень быстро.

Командир полка поднял руку, зеленый шарф затрепетал на ветру. Генерал махнул.

Сивый рванул, будто кто прижег его раскаленным тавром. Почти сразу, через несколько шагов, он перешел в карьер – длинные ноги несли его вперед, придав изрядную скорость. Казалось, он плывет, летит под влиянием некоей таинственной силы. Через несколько мгновений он был уже на два-три корпуса впереди остальной тройки.

А та разгонялась куда медленнее. Как все и предвидели, оба гнедых жеребца сразу после старта заняли позицию перед коньком Леи, умело отрезая его от сивого. Шли галопом, бок о бок, каким-то шестым, лошадиным чутьем ощущая, где их противник, и не позволяя ему пойти на обгон. После нескольких попыток, когда сивый обошел остальных уже на пять корпусов, казалось, что Лея уступила, сдалась, ее мышастый конек печально галопировал в конце, а когда они пробежал мимо Кайлеан, девушка отчетливо заметила, что животное тяжело дышит и сопит. Бочкообразное туловище и короткие ноги делали его подобным тем заезженным почти до смерти пони, которых меекханское дворянство любит дарить своим детям. Набитые суммы постукивали по бокам животинки.

Через мгновение все всадники исчезли за подъемом холма.

– Она наверняка с самого начала знала, что проиграет, потому-то даже не облегчила коня. – Вахен-кан-Левав драматически вздохнул. – Заметь я те переметные суммы раньше – не стал бы и спорить.

Раздражение, что кипело в ней вот уже несколько секунд, наконец-то вырвалось наружу:

– Именно потому ты и тарасился на ее коня с полминуты? Прежде чем вспомнить что-то там о козе и гончих? И прежде чем обронить мимоходом, что в полку офицеры спорят только на вино, о котором какая-то убогая дикарка даже не слыхивала? Может, ты рассчитывал, что этой дикарке придется сделать что-то еще, дабы уплатить долг?

– Я не...

– Смотри и думай, – оборвала она его. – Ты ведь в степях. Не в столице, где гвардия служит эскортом для императорской семьи.

– Не только, – возразил он.

– Конечно, не только, – процедила она. – Наверняка еще участвует в скачках, соревнованиях между разными полками, где офицеры спорят на вино.

Это заткнуло ему рот.

Она брякнула тетивой лука, чтобы наконец-то раскрыть ему глаза, а когда он всего лишь нахмурился – сунула оружие ему под нос. Некоторое время он переводил взгляд с нее на оружие, пока наконец она нетерпеливо не постучала пальцем по цеховому знаку. Он распахнул глаза, искренне удивленный.

Крылья оружия были склеены Гревисом Фендорином. И не просто его цехом – им лично. Он сам подбирал дерево, рог, жилы и клей. Сам трудился над формой и силой натяжения. Прежде чем начать работать над ее оружием, он наблюдал, как она натягивает лук, как стреляет, каков размах ее рук и как она сидит в седле. Его работа стоила сто оргов, а гравировка

на рукояти, покрытой слоями лака, свидетельствовала об умениях мастера и, прежде всего, о стоимости оружия. Рукоять была выполнена в цеху Каберда, его вырезали под руку стрелка, приняв во внимание все, включая длину пальцев и ее любимую хватку. Стоила рукоять десять оргов. Тетиву изготовили в Маконенне, а в империи не было лучших ремесленников, делающих тетивы. Два орга штука, а она при этом не надевала еще лучшую, поскольку ту ей было жаль. Но Кайлеан могла бы поставить любое количество вина на то, что во всем Седьмом полку не нашлось бы и одного лука с тетивой из Маконенна. Они просто-напросто стоили слишком дорого для армии.

– Видишь ли, чародей, здесь, на границе, мы живем несколько иначе, нежели вы себе представляете. Да, случается, что мы ходим голодными и страдающими от жажды, но на двух вещах мы не экономим никогда. Первая из них – оружие, потому что хорошие лук, сабля или кольчуга – это твоя жизнь или смерть. Потому если я могу позволить себе такое оружие, то бутылка какого-то там вина не произведет на меня впечатления. Мой лук у тебя перед глазами, но ты продолжаешь видеть все ту же девушку в лохмотьях, которую можно воспринимать с доброжелательностью, но от такой доброжелательности к горлу подступает ком желчи. Типа: можно и поспорить, но тебя одолевают сомнения, ведь ставка высока, да и вообще, можно ли офицеру спорить неизвестно с кем. Когда ты намеревался сказать, что если я не могу выплатить свой долг, то мы можем поговорить об этом у тебя в комнате? И лучше всего – вечером?

Он мгновенно покраснел.

– Нет, – рывкнула она. – Не болтай, смотри на гонку. И учись.

Кони вылетели из-за поворота в той же очередности, в какой пропали с глаз, но на этот раз все шли галопом, словно солдаты не хотели мучить их без нужды. Впереди гнал сивый, опережая прочих уже на шесть корпусов, потом два гнедых – а мышастый конек Леи упорно удерживался в конце шеренги. Удивительным было разве что расстояние между ним и солдатскими конями, которое не увеличилось ни на шаг. Но всадники на гнедых скакали уже спокойней, даже не пытаясь закрыть девушке дорогу. Сивый как раз миновал два копыта на линии старта, одолев половину дистанции, и ничто не свидетельствовало, будто нечто сможет лишить его победы.

Кайлеан не смотрела на мага, все внимание посвятив гонке.

– Вторая вещь, на которой мы не экономим, чародей, это кони, – сказала она тихо.

Оба гнедых жеребца проскочили между копытами, а за ними, топча сохлые стебли и дыша облаком поднятой с земли пыли, мчался скакун Леи. В миг, когда он сравнялся с метками, девушка сверкнула клинком по обе стороны седла, и две тяжеленные сумы грянулись о землю. Она же склонилась вперед и погладила скакуна по шее.

И тогда мышастый конек превратился в выброшенный из катапульты снаряд. Казалось, некая сила подхватила его под уздцы и потянула вперед. Короткие ножки превратились в размазанное пятно, тело словно удлинилось, но это была только иллюзия, поскольку конь всего лишь распластался над землею, вытягивая как можно дальше шею. Блеснул желтыми зубами и вызывающе заржал.

Оба кавалериста на гнедых обернулись, но было уже поздно. Лея въехала между ними и, прежде чем они успели закрыть удивленно распахнутые рты, ринулась вперед.

Из нескольких десятков глоток вырвался предупреждающий крик. Ездок на сивом жеребце был хорош, он не стал тратить время, чтобы оглядываться и проверять, что случилось, – только пригнулся в седле и ударил в конские бока острогами. Жеребец рванулся, из быстрого галопы перешел сразу в карьер.

Кайлеан с пониманием кивнула:

– Хороший конь.

Вот только хорошего коня было маловато для серого демона, в которого превратился конек Леи. На глазах у собравшихся на холме солдат расстояние между животными начало

сокращаться так быстро, словно сивый жеребчик бежал по смоле. Шесть корпусов, пять, четыре... Когда лидирующий всадник оглянулся через плечо, Лея была уже в трех корпусах за ним и сокращала расстояние. Кавалерист заорал что-то и ударил острогами так сильно, что конские бока покраснели от крови. Кайлеан скривилась.

– Дурак, – прокомментировала она. – Конь не станет бежать быстрее, но начнет нервничать и может свернуть шею. Себе и всаднику.

Животные исчезли за холмом. Сопровождали их крики солдат и всадников из чаардана Ласкольника, однако первые теперь кричали с куда меньшим чувством. Кайлеан взглянула на молчащего чародея и впервые широко улыбнулась:

– Чародей, офицер, дворянин и кавалерист. Так тебя можно называть, верно?

Он кивнул, послав ей хмурый взгляд.

– Но не наездник, я права?

– Что ты этим хочешь сказать?

– Я? Ничего. Совершенно ничего. Только вот настоящий наездник, глядя на конька Леи, едва ли не сразу же задумался бы, отчего девушка из свободного чаардана, причем чаардана Генно Ласкольника, ездит на том, что напоминает гибрид пони и мула. Что такое в этом животном, что она доверила ему свою жизнь?

Крики солдат снова взметнулись и смолкли.

– Она его обогнала, – прокомментировала Кайлеан, не спуская взгляда с мага. – Когда ты в чаардане, ты зарабатываешь на хлеб, сопровождая караваны, оберегая стада и табуны, схватываясь с кочевниками, а порой переходя реку, чтобы отбить пленников или взять добычу. Хороший конь и хорошее оружие – это твоя жизнь. Понимаешь, маг?

Он кивнул:

– Понимаю.

– Конь Леи зовется *кан'нор*. – Она снова повернулась в сторону круга. – И это вовсе не кличка, но название определенного типа животного, что бежит быстрее прочих зверей. На языке арениров *кан'нор* означает духа-молнию. Такой конь не принадлежит ни к одной породе, он может оказаться как тяжелым полугарисом, так и длинноногим канейем, и его невозможно распознать на первый взгляд. Уверенно можно сказать одно. Если он за кем-то гонится – будет лететь, словно ветер, понесется быстрее своего противника и никогда не проиграет. Никогда. Разве что пара таких коней встретятся во время гонки.

– И что тогда?

– Тогда они несутся карьером, пока у одного из них не разорвется сердце. Но даже тогда он умирает счастливым – как говорят.

– Ты много болтаешь, лучница.

– Я не первый раз слышу это, чародей.

Кони вырвались из-за поворота. Впереди мчалась серая молния, поднимая изрядное облако пыли и с каждым ударом копыт отрываясь от остальных. Если в этой гонке некто и был гончей, то отнюдь не солдатские лошади. Конек Леи промчался мимо линии, и на миг казалось, что полетит дальше в степь. Девушке с немалым трудом удалось перевести его в галоп, потом в рысь и повернуть. Конек шел боком, явно не хотел слушаться узды и успокоился, лишь когда кавалеристы остановились, пройдя линию. Он знал, что выиграл.

Все солдаты таращились на животное, которое еще несколько минут назад тянулось, опустив голову и дыша настолько тяжело, будто вот-вот готовилось пасть. Теперь мышастый жеребчик задрал хвост вверх, гордо вскинул голову и шагал так, словно дефилировал перед императорской трибуной.

– Мошенник!

Кайлеан даже подскочила, услышав этот голос. Аберлен-гон-Саве шел в сторону ее кхадара и размахивал руками. Красные пятна на щеках наверняка выступили не только из-за вина.

– Ты специально подсунул мне под нос эту клячу, чтобы я ее выбрал! Ты приказал девушке притворяться, что ее конь едва-едва стоит! Ты мошенник, Ласкольник!

Командир повернулся в сторону генерала и сложил руки на груди. Она знала этот жест, а еще лучше знала выражение, которое появилось на лице Ласкольника. Кха-дар был уже не раздражен, а зол.

– Я говорил тебе, Аберлен, что это плохой выбор. Ты не слушал.

Командир Седьмого прищурился.

– Генерал гон-Саве, прошу, – процедил он.

– Генерал, – согласился Ласкольник, стиснув рот в узкую щель. – Мое вино. Прошу.

А она-то была готова поспорить, что пятна на щеках не могут покраснеть сильнее.

– Ты, кажется, позабыл, что ты уже не в армии. – Аберлен-гон-Саве не столько проговорил это, сколько прохрипел. – Через три дня ты можешь получить свое вино в Лифреве. А сейчас забирай эту банду и возвращайся в свою дыру, Ласкольник.

После этих слов установилась тишина. Солдаты глядели на своего командира молча, некоторые – с искренним удивлением, а некоторые и хмуро. Ведь стоял перед ними Генно Ласкольник. Кайлеан засомневалась: если бы сейчас ее кха-дар захотел отвесить пощечину командиру полка, хоть один кавалерист попытался бы его сдержать?

Но Ласкольник только отвернулся, будто офицер перестал для него существовать, и свистнул на пальцах. Седой жеребец послушно подбежал к нему, кха-дар вскочил в седло и осмотрелся, старательно избегая встречаться взглядами с солдатами.

– Собираемся, – сказал он тихо и сразу двинулся вниз по склону холма. Кавалеристы опускали головы, когда он проезжал мимо.

Кайлеан взглянула на чародея, внезапно разъярившись, словно это он был виновен в поведении своего командира.

– Через три дня в Лифреве я стану ждать двенадцать бутылок вина, маг. И лучше, чтобы они там оказались, господин офицер.

Она двинулась к Кошкoduру, который уже держал ее коня. Торин приветственно фыркнул и попытался боднуть ее лбом. Она уклонилась и, как была, в нищенских лохмотьях, вскочила в седло.

Ты уже не офицер, осмелился сказать этот... этот проклятуший карлик, обращаясь к человеку, который обедал с самим императором, а во время битвы за Меекхан вел в бой тридцать тысяч имперской конницы! И он – отправил Генно Ласкольника прочь, как отправляют прочь мальчика на побегушках.

Кайлеан стиснула вожжи в кулаках.

Охотней всего она вогнала бы в кого-нибудь стрелу. Прямо в багровую от ярости морду.

* * *

Отдых ждал их в Малом Биндере, заставе, расположенной на половине дороги между Лифревом и Маконенном. До одного и другого города было ровнехонько сорок миль, с точностью до нескольких ярдов. Так во времена, когда империя добралась до этой земли, меекханские военные укрепляли границу. Они брали карту, отмеряли на ней расстояние и, поставив точку, говорили: «Здесь будет застава, форт, крепость». А потом строили. Часто никто не задумывался, стоит ли ставить укрепление в том или ином месте, как не задумывался и о том, что расстояние на карте – не то же самое, что путь, который надо преодолеть в реальности. Впрочем, в том, чтобы поступать так, был смысл – после строительства крепости ее соединяли с сетью каменных дорог, мощенных согласно наилучшим традициям имперской инженерии и прямых, словно стрела.

Но в любом случае сейчас у них была проблема. Если до Маконенна сорок миль вели ровнехонькой степью, то между Малым Биндером и Лифревом тянулась территория, перепаянная оврагами и разной высоты холмами. Сорок миль по карте на самом деле превращались в добрых шестьдесят. К тому же в последнюю войну дорога к Лифреву в нескольких местах была серьезно повреждена, но никто не желал восстанавливать ее во времена, когда Меекхан привлекал для охраны своих северо-восточных границ отряды конницы: та ведь в схватках с кочевниками не использовала дорог. А чаардану пришлось уходить как можно быстрее, что означало – они никак не избежат ночлега под открытым небом.

А влезли они во все это, поскольку кха-дар не смог отказать в просьбе нескольким знакомым.

Уже пару месяцев Меекхан собирал на северо-восточной границе значительные силы. Однако были это не просто маневры войск, из-за которых солдатам не удастся скучать в казармах, но нечто большее. И это нечто большее приводило к тому, что торговые пути почти обезлюдели, цены на муку и вино пошли вверх, а люди потянулись в большие города. В воздухе запахло войной.

Когда начали укреплять приграничные гарнизоны, а в полузаброшенные заставы снова направили войска, Кайлеан решила, что это результат их ночной схватки с а'кеером Молний. В конце концов, не слишком-то часто случается, чтобы личная гвардия Отца Войны напала на меекханский город, и при этом открыто, неся собственные знаки, а значит, империя решила-таки ответить военной демонстрацией, ибо даже тот факт, что в дело были замешаны Помётники, не оправдывал такого нападения.

Но через десяток-другой дней, когда войск становилось все больше и больше, ей пришлось признать, что домыслы ее смешны. Даже если бы Лифрев был стерт с лица земли, империя не передвинула бы на границу целую конную армию, рискуя войной со все еще сильным соседом. Кроме того, уровень маневров свидетельствовал о том, что готовили их много месяцев, что начали о них думать куда раньше, чем кто-либо из Помётников появился в городе. На первой линии, вдоль протянувшейся на триста миль границы с Великими степями, теперь стояло без малого двадцать тысяч конных, причем более половины – регулярная кавалерия. Остальные представляли собой свободные чаарданы, как тот, где была Кайлеан, которые армейские командиры, согласно имперским законам, имели право нанять за плату. В укрепленных городах – Маконенн, Кавэ или Навенф – встала пехота, а крепости, такие как Гундарх, впервые за десять лет получили полный гарнизон и полные амбары. Даже слепец заметил бы, что империя готовится к войне.

Или, по крайней мере, щерит клыки, чтобы ее отвратить.

Конечно, все, у кого было хоть какое-то представление о войне, понимали, что двадцати тысяч кавалерии, разбросанных по нескольким укрепленным лагерям, будет недостаточно, чтобы сдерживать большие отряды, подобные ударившим по империи четверть века назад. Их задачей было прежде всего разведать силу и направление возможных атак, замедлять наступление, рвать противника налетами и ввергать его в замешательство. А потом отступать к ближайшей твердыне или городу – или на запад, к главным силам, которые, по слухам, состояли из сорока тысяч конницы и тридцати – пехоты, не считая иррегулярных отрядов. Задача почти самоубийственная, но некоторые командиры полков на голову становились, чтобы ее поставили перед ними. Готовы были идти тропой военной славы, словно борзые по следу раненого вепря. И могли кончить, как порой кончали те, смешав собственную кровь с кровью преследуемого зверя.

Именно таким образом Седьмой полк конной гвардии Зеленые Глотки попал к самой границе. Его командир почти сразу же заключил трехмесячный контракт с кха-дарами десятка свободных чаарданов, увеличив свои силы на добрых семьсот всадников – прежде всего легкой

кавалерии и лучников. Он укрепил Малый Биндер, превратив заставу в настоящий военный лагерь, и пригласил Генно Ласкольника к себе.

Пригласил!

Кайлеан даже зубами заскрежетала при этом воспоминании. Он и вправду их пригласил и очень настаивал, чтобы ее кха-дар согласился. Не предложил им контракта якобы потому, что позором было бы предлагать прославленному генералу деньги, будто первому попавшемуся наемнику, но приветствовал его со всеми почестями, словно князя. Весь полк в полной экипировке встал на смотр. Она прекрасно помнила, как три дня назад они въезжали на площадь перед заставой, на которой тысяча двести конных замерли в ровнехоньких рядах. Шесть полупанцирных хоругвей ожидали в молчании, в строю, как на смотре. Командир их, как видно, решил пустить пыль в глаза, поскольку все элементы вооружения блестели так, словно их едва-едва получили со складов. А может, именно так оно и было, Седьмой полк, гвардейский, обычно стоял в самой столице, а там никогда не имелось проблем с обеспечением.

Следуя за Ласкольником, она оценивала солдат. Часть их уже послужила на пограничье, в северных либо южных степях, поскольку в гвардию брали не только сынков благородных семейств, полк знал себе цену. Но все же Зеленые Глотки со времен войны с се-кохландийцами не принимали участия в настоящей битве как единый отряд. Полку требовались не притворные, учебные схватки, но битвы не на жизнь, а на смерть с настоящим врагом. Солдатским умениям, столь ярким во время парадов, должно находить подтверждение в кровавых стычках, как это называли в имперской кавалерии. Только тогда Седьмой превратится в военную машину, которая сумеет противостоять се-кохландийским а'кеерам. Может, именно потому Аберлен-гон-Саве настаивал, чтобы именно его отряд оказался у самой границы. Был он из тех, кто считает, что меч не просто должен оставаться острым и хорошо лежать в ладони, но и обязан время от времени пить кровь.

Она вздохнула с раздражением, вспоминая, как их приняли. С самого начала стало понятно, что командир Седьмого и Ласкольник хорошо знакомы. Может, даже слишком хорошо. Аберлен служил под Ласкольником несколько лет, прежде чем поднялся до звания генерала и теоретически сравнился с бывшим командиром. Теоретически – хорошее слово. Ее кха-дар отошел от имперской армии почти пять лет назад, нырнул в пограничье, командуя собственным чаарданом, но всё равно все, от мальчишек-конюхов до командиров приграничных отрядов, обращались к нему «господин генерал». Это никого не удивляло: военное звание принадлежало ему до самой смерти – но слова «господин генерал» обладали куда более глубоким смыслом. Капитаны и полковники с тридцатью годами службы за спиной отдавали честь Ласкольнику быстро, пружинисто и, что главное, совершенно произвольно, словно тот факт, что он не носил мундира, не имел никакого значения. Не было в этом ничего от простой вежливости – лишь врезанный в солдатские кости приказ, гласящий, что именно так и должно поступать. Потому что стоять перед Ласкольником, *тем самым* Ласкольником, и не отдать ему честь – оказалось бы позором для всей армии.

Она видела это во время торжественной встречи. Кха-дар без предупреждения направил коня меж солдат. Там, где он ехал, шеренги, вытянувшиеся в струнку, выпрямлялись еще сильнее, доспехи сверкали ярче, а лошади горделивей выгибали шеи. Там, где он хвалил коня и всадника, пусть даже кивком, на лицах кавалеристов расцветала радостная улыбка. Там, где он хмурился, – появлялась трупная бледность. А ведь он не имел над солдатами никакой власти, кроме обычной гримасы, не мог ни раздавать награды, ни назначать наказания. Но, несмотря на это, на несколько минут он принял командование над полком столь полно и естественно, как если бы руководил им всегда. Вошел в роль так легко, что никто бы не поверил, что вот уже несколько лет предводительствует он лишь степными наемниками. И это ее поразило. Как будто она смотрела на чужого человека, а не на своего кха-дара, который всякий день называл ее «доченькой».

Дагена тогда толкнула ее в бок и указала на Аберлена-гон-Саве. Генерал глядел на ту инспекцию с лицом, искривленным странной гримасой. Вот некто, кого он не видывал столько лет, в пару минут отобрал у него власть. Не только Кайлеан чуяла беспокойство и замешательство. И уже тогда она знала, что принять приглашение было дурной мыслью.

Но только теперь она поняла, что генерал три последних дня не отшлифовывал умения своих людей, а всего лишь под предлогом совместных учений бросал вызов бывшему командиру. И тут дело заключалось не в вине. Молодому волку не нравилось, что старый вожак теперь – на его территории, а потому он пытался показать, кто здесь главный.

На самом деле мужчины не меняются никогда, подумалось ей кисло. И нет большой разницы между племенными воителями, что выходят на поединки в ритуальных кругах, чтобы решить, кто лучше в схватке, и генералами имперской армии. Ну, может, разве что первые используют ножи и деревянные палицы, в то время как эти вторые – целые отряды воинов.

А ее чаардан оказался настолько хорош, чтобы трижды подряд победить императорскую гвардию. В первый раз они должны были попытаться проникнуть за линию охраны, что состояла из целой хоругви. Заняло это у них большую часть ночи. На следующий день им велели угнать табун лошадей. Кошкодур, Ландех, Верия и Дагена полжизни провели в таких развлечениях. А сегодня они должны были устроить засаду на хоругвь и навредить ей настолько сильно, насколько смогут. И удалось это им даже слишком хорошо, а бега, которые могли помочь Аберлену сохранить лицо, всего лишь переполнили чашу горечи.

Молодой волк с пеной у пасти гнал старого со своей территории. Невзирая на законы гостеприимства и на факт, что сам же его и пригласил.

Заставу они покидали перед закатом. Горизонт сглотнул окровавленный кружок солнца, глубокий пурпур окрасил вечернее небо. Вечер был так красив – и с трудом верилось, что в нескольких милях отсюда лежит граница, из-за которой в любой момент может ударить дикая армия. Но никто об этом не забывал, а поскольку они выезжали в степь под вечер, чаардан шел в боевом порядке, с двумя всадниками, двигающимися в ста ярдах от остальных, с оружием под рукою и глазами на затылке. Двадцать четыре всадника – это одновременно и мало, и много. Много, если наткнуться на обычный в этих местах разъезд – в несколько человек, а то и в десяток-другой, поскольку именно такие отряды чаще всего переходили реку. Мало, если столкнуться с полным а'кеером. Хотя вероятность этого последнего была слаба. В окрестности, где стоит целый полк, се-кохландийцы выслали бы лишь нескольких шпионов – или целое боевое крыло, насчитывающее обычно около тридцати а'кееров. Вот только это было бы равнозначно объявлению войны, и тогда у их чаардана оказались бы проблемы посложнее, чем просто безопасное возвращение домой.

Солдаты, стоявшие в воротах, ни словом не обмолвились насчет того, что чаардан Ласкольника выезжает из лагеря. Новость уже разлетелась, и часовые ограничились тем лишь, что четко отдали им честь. Никто на это не откликнулся.

Кайлеан ехала в середине колонны, с саблей под рукою, и, используя последние лучи солнца, осматривала окрестности. Термин «Великие степи» был обманчив, поскольку предполагал окрестности обширные и ровные, будто стол, заросшие травами, где только время от времени встает над землею некий позабытый курган. На самом деле часть степи представляла собой взгорья, изрезанные иной раз глубокими оврагами и распадками. Там легко было спрятаться, легко организовать засаду, а потому в подобных местах частенько встречались вооруженные банды.

Дорога, которой они двинулись на север, в сторону Лифрева, сперва вела прямо и лишь через несколько миль проходила по местности, что называлась здешним людом Ланвареном. Ланварен был около тридцати миль в длину, более двадцати пяти – в ширину и много лет подряд представлял собой естественный оплот разнообразных изгнанников. Меекханский тракт пронзал его в имперском стиле, прорезывая насквозь холмы и перескакивая мостами через

распадки. Однако во время войны все мосты были разрушены, а позже большую часть камней из дороги выворотили, чтобы строить из них городки и селения. Куда важнее дорог оказались охранные стены, и в связи с этим почти весь путь чаардану пришлось бы одолеть, путешествуя сквозь неосвоенные территории. Они этому нисколько не удивились, но Кайлеан все равно сердилась из-за этого.

Нет, призналась она себе через миг.

Не из-за этого.

Бердеф исчез. Не появлялся он уже три дня – с той минуты, как они приблизились к заставе, она же не понимала, в чем дело, и начинала раздражаться. Но и это было не всей правдой. Она выругалась себе под нос, заработав косой взгляд от Дагены. Она вовсе не была раздражена – она чувствовала приближение настоящей паники. Случалось, что Бердеф не показывался и по десятку дней, но всегда она инстинктивно ощущала его присутствие. Ведь ей не следовало всякий раз оглядываться на свои ягодицы, чтобы знать – ее задница все еще на месте. А нынче у нее было такое чувство, словно ей что-то ампутировали. Место пса заняла пустота, словно... словно он ушел навсегда. Именно поэтому была она столь раздражена, поэтому тот надутый чародей действовал ей на нервы, хотя, если хорошенько подумать, он всего лишь пытался на свой неуклюжий манер оставаться вежливым, – и именно поэтому она была столь зла на командующего Седьмым. Выиграла она дюжину бутылок вина, но отдала бы в десять раз больше, чтобы снова почуять привычное невидимое присутствие.

– Что происходит?

Дагена подъехала ближе, вперив в нее свои черные, чуть раскосые глаза.

– Ничего.

– Правда? Я ведь вижу. Дурные предчувствия?

Некоторое время они ехали молча, а Даг не настаивала на ответе. Это свойство пути в спокойной степи – обычный разговор может растянуться здесь на долгие часы и мили. Нет смысла спешить.

Наконец Кайлеан медленно кивнула. Дело было не только в Бердефе. Конечно, ее грызли дурные предчувствия, но она никак не могла их описать.

– А ты? Что говорят твои чудесные племенные украшения? – спросила она.

Дагена в молчании потеряла кусочек кости, подвешенный у нее на шее.

– Ты когда-нибудь видела Большую Тишь?

Похоже, начался разговор, состоящий из обмена вопросами.

– Нет, – ответила она. – Но дядюшка мне о нем рассказывал.

Большая Тишь, безветренная завеса, штить перед бурей. Называли это по-разному. Когда в степях начинался сезон ураганов и вихрей, раз в несколько лет появлялся смерч, который называли разрушителем городов. Было это сущее чудовище, иной раз достигающее двадцати ярдов в поперечнике и ввинчивающееся в небо с такой яростью, что казалось, будто растрескивается сам небесный свод. И якобы появлению его всегда предшествовал момент, когда устанавливалась абсолютная тишина. Животные и насекомые сбегали либо прятались в глубочайшие норы, воздух застыл, мир замирал в неподвижности. Большая Тишь.

– Вот уже некоторое время я чувствую нечто подобное, Кайлеан. Будто бы в любой момент небо может обрушиться нам на голову.

В глазах кочевницы она не увидела и следа насмешки. Дагена беспокоилась – и беспокоилась сильно. Кайлеан моргнула и впервые за три дня внимательней присмотрелась к товарищам. Кошкодур ехал, чуть сгорбившись, а напряжен был так сильно, что бицепсы едва не рвали звенья кольчуги. Лея, маленькая и живая Лея, выигравшая гонку и обычно всю дорогу неумолчно болтавшая, ничего не сказала с момента, как они покинули заставу, а в седле сидела так, словно желала послать своего быстрого конька в карьер. Файлен, один из лучших рубак чаардана, вдел руку в щит, а меч опер о луку седла. Ландех побрякивал тетивой, двумя

пальцами придерживая наложенную на нее стрелу. Топор Нияра покачивался, подвешенный в петле к его запястью. Проклятие, да у нее самой ладонь лежала на рукояти сабли, а ведь они были в империи и спокойно возвращались домой.

Она глянула на Дагену. Ее подруга вместо обычной куртки надела *элевар*, привычный для ее племени кожаный доспех, изготовленный из сплетенных ремней твердой кожи, укрепленных бляхами из бронзы. Она видела Дагену одетой так лишь трижды. Проклятие, да и сама она набросила на кафтан кольчугу с короткими рукавами. Сделала это совершенно неосознанно, точно так же, как некоторое время уже поигрывала рукоятью сабли.

– Ну наконец-то. – Даг озорно улыбнулась. – А я уже подумывала, что ты проспишь всю забаву.

– Какую забаву?

Черные глаза раскрылись шире.

– Кайлеан, – сказала она тихо. – Прежде чем мы выехали на заставу, кха-дар собрал чаардан и сказал, что мы пробудем здесь не больше трех дней, и велел не устраивать попоек и ничему не удивляться. И что всякий, кто захочет, может остаться на заставе, когда мы будем ее покидать, потому что обратная дорога может оказаться опасной. Ты помнишь?

Наверняка это было тогда, подумалось Кайлеан, когда они встали за полмили от лагеря. А минутой ранее она почувствовала, что Бердеф, сопровождавший ей вот уже годы, исчез. Все стояли в кругу, Ласкольник что-то говорил, а она отчаянно шарила сознанием вокруг.

– Помню, – спокойно согласилась она. – Просто я немного переживаю. Как думаешь, о чем речь?

– А я знаю? – Дагена пожала плечами. – Но мы за перепутьем становимся на ночлег, и наверняка кха-дар тогда немного нас просветит. А пока – гляди в оба.

* * *

Для ночлега они выбрали небольшую котловинку. Та скорее напоминала дыру в земле, нежели дающий укрытие яр, но хватило и этого. Она заслоняла их от ветра, а если разжечь костер, это почти невидимое и бездымное степное пламя, ни одна предательская искра не выдаст их местонахождение непрошеным гостям.

Ласкольник въехал туда первым, остановился посредине и развернулся к отряду. Всмотривался некоторое время в каждого.

– Отсюда до заставы – четыре мили. Если кто-то о чем-то позабыл, может вернуться.

Никто не двигался.

– Ладно. – Кха-дар кивнул. – На рассвете я спрошу снова. А теперь – к делу. Мы ночуем здесь, выдвигаемся на заре. Дозоры по шестеро, Кошкодур и Рюта определяют очередность. Оружие – под рукою, я не думаю, что уже нынче будут проблемы, но стоит с этим считаться.

Дагена подняла руку:

– Какие проблемы, кха-дар?

– В свой черед доберемся и до этого, дочка. Коней расседлать, накормить и напоить. Только два костра. Только на час. Потом – сборы.

Покидая седло, Кайлеан пошарила сознанием вокруг. Ничего, пустота. Она потеряла Бердефа.

Следующий ее час заполнили привычные лагерные хлопоты. Она сняла седло, почистила коня, надела ему на морду мешок с овсом. Потом помогла Лее вырыть яму, в которой они разожгли небольшой костерок. Сухой конский навоз горел медленно, почти без дыма. Поставили над ним наполненный водою котелок, после чего бросили внутрь несколько горстей сушеного мяса и трав. Ночь не обещала быть холодной, но разогреться перед ночевкой на голой земле стоило.

Потом Ласкольник обронил несколько слов, и весь чаардан снова собрался вокруг него. Кайлеан, грея ладони о кружку с супом, всматривалась в командира.

– Ну, к делу, дети. – Мужчина блеснул зубами. – Пора объясниться. Пока мы стоим здесь, Йавенир, Дитя Коней, Отец Войны се-кохландийцев, этот старый сукин сын, который попортил нам столько крови, умирает.

Она почти уронила кружку. Йавенир умирает. Это... почти невозможно. Отец Войны был всегда, сколько она себя помнила. Жил он где-то там, на востоке, в шатре из златотканого шелка, откуда высылал конные отряды, чтобы те грабили и убивали. В детстве она представляла его гигантским, толстым, словно вепрь, сидящим на куче подушек чудовищем, которое на завтрак пожирает жаркое из меекханских детей. Позже в этом образе мало что изменилось. Йавенир был... постоянен, неизменен, словно восходы и закаты солнца. Известие, что он – обычный смертный, который может умереть, как любой другой, было почти невероятным.

– Сукиному сыну, наверное, лет девяносто.

– Точнее, Файлен, почти так, но мы не знаем, сколько именно, поскольку он и сам наверняка не помнит, когда родился. – Кха-дар иронично усмехнулся. – Заболел он уже с год назад, и сильнейшие жереберы не могут ему помочь. Но в его возрасте в этом нет ничего удивительного. Что важнее – это верные сведения. Несколько людей умерли, чтобы нам их доставить, поскольку в последний год весть о болезни Отца Войны была самой страшной тайной Золотого Шатра.

Ласкольник развернулся к ним боком и принялся прохаживаться. Три шага влево, поворот, три шага вправо, поворот. При длительных речах он всегда шагал, а значит, надо ждать серьезных разъяснений.

– Но три или четыре месяца назад слух пошел в мир, а вместе со слухом – начались и проблемы... – Он заколебался, словно не знал, с чего начать. Наконец остановился, выставив перед собою раскрытую ладонь. – Вы знаете, что есть пять Сынов Войны. Аманев Красный, Кайлео Гину Лавьё, Ких Дару Кредо, Завир Геру Лом из Клаххиров и Совиненн Дирних. – После каждого имени он загибал палец. – Вместе эта пятерка составляет военный кулак Йавенира. Но с двумя Сынами нынче проблемы. Аманев – из глиндоев, его племя присоединилось к се-кохландийцам более сорока лет назад. Совиненн – полукровка из ковенхов, командующий тем, что осталось от племен, что обитали ранее на нашей границе. Во-первых, они не се-кохландийцы, но теоретически имеют право носить титул Отца Войны. Во-вторых, оба своим положением обязаны Йавениру, и не факт, что новый Отец Войны и дальше пожелает считать их Сынами Войны. В-третьих, они от души ненавидят остальных предводителей.

Он снова прервал себя и принялся расхаживать. Кайлеан незаметно усмехнулась – что бы там ни было, но оратором Ласкольник был скверным. Если что-то он и не любил больше длинных бесед, то разве что ситуации, когда ему приходилось говорить самому.

– Вы все знаете, как это у них выглядит: Отец Войны и пятеро Сынов Войны – деление простое и ясное. Он держит все в кулаке, они правят на покоренных территориях, а во время войн командуют большими отрядами. Сын Войны – это титул чести, а когда Отец Войны умирает, то именно из них выбирают наследника. А порой выбирает тот, кто останется на ногах последним, держа в руках окровавленный нож. Понимаете?

Некоторое время стояла тишина.

– Они станут резать друг друга? – Дагена спросила легко, словно речь шла о развлечении малых детей.

Ласкольник остановился на полушаге.

– Мы так надеемся... Надеемся на битву между Сынами Войны, едва только над Золотым Шатром появится сломанная стрела. А потом, когда все стихнет, а победитель вытрет нож об одежды покойных, мы надеемся, что он попытается двинуться на запад. Потому что ничто так

не укрепляет власть среди кочевников, как хорошая, приносящая множество трофеев война. – Он замолчал, и даже темнота не помешала увидеть, как он сжал челюсти.

Все ждали. Наконец Кошкодур откашлялся:

– А что Отец Мира? И Сыны Мира? Разве им не нужно как-то высказаться об этом деле?

– Отец Мира не покидал Золотой Шатер вот уже тридцать лет. Сыны Мира – тоже. Отодвигая их от власти, Йавенир использовал тот факт, что с империей никогда не заключался формальный мир. Мы даже не знаем, живы ли они. Когда кочевники двинутся, Меекхану придется справляться самому.

– Но ведь не мы станем их задерживать, верно, кха-дар? Нас маловато.

Командир усмехнулся в усы:

– Если понадобится, то, что ж – служба. Кроме того, зачем мы стягиваем сюда гвардейские полки? Мы показываем клыки и надеемся, что этого хватит. Но здесь, на востоке, игра началась уже некоторое время назад. Сыны Войны перемещают верные себе отряды таким образом, чтобы суметь как можно быстрее добраться до глотки противника. Крылья Молний, жереберы и меньшие шаманы движутся туда-назад по всем степям. И самое забавное, что все при этом всех убеждают в своих добрых намерениях. – Он широко ощерился. – Ближе всего от границы – войска Совиненна Дирниха, он же, наислабейший из Сынов Войны, командует разрозненным сборищем полупокоренных Йавениром племен и родов. Мы полагаем, что есть у него примерно три тысячи верных ему Молний, десять – двенадцать тысяч легкой кавалерии, несколько жереберов и горсточка племенных шаманов. Он-то может быть уверен, что наследник Йавенира, кто бы им ни оказался, проволочет его труп всеми степями, поскольку остальные братья совершенно его не любят. Оттого он поспешно усиливает свое положение, рассылает во все стороны гонцов, ищет союзников. Он не может рассчитывать на титул Отца Войны, а потому охотно оторвал бы от се-кохландийских земель кусок в сто миль восточнее Амерты и провозгласил бы себя великим вождем. Но, как я уже говорил, игра идет, а он – не единственный игрок.

Он снова прервал себя, словно почувствовав, что сейчас попал в места, выбраться откуда было не так уж и просто. Засопел и махнул раздраженно руками.

– Какая игра, кха-дар? – Дагена посчитала нужным прийти ему на помощь.

– Один из братьев держит за его спиной нож. Мы не знаем, кто именно, но полагаем, что, едва начнется забава, Совиненн подохнет первым. А мы хотим этот нож выбить из держащей его руки.

Воцарился миг тишины. Похоже, Ласкольник посчитал, что он сказал все, что хотел. Все же оратором он был настолько же плохим, насколько хорошим кавалеристом.

– Прости, кха-дар. – Кошкодур снова кашлянул, переступил с ноги на ногу. – Но я не все понял. Потому... нет, по очереди: что именно мы ищем?

Командир окинул его мрачным взглядом.

– Ты хотел бы сбежать, Сарден?

– Полагаю, что нет, кха-дар. Но я не слишком сообразителен, а потому хочу удостовериться, все ли я верно понял. Готовится гражданская война между кочевниками, верно?

– Да.

– Она может грянуть в любой момент?

– Да.

– То, что произошло сегодня, как-то с этим связано?

Похоже, им попался еще один хороший оратор.

– Да.

Чаардан зашумел и умолк. То, что случилось... изгнание с заставы было... спектаклем?

– И в чем тут дело?

– Мы полагаем, что в Ланварене скрывается сильный отряд Молний, скорее всего принадлежащий Завиру Геру Лому, под прикрытием двух, а то и трех жереберов, и его задание – ударить в Совиненна в миг, когда Сыны получают возможность вонзить друг в друга нож. Совиненн передвинул свои отряды на восток собственных земель, рассчитывая, что империя защитит его спину, но Молнии Завира как-то прокрались и теперь сидят именно здесь. Когда сдвинутся с места, путь перед ними будет открыт, и они легко до него доберутся.

– Насколько силен этот отряд?

– Пять, может, шесть а'кееров.

– Откуда это известно?

Кайлеан не заметила, кто именно спросил, но все головы согласно развернулись. Ласкольник пожал плечами:

– Насчет численности мы точно не знаем. Военные чародеи что-то чувствуют, какие-то завихрения, осторожные подвижки в ближайших Источниках. Чародейский треп. Но последнее четыре месяца вблизи Ланварена исчезли четыре патруля, высланные с заставы: два гвардейских, два – иррегуляров. Последний насчитывал сорок лошадей, чаардан Калеха-кон-Бертиса, а при нем был маг. В окрестностях нет настолько сильной банды, чтобы захватить и вырезать под корень такой отряд, не говоря уже и о тех, более ранних. – Он снова принялся расхаживать. – Всего мы потеряли более сотни коней. Кто-то да сбежал бы, кто-то да спасся бы, разве что преследователей было и правда много, и помогали им чародеи. Именно потому мы предполагаем пять-шесть а'кееров, но не больше, потому что окрестности не прокормят больше коней, а нападений на купцов и окрестные села не было. И мы предполагаем, что это Молнии, поскольку для такой миссии выбирают лучших из лучших. Сами Наездники Бури значат не слишком много, но жереберы...

Ему можно было не заканчивать. Шаманы кочевников были опасны и сильны.

– Шесть а'кееров. – Кошкодур кивнул, словно что-то подсчитывая. – Семьсот – восемьсот коней. Трое жереберов. Хм, не хочу жаловаться, кха-дар, но как-то нас маловато. Они проглотят нас, словно волк – мышь. В четверть часа.

– Нет, если мы немного их погоняем. Потому те, кто решится поехать, должны разгрузить лошадей – оставить все выюки, корм, еду, запасные одеяла и одежду. Взять с собой только немного воды и несколько горстей овса.

– Ни один конь не обгонит стрелу.

Ласкольник остановился и странно усмехнулся.

– Не думаю, чтобы они стреляли, дети...

* * *

Утром после нервной, беспокойной ночи они направились напрямик в холмы. Перед самым рассветом Ласкольник собрал всех и еще раз повторил, что те, кто захочет, могут вернуться. Ответили ему несколько ироничных пофыркиваний. Чаардан – это чаардан, его не оставят, чтобы спасти собственную шкуру.

Они ехали шагом, спокойно разогревая лошадей, с оружием в руках и выдвинутыми вперед и в стороны дозорами. Отряд глотал милю за милей, и казалось, что до вечера они спокойно выедут на шлях к Лифреву.

Почти половина дороги была уже позади, когда едущий первым Йанне Неварив задержался и вскинул левую руку. Проблемы.

Они поднялись на вершину холма и уже знали, что все плохо. В каких-то трехстах ярдах впереди из тумана неглубокого яра начали выныривать сомкнутые ряды конницы. Длинные копыта, высокие шлемы, увенчанные конским волосом, миндалевидные щиты. Молнии Завира из Клаххиров. Именно так, как и предвидел Ласкольник.

– Один. Два. Три, – считал Кошкодур вполголоса. – Как минимум, три а'кеера. Четыреста лошадей. Под самым носом у Седьмого.

Он внезапно широко, со слегка дикой гримасой, улыбнулся:

– Напомните мне, зачем я это делаю.

– Наверняка потому, что ты глуп и безумен. – Кайлеан сунула саблю в ножны и потянулась к луку. Обернула вожжи вокруг луки седла. – Как мы все.

– Это хорошо. А то я уже боялся, что всё – из-за какой-то там дурацкой отваги, геройства или прочей ерунды.

Кочевники двинулись в их сторону.

Ласкольник сунул в рот свисток. Поворот. Россыпью. Галоп.

Они развернулись и помчались прочь.

Триста ярдов, которые отделяли их от се-кохландийцев, – это много, учитывая, что нападающим пришлось скакать вверх по склону, а их кони наверняка не были разогреты. Потому, пока они наконец вынырнули из-за холма, расстояние между обоими отрядами увеличилось до четверти мили. И все же Молнии не отказались от намерения. Отряд двинулся следом за чаарданом, его крылья сразу растянулись и выгнулись широким полумесяцем. Кайлеан кинула взгляд за спину. Всё обещало длинную, выматывающую погоню, в которой победителем останется тот, чьи кони сохранят больше сил.

Гвардия Завира оказалась готова к подобной погоне. На конях не было войлочного доспеха, и, если она все верно заметила, к седлам не приторочено никаких выюков или иных вещей. Они знали, что будут гнаться за легкой конницей, и приготовились к этому. А если так, то наверняка они выбрали лучших для подобных погонь лошадей.

А это означало, что они хорошо знали, кого станут преследовать. Она заскрежетала зубами. Ласкольник снова оказался прав.

* * *

– И отчего же они не угостят нас стрелами?

Странно, но Кошкодур казался искренне заинтригованным. Как будто вопрос касался кого-то другого.

– Потому что они знают, кого преследуют. И любой ценой желают схватить его живым.

– И почему же?

– Потому что я, Генно Ласкольник, генерал Первой Конной армии, победитель в битве за Меекхан, Серый Волк. – Кха-дар говорил таким тоном, словно речь шла о каком-то другом Генно Ласкольнике. – И кто бы там ни командовал Молниями Завира, он знает, что таким вот образом может снискать славу, которая переживет его в степях лет на сто, ибо победитель Серого Волка останется бессмертным. Повстречай они обычный разъезд – проигнорировали бы его, но такому искушению не сумеют противостоять. А если поймают меня живым... – Он пожал плечами. – Имя мое все еще обладает достаточной силой, чтобы даже империя с ним считалась. Поймав Ласкольника, можно выторговать немалый выкуп или даже нейтралитет всего Меекхана. А потом постараться, чтобы я умирал долго и в страданиях.

– Лишь бы только они нас не просмотрели, кха-дар.

– Нет. Не просмотрят. Я готов поставить собственного коня, что у Молний кто-то есть на заставе.

Чаардан зашумел.

– Тихо. – Ласкольник поднял руку. – Как я и говорил, в последние месяцы мы потеряли вблизи холмов четыре патруля. Но командующий Седьмым выслал их в ту сторону более тридцати. Остальные не наткнулись даже на конское дерьмо, не говоря уже об отряде Молний. Генерал гон-Саве задумался, отчего одни отряды пропали, а другие – нет, и оказалось, что уничто-

женные въезжали в Ланварен случайно. Возвращаясь с объезда или заблудившись в темноте. Солдаты еще не слишком хорошо знают окрестности, а потому такое вполне возможно. Получается, что если высылали патруль на взгорья официально, то Молнии об этом знали и укрывались, однако если какой-то из разъездов оказывался там неожиданно, то мог на них наткнуться – и тогда они его вырезали. На заставе, кроме гвардии, есть около семи сотен иррегулярных и сотни три помощников, поваров, конюхов, даже несколько десятков пастухов, поскольку армия – это и стада скота, чтобы хватало свежего мяса. И я не поручусь ни за одного из них.

Он замолчал и обвел их взглядом:

– Это представление на холме было для того, чтобы все, от командиров хоругвей до последнего слуги, знали, что Генно Ласкольник изгнан с заставы и отправился в Лифрев. Через Ланварен. Мы даже сейчас ночуем здесь, чтобы весть о нас наверняка добралась до командира Молний. Они будут знать, кого преследуют, уверяю вас.

Он ощерился в дикой гримасе:

– А потому они пустят в дело луки только при крайней необходимости.

* * *

Обе группы мчались галопом вниз со взгорья, медленно разгоняясь. Впереди находилась неглубокая долинка и очередной склон. Здесь расстояние между преследуемыми и преследователями должно было уменьшиться, поскольку вскоре именно чаардану Ласкольника придется идти галопом вверх по склону, а кочевники наверняка пустят лошадей в карьер. Это была хорошая оказия, чтобы разогреть лошадей.

Спереди раздалось несколько резких посвистов. Луки. Иглы.

Она усмехнулась сама себе. Кха-дар порой делал совершенно очевидные вещи.

Иглы и шила. Как большинство степных всадников, она имела два колчана с двумя видами стрел. В первом – легкие стрелы с широкими, длинными и острыми, словно бритва, наконечниками, во втором – массивные, тяжелее чуть ли не вдвое, с четырехгранными и короткими наконечниками. Легкие – иглы – были эффективны ярдах на трехстах. Тяжелые – шила – не более чем на ста пятидесяти. Первые прекрасно ранили лошадей и людей, вторые с пятидесяти ярдов дырявили кольчугу, а человека без доспеха прошивали навывлет. Иглы для уколов, шила для проколов, как говаривали в степях. То, что Молнии сняли с коней доспехи, могло оказаться ошибкой.

Чаардан пролетел по дну долинки и принялся восходить по довольно пологому склону. Однако ему пришлось замедлиться, чтобы кони не теряли слишком много сил. Если местность вокруг была такова, как до сей поры, их ожидало немало подобных холмов и долин.

За спиной Кайлеан слышала грохот копыт. Это гонящиеся за ними а'кееры перешли в карьер, желая максимально уменьшить расстояние и набрать разгон, преодолевая склон. Она оглянулась. Полумесяц утратил форму, левое его крыло явно отставало. Или шли по более тяжелой местности, или командир а'кеера знал нечто, о чем они не имели понятия.

Раздались два коротких свистка, завершившиеся протяжной трелью. Вправо. Карьер.

Они повернули одновременно, словно летящая стая птиц, и склонились к конским шеям. Мчались вместе, подстраивая скорость своих лошадей под скакуна Ласкольника. Ветер в лицо, гром копыт, мышцы коней ходят так, словно этот карьер должен вынести их на край света. Несмотря на опасность ситуации, несмотря на несколько сотен смертельных врагов, дышащих им в затылок, Кайлеан хотелось орать от дикой радости.

Ох, как же она это любила!

Они гнали, сломя голову, к склону, а правое крыло се-кохландийцев неумолимо приближалось. Уже почти можно было рассмотреть лица, она могла их представить: сосредоточенные, безжалостные. Двести ярдов.

Свист. Сейчас!

Она натянула лук и в полном карьере, в миг, когда все копыта Торины оторвались от земли, послала в преследователей стрелу. Как и остальной чаардан. Ласкольник никогда не настаивал, чтобы все его всадники попадали с седла на расстоянии ста шагов в цель размером с ладонь, как это было у лучших конных лучников се-кохландийских отрядов. Ему хватало и того, что они попадали в лошадь.

Эффект был таков, какого и можно ожидать от игл: несколько лошадей заржало и остановилось, несколько других – споткнулось, двое-трое не удержали равновесия и опрокинулись на полном скаку. Она сомневалась, что после такого падения кто-нибудь сумеет встать.

Они промчались мимо преследователей на расстоянии каких-то ста пятидесяти ярдов и по свистку повернули влево, под гору. В тот же миг из-за вершины холма, в месте, к которому они первоначально направлялись, выскочила, как минимум, сотня кочевников. Если бы Ласкольник не приказал свернуть, они вылетели бы как раз под их арканы.

Четыре, сейчас, как минимум, четыре а'кеера принимали участие в преследовании, и не казалось, чтобы они намеревались отступить. Чаардан выскочил на хребет возвышенности и помчался дальше. Начиналась смертельная погоня.

* * *

Ласкольник повел взглядом, на мгновение задерживаясь на каждом из них.

– Они станут преследовать нас так долго, пока не падут наши кони. Сами они здесь уже месяц-полтора, потому наверняка неплохо знают холмы. Я не собираюсь никого заставлять участвовать в этой забаве, потому как есть риск, что им – удастся. И...

– А зачем устраивать с ними бег наперегонки, кха-дар? Не лучше ли прочесать Ланварен армией?

– Чем, Дагена? Одним полком и горстью чаарданов, что у нас есть? Холмы здесь – семьдесят квадратных миль. Даже мне потребовалось бы двадцать тысяч коней, чтобы тщательно обыскать местность, да и тогда б я не был уверен, что мне все удалось. Пока степь кипит, сюда не стянут целую конную армию, чтобы выследить несколько а'кееров. Нет. Нам придется устроить охоту с приманкой. А приманкой станем мы, – скривился он. – Готовьтесь к долгой погоне, дети.

* * *

Она не думала, что это так затянется.

Гнали они холмами и долинами, перескакивали через рахитичные ручейки, чавкали копытами по грязи на их берегах, чтобы через миг продираться сквозь кустарник и высохшие травы, взбивая за собой встающее под небо облако пыли. И так раз за разом. Погоня не желала отставать.

Кайлеан потянулась к колчану за последней иглой и бросила взгляд на лошадей Дагены, Леи, а потом и остального чаардана. Были у них хорошие кони, лучшие, каких можно купить за деньги, получить в битве или украсть, те, которым они неоднократно доверяли собственную жизнь и которые жизнь эту им не единожды спасали. Но этого могло не хватить. Здесь нельзя было вот так просто пустить коня в карьер, рвануться вперед – и пусть победит сильнейший. Проклятые холмы, поросшие кустарником, скверные долины с подмокшей травой между ними – и постоянно вверх, вниз, вверх, вниз и снова вверх. Такая погоня убила бы любого слабого коня, но и некоторые из их лошадок уже начинали тяжело дышать. Зато у се-кохландийцев...

Кайлеан уже не оглядывалась, поскольку то, как мчались те животные, немало ее пугало. Кони выглядели так, словно совершенно не устали. Гнали они вперед, держа строй, и – летя ли карьером вниз в долину или галопируя по склону на очередной холм – выглядели так, словно едва-едва начали погоню. Ни один не споткнулся, не дышал тяжело, шерсть ни одного не липала от вспененного пота.

Зато им се-кохландийцы не позволяли передохнуть.

То и дело от главной группы откалывался меньший отряд и, гоня в карьер, пытался обойти чаардан. Тогда они тоже погоняли коней со скоростью, грозившей быстрой смертью и свернутой шеей, и через миг-другой преследователи отставали. А если нет, то беглецы поворачивали и засыпали их стрелами, что обычно плохо заканчивалось для нескольких Молний, и преследователи замедлялись все равно. Но, прежде чем чаардан успевал порадоваться этой временной победе, следующая группа вырывалась вперед и начинала дышать им в затылок. И снова отчаянный карьер и немая молитва, чтобы копыто не попало в кроличью нору или на острый камень. И снова минута перерыва, когда Наездники Бури отступали. И так раз за разом. Командир кочевников мог бросать в погоню новые отряды, меняя их, оберегая оставшихся лошадей, – а вот у них такой возможности не было. Дерганный ритм: карьер, бешеный галоп, карьер, минута передышки и снова карьер – это было убийственно. Вскоре придет время, когда их кони не смогут выжать из себя ни капли силы. И тогда до них доберется отправленная вперед группа всадников, а через миг-другой – остальные.

И возьмут их живьем.

Потому что, хотя они точно и зло отстреливались и – родовые духи верданно ей свидетели – стрелы их выбили уже несколько десятков лошадей, се-кохландийцы не платили им тем же. А ведь у них были луки, и они наверняка умели ими пользоваться. Но не стреляли, а когда она в прошлый раз бросила взгляд за спину, увидела, что несколько всадников держат в руках арканы или длинные, заканчивающиеся петлями пики. Как и говорил кха-дар, они хотели взять их живыми.

Осознание этого было словно ледяной червяк, ползущий вдоль хребта. Речь шла о Ласкольнике, Сером Волке, человеке, который сдержал се-кохландийские конные армии у врат Меекхана, разбил их и погнал назад на восток. Он был их целью, бесценной, но – только живым. А вот если в руки им попадет кто-то другой...

Все эти мысли промелькнули в ее голове со скоростью выпущенной из лука стрелы. Она взглянула на Дагену, та, похоже, подумывала о том же, потому как сжала левый кулак и дотронулась до губ, а потом до груди, вызывая ухмыляясь. От этого простого жеста у Кайлеан сжало горло. *До последнего дыхания, до последнего удара сердца.* Она взглянула Даг в глаза и кивнула.

Только скажи, сестра.

Тогда мы развернем лошадей и помчимся назад, чтобы врубиться в несущуюся за нами стену железа и дать остальным несколько мгновений передышки.

Потому что она не сомневалась: погоню эту должен пережить только Ласкольник. Остальные из чаардана станут разве что развлечением для заскучавших воинов. Она дико ощерилась. Она развлечет их чуть больше, чем им захотелось бы.

«Будь со мной Бердеф, того развлечения могло бы оказаться столько, что позже я бы многим являлась во сне», – подумала она. Но, может, оно и к лучшему, что пес пропал. Несмотря на все, было бы слишком эгоистично брать его в последний налет, зная, что тот будет коротким и болезненным.

Свист спереди оторвал ее от мрачных мыслей.

Внимание.

Карьер!

Удивительно, но кони, словно по невидимому сигналу, сами вытянулись в безумной скачке. Двигались вверх по склону, вершина приближалась слишком быстро, проскочили ее и...

Вправо! Вправо! Вправо!

Они повернули сразу за маковкой, на несколько мгновений скрывшись от глаз преследователей. Кайлеан глянула в сторону, куда их отжимали: еще одна долинка, еще один холм. Ей начинало казаться, что се-кохландийцы гоняют их по кругу.

Но теперь они мчались сломя голову поперек склона. И реагировали на очередные приказы. Клины. Узко. Сабли.

Едущий в свободном строю чаардан сомкнул ряды, выстроившись подобно наконечнику копья. «Ох, – мелькнуло у нее в голове, – а мы хороши». Ласкольник не настаивал, чтобы в его отряде были лучшие рубаки и лучники, но, если говорить о маневрах, он приказывал им тренироваться до потери сознания. И они тренировались, потому что были в чаардане Серого Волка. И теперь ничем не уступали императорской гвардии или самим Молниям. Прежде чем они промчались на полной скорости сто ярдов, из едущей свободно группы они превратились в жесткий, сомкнутый клин с двумя всадниками впереди и шестью в основании.

Шли теперь стремя в стремя, так что от первого до последнего всадника можно было перейти по конским спинам и ни один не сдвинулся бы ни на палец. Во главе, в первой десятке, оказались Ласкольник, Кошкодур, Файлен, Нияр и несколько рубак, у кого были массивные и крупные кони. Остальные шли за ними. Луки убрали в сагайдаки, в руках оказались сабли, мечи, топоры. Торин оскалился, недовольный столь тесным строем, но коротким рывком узды Кайлеан призвала его к порядку. Времени на игры не было.

Правое крыло се-кохландийского полумесяца выскочило из-за маковки холма в довольно свободном строю. Наверняка кочевники надеялись в очередной раз увидеть жертв, несущихся вниз, чтобы через какое-то время со все большим трудом и напряжением одолевать очередной склон.

Идущий карьером чаардан ударил в Молний, словно стальной молот по нескольким свободно сложенным кирпичам. Те кони, которые оказались напротив беглецов, были просто стоптаны вместе со всадниками – в момент столкновения отряд Ласкольника обладал силой, разгоном и массой двадцати четырех лошадей, едущих стремя в стремя. Только каменная стена смогла бы их остановить. Остальное было коротким, лишь миг продолжающимся водоворотом, когда клин пробивался наружу. Ни у одного Наездника Бури в руках не оказалось сабли или топора. Те, кто ехал на фланге, сжимали длинные копья, заканчивающиеся петлями, и арканы, совершенно никчемные при столкновении лицом к лицу. Кайлеан отмахнула саблей в сторону, разрубив плечо се-кохландийцу, который почти уткнулся в Торуна, хлестнула по голове одного из коней – и они уже промчались мимо. А свисток подгонял.

Врассыпную! Быстро! Быстро! Быстро!

Они припали к шеем коней и погнали тех в дикий, безумный галоп.

Как бы не в последний, поняла она, увидев, как один из коней спотыкается, восстанавливает равновесие и спотыкается снова. Шерсть животного блестела, словно кто-то натер ее маслом. Всадник, Йанне Неварив, был молчаливым, ласковым великаном флегматичного нрава, умевшим махать топором, словно тростинкой, и ей приходилось видеть, как он раскалывает шлемы и разрубает щиты. Йанне, однако, обладал фигурой профессионального борца, а потому конь его нес на спине вес в два раза тяжелее, нежели Торин. А ведь даже от настолько хорошего коня невозможно требовать большего.

Они встретились взглядами, и на миг она почувствовала, как сжалось сердце. Во взгляде мужчины не было ничего, кроме смирения. Он сам выбрал свою судьбу, поскольку отправился с Генно Ласкольником, и не жалел ни о чем. Послал ей печальную улыбку, кивнул и приложил левый кулак к губам и сердцу.

До последнего дыхания и удара сердца.

Она знала уже, кто первым повернет коня, чтобы дать остальным несколько лишних минут.

Позади них воцарился хаос. Они поймали кочевников врасплох, проскользнули меж крыльями полумесяца и сбежали из ловушки. Часть преследователей даже не поняли, куда подевалась добыча. Когда они выехали из-за холма, увидели только пустую долину и разметанное правое крыло. Командиру а'кееров, кем бы он ни был, понадобилось несколько долгих минут, чтобы понять, что случилось, – и броситься в погоню. А каждая секунда отдаляла чаардан от преследователей.

Казалось, они впервые получили шанс.

Грохот копыт, раздавшийся за спиной, приказал ей оглянуться. Миг она таращилась назад, не в силах понять, что видит.

Гонящие их а'кееры в идеальном строю выскочили из-за холма и шли карьером след в след. Да как шли! Слово кони их только-только рванули вперед после долгого отдыха и соответствующего разогрева. Не заметно было, что за спиной у них много миль бешеной скачки. Она подумала было, что охотящаяся за ними группа осталась за холмом, а это какие-то сменные отряды, в последний момент посланные командиром Молний. Это была абсурдная, но некоторым образом утешающая мысль, поскольку из нее следовало, что они имеют дело с живыми людьми и настоящими животными, а не с тварями, рожденными в глубинах Мрака. Но вот если это тот же отряд, который начинал облаву... Тогда они могли с тем же успехом уже сейчас развернуться всем чаарданом и дать кочевникам последний бой. Пока у коней и людей осталась хотя бы часть сил.

Конь Йанне Неварива коротко заржал и снова споткнулся. Мужчина выпрямился в седле, огляделся, словно желал в последний раз насытиться видом степей, и ласковым жестом огладил коня по шее. Потянулся к привязанным к луке седла вожжам.

Ласкольник внезапно появился сбоку от него. Наклонился, дотронулся до затылка пятнистого жеребца Йанне и кивнул. Поднял свисток.

Галоп! Россыпью!

Они сломали строй и замедлили конский бег, хотя это и казалось безрассудным.

Рысь.

На миг ей показалось, что она ослышалась. Наверняка так подумали и остальные, потому что чаардан все еще шел галопом.

Рысь!

Она сдержала коня, чувствуя, как ползущий по ее спине ледяной червяк тает в огне внезапного понимания. Значит, уже пора. Сейчас они повернут коней и пойдут карьером назад, чтобы столкнуться с Молниями лицом к лицу, вместе того чтобы отрываться поодиночке, по мере того как их кони будут терять силы. Им не удалось, но, по крайней мере, они не уйдут без схватки.

Но внезапно, в тот миг, когда расстояние между двумя отрядами сделалось не больше каких-то двухсот ярдов, погоня тоже замедлила лошадей и перешла на галоп, а потом на рысь и шаг.

Ласкольник свистнул. Стоять!

Остановились. Наездники Бури – тоже.

– Пока еще нет, дочка. – Командир выплюнул свисток и широко улыбнулся ей. – Пока что они не загнали нас туда, куда хотели.

Они развернули коней в сторону Молний, некоторое время оба отряда мерились взглядами, а тишину наполняло лишь хриплое конское дыхание.

– Сколько осталось?

Сперва она не поняла – наверняка как и остальные. И только чуть позже, когда оглядела се-кохландийцев, до нее дошло, что их как будто поменьше. Маловато, даже если иметь в виду тех, что пали от стрел. Неполных три сотни, а должно быть почти пять.

Кошкодур огляделся по сторонам:

– А где остальные, кха-дар? Заходят с флангов?

– Нет. Остальные или идут пешком, или добивают своих лошадей. – Ласкольник уже не улыбался. – Это *Гвент'ресс*, или Серая Сеть. Я слышал только о трех жереберах, умевших сплести эти чары для такого большого отряда.

– А я – о двух, кха-дар. И не думал, что когда-либо увижу это собственными глазами. Да что там, я даже сейчас едва в это верю.

Во что, проклятие? Какие чары позволяют коням бежать столько миль без малейшей усталости? Ей хотелось выкрикнуть этот вопрос, но она лишь стиснула зубы.

– Серая Сеть, – повторил Кошкодур. – Якобы так видят ее наши чародеи: словно спутанные серые ленты, связывающие всех лошадей отряда. Будь у нас здесь маг, он наверняка сумел бы сказать, кто именно из них является Узлом. Какой именно жеребер.

– Но мага у нас нет, Сарден. Сейчас мы только знаем, что там есть один жеребер. – Ласкольник указал на группу Молний, от которой как раз оторвался одинокий всадник. – Действует это так, дети. У тебя есть сто лошадей, которые идут карьером. В момент, когда они начинают слабеть, чары снимают с девяноста пяти усталость и сбрасывают ее на хребет последней пятерки. Эти кони обычно сразу же гибнут, у них рвутся сердца и ломаются хребты, они падают на всем скаку, но остальные бегут так, словно только вышли из конюшен. При пяти сотнях коней наверняка приходится убивать штук двадцать за раз, оттого такую сеть они вынуждены использовать умеренно: за час-другой можно проредить отряд слишком сильно. Поэтому они тоже пользуются случаем, чтобы дать животным передохнуть.

Кочевник между тем приблизился на расстояние голоса.

– Эй! – крикнул он и замахал руками.

– Ну, хоть так – для начала-то разговора, – проворчал Ласкольник и приподнялся в седле. – Чего хочешь?!

– Поговорить!

У се-кохландийца был хриплый голос и неприятный акцент.

– Подъезжай ближе.

Посланник осторожно двинулся в их сторону. Руки он держал на виду, подальше от оружия. Кайлеан кашлянула и выдавила негромко:

– Зачем они шлют гонца, кха-дар?

– Потому что пока не отказались от плана, дочка. Наверняка не загнали нас туда, куда им нужно. Хочешь поспорить, что гонят нас на двух оставшихся жереберов?

– А хочешь поспорить, кха-дар, что завтра взойдет солнце? – Она сменила тон. – Как конь Йанне?

– Справится. Еще немного. Да и твой пусть передохнет. И улыбайся радостно, потому что наш гость уже близко.

Кочевник медленно подъехал на десяток шагов. Сидел в седле нагло, в шлеме, что было серьезным нарушением степных обычаев. Прежде чем отозваться, смерил чаардан внимательным взглядом, особенно присматриваясь к лошадям.

– Совет Кону Канор, говорящий свободных племен, – представился он коротко. – Хороший бег, Серый Волк. Твой и твоих людей. Не одну песню о нем споем. Но все имеет свое начало и свой конец. Сдавайся.

Кайлеан, согласно приказу, ощерилась от уха до уха.

– Хотите получить болтовней то, чего не можете схватить руками. – Ласкольник высоко задрал брови. – Пока что мы уходили от вас без труда.

– Ваши кони дышат хрипло, они пропотевшие, голодные и жаждут пить. Падут, прежде чем пробегут пару миль.

– Ваши падают один за другим, потому как *Гвент'ресс* убивает их по очереди. Через пару миль ни один из них не сможет стоять на ногах.

Гонец холодно улыбнулся:

– Я говорил им, что ты уже догадался. Но нам придется пользоваться чарами все реже...

– Потому что не будет такой необходимости или потому что ваш жеребер измучен?

Улыбка сделалась шире и внезапно пропала.

– Я не слишком говорлив. Должен передать слова Канавера Дару Глеха. Сдайтесь, и никто не погибнет. Мы не хотим войны с империей, потому придержим Серого Волка как гарантию, что никто не станет нам мешать. Остальные – уйдут.

– Я только кха-дар малого чаардана. Откуда уверенность, что Меекхан послушается?

– Генно Ласкольник. – В голосе кочевника появилось неожиданное уважение. – Империя послушается. Или по крайней мере послушаются ее солдаты.

– А если я не соглашусь?

– Ты остаешься, они уезжают свободно. Это предложение на один раз. Если ты сдвинешься с места, мы все равно тебя схватим, но тогда твоих людей убьем. Всех. Медленно. Слово Канавера Дару Глеха.

Се-кохландиец повел по ним взглядом, проверяя, какое впечатление произвели его слова.

– Отважные. – Он снова посмотрел на Ласкольника. – Каков ответ?

– Разверни коня и езжай к своим, всадник. Если они сдвинутся с места раньше, чем ты до них доберешься, мы тебя застрелим. Ты понял? – В руках у нескольких из них появились луки. – Ты не снял шлема, не предъявил знаков мира. Ты забыл об обычаях или твои слова как посла стоят не больше дерьма?

Кочевник побледнел и стиснул губы.

– Откуда такая отвага, Серый Волк? – прорычал он. – Может, потому, что ты надеешься, что ваш полк придет вам на помощь? Он покинул заставу еще на рассвете и двинулся меж холмов.

Кайлеан почувствовала, как расцветает в ней надежда. Они здесь, Седьмой ищет их, согласно плану.

– И на что бы им править, генерал? – Голос посла был тихим, холодным и ядовитым. – На столб пыли, взбитый копытами лошадей? Он виден издали. Как и тот, тот, тот и вон тот.

Он указывал рукою по разным направлениям. Теперь, когда он обратил на это их внимание, они и вправду заметили завесы пыли, встающие под небеса.

– Двадцать коней, каждый тянет за собой пучок веток. Поднимают пыль как пять сотен конницы. Ваши союзники мечутся по окрестностям, не ведая, куда им надо ехать. Они не приблизятся к вам ближе, чем на десять миль.

– Вы просто желаете, чтобы ваши кони и ваш жеребер отдохнули, – оборвал его Ласкольник. – Пусть отдыхают. Но если отправитесь следом – будете умирать. Один за другим, пока не останется никого. Это слово Генно Ласкольника для Канавера Дару Глеха. Передай ему это и скажи, чтобы в следующий раз он прислал кого-то, кто знает обычай. Ступай уже.

Се-кохландиец два-три удара сердца стоял, словно окаменев. Потом он резким, нервным движением развернул коня и рысью двинулся к своим. Через несколько шагов перешел в галоп.

– Ну как, дети, я говорил достаточно гордо и сурово?

Кайлеан не было нужды смотреть на кха-дара, чтобы знать: тот кисло усмехается. Если чего-то он не любил больше длинной болтовни – так это болтовню напыщенную.

– Ты мог еще вспомнить что-нибудь о чести и битве до последнего дыхания, кха-дар, – проворчала она.

– В следующий раз не забуду. Клянусь. Приготовиться – они рванут, едва только он до них дойдет. Как конь, Йанне?

– Немного отдохнул, он справится. Это хороший жеребчик.

Конечно, подумала она. Лучший, какого можно купить, украсть или добыть в битве. Ласкольник поудобней уселся в седле.

– Внимание. Сейчас он к ним доберется. Уже крутит головой. Время!

Они повернули лошадей в миг, когда преследующий их отряд двинулся с места. Еще одно облако пыли встало над Ланвареном.

* * *

– Да не стоит о них переживать, кха-дар, – вмешался кто-то, кого она не узнала по голосу. – Это всего лишь пара а'кееров и трое шаманов. Не помешают, а может, и помогут, потому как наверняка же они вырезали все банды в окрестностях.

– Это не трое шаманов, но трое жереберов, Каневен. И каждый из них стоит боевого мага. Полагаю, захоти они, хоть сейчас могли бы дать бой Седьмому, поскольку в полку есть всего лишь несколько обычных чародеев, неплохих, но даже все вместе они не справились бы и с одним из жереберов. Нет. Мы не станем рисковать. А кроме того, здесь все же Меекхан, империя, пусть даже некоторые об этом и забывают. Не будет так, чтобы кочевники воспринимали эти пространства как ничейную землю. Не станут они въезжать и уходить отсюда, как будто они у себя дома.

Его поддержал хор согласных бормотаний.

– Ну и не было бы слишком хорошо, когда б Завир Геру Лом и Совиненн Дирних слишком быстро разрешили свой конфликт. Завир рискнул: если удастся, то уничтожит конкурента первым же ударом, захватит его землю и почти наверняка войска. Наберет силу и станет в два раза опасней. Однако если он утратит трех жереберов и несколько сотен Наездников Бури, то может статься, что силы их будут уравнены. Тогда сражение между этими двумя может закончиться непредсказуемо. Потому мы хотим, чтобы Завир потерял всех, кого он сюда послал, так что будем с ними играть, пока не обнаружим всех шаманов. Понятно?

– А потом? Я, конечно, могу справиться с одним-двумя а'кеерами, но относительно жереберов – я не совсем уверен...

На этот раз она узнала голос Нияра. Но отчего-то никто не рассмеялся неудачной шутке.

– Вот именно: когда их найдем, кха-дар, – что тогда? – Кошкодур почесал голову, кривясь не по-хорошему. – Напьемся пива? Пригласим в гости? Порассказываем веселые истории, словно на встрече старых друзей?

Ласкольник улыбнулся в усы:

– Нет. Когда мы их повстречаем – убьем их всех, да так, чтобы никто не ушел. Пусть Завир из Клаххиров раздумывает, что случилось с его людьми. Пусть колеблется и действует осторожно, не зная, в чем дело. Предали ли его жереберы, перешли ли отряды на сторону Совиненна или же тот узнал обо всем и смел их с поверхности земли? А если узнал – то насколько хороши его шпионы, что ему становится известно обо всех планах врагов? И так далее. Пусть мучается и колеблется.

Чаардан зашумел и утих.

– И нет, мы не совершим этого сами, хотя я и верю, что вам хотелось бы. Седьмой пойдет следом. Наше задание – оттянуть на себя все внимание Молний и их шаманов. Чтобы не могли они высылать разъезды, чтобы жереберы использовали все, что имеют, и оказались достаточно измучены, когда ударят по нам. Только тогда полк сумеет подойти к ним незамеченным. Это как охота на медведя, когда один из охотников орет и отвлекает на себя внимание зверя, а остальные обходят его и втыкают копыя в бок зверю.

Ласкольник перестал улыбаться.

– Может, это нам и не удастся, дети. Мы могли переоценить свои силы. Кто захочет, пусть завтра утром возвращается на заставу. Потому как, если пойдет не по плану, завтра к вечеру все мы будем мертвы.

* * *

Похоже, по плану не пошло.

Еще одного жеребера они нашли через час после разговора с посланником. К этому времени погоня уже утратила свое неистовство. Кочевники все еще дышали им в затылок, но уже не совершали безумных рывков в полный карьер. Вместо этого просто гнали чаардан в определенном, им известном направлении. И не давали ни минуты передыха.

Держались в ста пятидесяти ярдах позади так жестко, словно кто-то отмерял расстояние шнурком. Крылья погони растянулись сильнее, сделались толще, было заметно, что на этот раз неожиданный поворот не даст беглецам пробиться сквозь любое из них.

Кайлеан бросила взгляд направо и налево. Дагена ехала, низко склонившись, раз за разом стискивая в горсти какой-нибудь из своих амулетов, лицо Йанне было суровым, словно посмертная маска, а глаза темными и полумертвыми. Конь его дышал тяжело, будто в горло ему кто насыпал степной пыли.

Но – бежал. Пер тяжелым равномерным галопом, которым кони чаардана могли мчаться половину дня. Что-то говорило ей, что он будет так бежать, пока не разорвется его сердце, поскольку был именно таким конем. Лучшим, какого можно купить за деньги, украсть или отбить в бою.

Но в этом галопе сопровождало их и еще кое-что. Отчаяние. Черное, липкое и тошнотворное. Отбирающее надежды и мысли.

Потому что Молнии гнали их туда, куда хотели. Всякая попытка изменить направление заканчивалась яростным карьером одного из крыльев погони. Они хотели их измучить, загнать до смерти. И хотя группы конных время от времени отпадали от загонщиков, Канавер Дару Глех, должно быть, решил, что это того стоило. Еще четверть часа, полчаса – и чаардан посыплется. Кони начнут падать, и тогда всадники сломают шеи или, безоружные перед конными, дадут поймать себя арканом. К тому же приходилось скакать в сторону, куда требовалось командиру кочевников; Кайлеан, следя за путем солнца по небу, была готова поспорить, что их заставляют кружить по спирали. Что се-кохландийцы медленно описывают большой круг посреди Лаварена, приближаясь к его центру и – здесь и спорить было глупо – удерживая преследуемых подальше от Седьмого. Она встретила взгляд Кошкодура, а сразу после – Леи. Не только она посматривала вокруг, словно хотела в последний раз увидеть товарищей.

«Не сбежим, – говорили эти взгляды, – план не удался. Но живьем мы не дадимся».

Отчаяние, брат неверия.

Чары захлестнули холм медленной шипящей волной. Она видела их как рваные, ползущие над самой землей туманные ленты, темнеющие от середины к краям, неподвижные, несмотря на поднимающийся ветер. Плыли они вниз со скоростью неспешной ходьбы, пожирая все на своем пути. Сухие травы и рахитичные кустики морщились и распадались в серую, липкую пыль.

Молниям не было нужды в большем числе конных, чтобы захлопнуть ловушку.

Поворот! Налево!

Кони чуть не легли на землю, резко сворачивая. Помчались вдоль измененного магией пространства, имея слева приближающуюся стену железа. Наездники Бури наконец-то решили завершить развлечение.

Луки!

Она видела приближающийся отряд, копыта, что кончались петлями, арканы, веревки. Они все еще хотели захватить их живьем. Она наложила на тетиву шило, оставив последнюю иглу в колчане. Враги были близко.

Сейчас!

Они дали залп, потом еще один. Стрелы летели по прямой и втыкались в конские и людские груди, головы, шеи. Ласкольник не требовал, чтобы все в чаардане стреляли с большим мастерством, но пара таких людей у них была. Кайлеан тоже имела к луку талант.

Первым шилом она сняла с седла се-кохландийца, который, на свое несчастье, слишком низко опустил щит. Вторым – прострелила горло его товарищу. Правду сказать, целилась ему в лицо. наложила третью стрелу, натянула лук...

Дагена остерегающе крикнула, когда чаардан на полном скаку влетел в туманные полосы. Чары, до сей поры лениво плывшие над землей, внезапно рванулись с места и во мгновение ока обернулись вокруг конских ног. Веяло от них холодом, ледяным дыханием из дальних регионов Всеобщности, с самого дна исхлестанного морозными ветрами ада.

Наездники Бури прекратили погоню, остановившись на расстоянии ярдов в тридцать, сразу у границы покрывающих землю чар. Гнаться дальше не было нужды.

Кони чаардана отреагировали диким, вызывающим ржанием, рванув вперед. Понадобилось несколько долгих мгновений, пока холод вгрызется в живое тело, заморозит мышцы и сухожилия, кости и кровь, превратит ноги лошадей в куски мертвой плоти, трескающейся, словно стекло. Они еще могли бы вырваться.

Но чары вились следом, будто привязанные к конским бабкам, и кто бы ими ни управлял, он был истинным мастером – и держал их в горсти.

Свисток Ласкольника пробился сквозь топот копыт.

Стоять!!!

Они остановились, натягивая вожжи так, что некоторые из коней присели на задние ноги.

Дагена внезапно потянулась к висящей у седла суме и вынула горсть цветных камешков. Метнула их вокруг широким хозяйским жестом, словно селянин, засевающий пашню. Серые испарения поглотили камешки, и некоторое время ничего не происходило.

Потом в местах, куда они упали, поднялись полосы пара, раздался звук трескающихся в углях каштанов и появились небольшие воронки. И, словно каждая из них вспыхнула, что-то разорвало серые ленты, вымело их с земли, как будто снизу подул ветер, – и чаардан вдруг оказался на пустом пространстве, в кругу, куда чары врага не имели доступа.

Кайлеан похлопала Торина по мокрой от пота шее и ощерилась, обращаясь к Дагене:

– Племенная магия, а? Надо бы тебе когда-нибудь таки познакомить меня с той твоей бабкой.

Черноволосая дико ухмыльнулась:

– Не проблема, Кайлеан. Она всегда со мной. – Она вынула из-под доспеха кожаный сверточек и слегка им встряхнула. Внутри что-то загрохотало. – Кайлеан, это моя бабка. Бабуся, познакомься с Кайлеан. Она неплохо для меекханки стреляет из лука.

Все в молчании таращились на сверточек.

Дух предка. Заклятая в нескольких костях, опекающая потомков душа, не вставшая на дорогу к Дому Сна. Согласно Великому Кодексу, за владение чем-то подобным отправляли в петлю.

Кто-то сзади откашлялся:

– Хм... Глядя на тебя, Даг, мы надеялись, что твоя бабка будет, хм... чуть повыше.

Установилась тишина.

А потом они засмеялись – весь чаардан, как один человек. Рычали, фыркали и хихикали, словно безумцы. Кто-то воткнул лицо в конскую гриву, кто-то иной давился и кашлял, едва в силах перевести дыхание. Красный, словно мак, Кошкодур рычал так, что аж слезы стекали у

него по щекам, пробивая дорожки в степной пыли. Благодаря неким племенным, наполовину шаманским, чарам они оказались в кругу, вырванном у убийственной магии. От Молний их отделяло едва ли несколько десятков ярдов, а они ржали во всю глотку. И с этим смехом с них стекала усталость, страх, отупение и пропитанная отчаянием безнадега. Даже коням передавалось настроение их всадников, поскольку начали они трясти башками, задирали хвосты и нетерпеливо топтаться на месте.

Наездники Бури стояли, отделенные от них магией, в которую не смели ступить, и молча тарасились на складывающихся от смеха несостоявшихся жертв. И даже самый глупый из них понимал, что преследуемый отряд уже не группка отчаявшихся беглецов на загнанных до полусмерти лошадях.

Что снова он – боевой чаардан.

Ласкольник успокоился первым. Подождал, пока не стихнет смех, и вложил в рот свисток.

Клин. Ровно.

Они встали в строй, словно на смотре, в несколько мгновений сформировав клин. Это тоже была демонстрация для Молний. Вызывающая и наглая.

– Даг, сумеешь открыть нам проход? – Ласкольник указал на вершину холма.

Дагена спрянула сверточек под панцирь и поднялась в стремя, чтобы лучше оценить расстояние:

– Сумею. Кто-нибудь предполагает, как далеко эта гадость тянется по ту сторону?

– На двадцать футов, – проворчала Лея. – Не больше.

Лея. Она владела самым ужасным – и самым быстрым – конем в чаардане. И еще – пророчила. Видела на расстоянии.

– А тот, кто чары наложил? Жеребер?

Девушка осмотрелась по сторонам, тяжело вздохнула и соскочила с седла. Встала на оба колена, воткнула ладони в покрытую серой пылью землю и громко, словно всплыв из глубины, набрала воздуха.

– В миле за холмом. Двое жереберов, – вытаскивала она из себя фразы, будто преодолевая некую тяжесть. – Сотня вооруженных. Может, и больше. Наложивший чары не понимает, что происходит. Что продырявило его заклятие. Он зол. Слышу, как колотится его сердце. Слышу... собирает силы, сейчас ударит снова...

Она вырвала ладони из серой пыли и одним прыжком оказалась в седле.

– Убегаем отсюда, кха-дар.

Ласкольник махнул ладонью, и Дагена метнула перед собой горсть камешков. Но еще до того, как они исчезли в серой мути, что-то изменилось. Кайлеан не знала, что именно, но почувствовала сильное облегчение. Даже голова у нее закружилась, словно девушка внезапно упала с большой высоты.

– Убрал чары! Сейчас ударит снова! Карье-е-е-ер!!!

Кха-дар умел кричать. Чаардан сорвался с места и рванулся вперед. Почти в тот же миг Наездники Бури помчались следом.

Только вот теперь обстоятельства изменились. На этот раз в миг старта разделяло их едва ли несколько десятков ярдов, буквально на хороший бросок камнем. И у одних, и у других кони были уже крепко измучены, но Молний все еще поддерживал жеребер, и, даже если бы половина их лошадей пала, остальных хватило бы, чтобы справиться с беглецами.

Расстояние между преследователями и чаарданом начало быстро сокращаться. Кони Наездников Бури неслись таким карьером, словно участвовали в самых важных бегах своей жизни. Проезжая верхушку холма, Кайлеан бросила взгляд за спину – как раз вовремя, чтобы заметить, как двое из них просто рухнули на землю. Серая Сеть собирала свой урожай, хотя все же делала это слишком медленно, чтоб у чаардана Ласкольника появился шанс на бегство.

Потому что их кони, несмотря на короткую передышку, были уже обессилены. Дышали тяжело, хрипло втягивая воздух, а мокрая шерсть липла им к бокам. Ох, ни одно другое животное во всех проклятых Великих степях не совершило бы того, что они, не сумело бы несколько часов ускользать от нескольких а'кееров Молний с отборными конями, поддерживаемых чарами. Ни одно. Но даже они дошли наконец до границы своих возможностей.

А за холмом... Плавный склон вел прямо на дно огромной долины шириной, как минимум, в милю. И на другом конце ее блеснули доспехи и копья последнего а'кеера Молний, того, что еще не принимал участия в игре, защищая оставшихся жереберов. Отряд как раз разворачивал крылья, готовясь к атаке. За линией фронта их осталось лишь несколько конных, наверняка личная стража шаманов. Их Сила была уже не нужна, и они могли спокойно, словно из театральной ложи, наблюдать последний акт драмы.

Потому что чаардан не имел ни шанса. Здесь не было холмов, за вершиной которых они могли бы спрятаться, а каждый их маневр оказался как на ладони. Не скрыться, чтобы изменить направление или нанести внезапный удар. Те, из близящегося а'кеера, еще даже не перешли в галоп и наверняка должны были лишь схватить беглецов.

И все же Ласкольник попытался. Свисток пропел команду, и они начали поворачивать влево. Слишком медленно – кони настигающих их Молний были в каких-то тридцати ярдах за спиной, а чаардан принялся неминуемо приближаться к флангу загонщиков. Наездники Бури из последнего а'кеера пошли быстрее, сокращая дистанцию.

Торин бежал последним. Кайлеан безо всякого приказа развернулась и послала назад пару стрел. Один из всадников свалился с коня, какой-то скакун зарылся мордой в землю, когда тяжелая стрела до половины вошла ему в грудь. Дыра, появившаяся в стене преследователей, затянулась прежде, чем она успела моргнуть, а время, пока она стреляла, и то, что она выпала из ритма, пусть и на пару ударов сердца, стоили ей еще пяток ярдов.

Свисток Ласкольника призвал ее к порядку.

Не стрелять! Приготовиться!

Приготовиться? К чему???

С неба, словно серая молния, пала птица. Степной ястреб, убийца и ужас куропаток и голубей. Хищник, который, пикируя, обгоняет стрелу из арбалета, кинулся прямо на голову коня, ведущего левый фланг погони. Кайлеан показалось, что даже в топоте копыт, в хриплом дыхании лошадей она услышала скрежет когтей по черепу и отвратительный, мокрый хлопок, с которым взорвался ударенный клювом глаз. Конь завыл. Не заржал, а завыл, она впервые в жизни слышала такой звук, доносящийся из конского горла. Птица, понятно, погибла на месте, но раненый конь, все еще пронзительно и страшно воя, бросился в сторону и столкнулся с соседом в шеренге. Двое животных пали на землю, подбивая ноги третьему.

Свист и пронзительный, раздражающий крик очередной птицы слились в одно целое. Вторая серая молния ударила в голову следующего коня, тут же взорвалась клубком окровавленных перьев, но пострадавшее животное пошло боком, а его всадник вылетел из седла.

С неба пала третья птица, потом четвертая и пятая.

В несколько минут все левое крыло преследующего их полумесяца перестало существовать. Кони се-кохландийцев, хотя и подгоняемые, начали притормаживать, идти боком и не желали бежать дальше. Эти боевые жеребцы могли выдержать стрелы, мечи и сабли, пройти сквозь огонь и воду, но такое оказалось свыше их сил.

А перед чаарданом раскинулись луга.

Кайлеан осмотрелась. Кто? Проклятие, кто обладает такой силой? Глянула на Дагену. Та пожала плечами.

И тогда Йанне Неварив, несшийся рядом, поднял голову и заглянул ей в глаза. Его обнаженная боль ударила в нее, словно дубина. Йанне моргнул, и на миг ей показалось, что радужки его – желтые. Желтые, как глаза сокола.

Позади них очередная птица ринулась вниз.

А чаардан уже мчался вперед, в очередной раз вырвавшись из ловушки, снова получив шанс. Сбившееся, испуганное левое крыло погони почти остановилось, середине пришлось зайти на его место, правое крыло оставалось ярдах в двухстах позади, а'кеер, подходящий с противоположного края, только начинал брать разгон, пытаясь отрезать им дорогу, но был слишком далеко. Они снова могли сбежать.

В полумиле впереди, на самом краю долинки, из травы поднялись серые полосы. Заклубились, затанцевали против ветра, что дул с востока, налились силой. А потом двинулись к ним, лениво, медленно, оставляя позади себя широкую полосу серой пыли.

Несмотря на грохот копыт, бьющих в степь, они слышали, как впереди трескается земля, превращаясь в мгновение ока в вечную мерзлоту. Серые клубы уже не вились над грунтом, но вставали на десяток локтей – достаточно, чтобы укрыть коня со всадником. Трава впереди них одевалась инеем. На этот раз жеребер использовал всю свою Силу. Они не пройдут.

Однако они неслись дальше, послушные свистку Ласкольника, который звал: Вперед! Вперед! Вперед!

Потому они согнулись в седлах и летели напрямик на лениво выющиеся серые клубы.

Они были чаарданом.

А настигающие их а'кееры соединились, выровняли строй и гнали следом. Но уже не слишком быстро – спокойным галопом, и, видя, как разрастается во все стороны стена колдовства, как она выгибается полукругом, Кайлеан более тому не удивлялась.

Галоп!

Они несколько притормозили, выровнялись. Она взглянула налево, на Йанне, потом направо, на Дагену. Оба сидели в седлах – прямые, словно выбрались на прогулку. Топор мужчины поблескивал на солнце, короткие сабли девушки, с перекрестий которых свисали перья и нанизанные на шнурки камешки, все еще были в ножнах, но Даг уже освободила руки.

Рысь!

Они снова сдержали коней. Она слышала, что погоня сделала то же самое. Однако не стала оглядываться. Впереди Кошкодур сунул лук в сагайдак, взял в руки щит и вытащил саблю. Едущая рядом с ним Верия потянулась к короткому копыю. Оглянувшись и послала Кайлеан широкую улыбку. И внезапно ей стало все равно, что за спиной у нее – триста Молний, а впереди – морозные волны. Были они чаарданом, семьей, товарищами и соратниками и совершили нечто, о чем долго еще станут петь в степях. Половину дня водили за нос несколько сотен Наездников Бури, и понадобилась помощь жереберов, чтобы их схватить. Но и сейчас они все еще не побеждены. «Еще можно повернуть лошадей и погнать прямо на Молний, и – холодной улыбкой Лааль клянусь – многие из кочевников пожалеют, что не их кони пали по дороге». Она улыбнулась Верии в ответ.

Были они свободным чаарданом, воюющим родом, а их кха-даром – сам Ласкольник.

Как и Кошкодур, она сунула лук в сагайдак и вытащила саблю. И впервые была искренне рада, что Бердеф исчез. Если можешь спасти друга от мерзкой смерти – сделай это.

Они остановились в нескольких десятках шагов от стены чар и развернули коней.

Стояли в круге, половину которого составляли чары, а вторую – воины. Дагена только раз взглянула на клубящиеся серые полосы и скривила губы. То, что находилось за ними, превышало ее Силу. «И Силу ее бабки тоже», – мелькнуло в голове Кайлеан. Она легонько усмехнулась, даже здесь ощущая спиной бьющий от чар жеребера холод.

Молнии остановились в ста ярдах перед ними. От линии их снова оторвался одинокий всадник. Только на этот раз он держал копьё наконечником вниз, а шлем разместил на его приподнятом конце. Пояс сдвинул с бедер так, что ножны с саблями болтались где-то за его спиной, а щит повесил у седла. Ехал вести переговоры.

На половине дороги он остановился и потряс копьём. Шлем звякнул.

Ласкольник неторопливо снял собственный и повесил его на луку седла. Поднял обе ладони.

Кочевник подъехал ближе. Кайлеан явственно видела его лицо, молодое для Наездника Бури и странным образом робкое.

Се-кохландиец прошелся по ним взглядом, покачал головой, открыл, закрыл и снова открыл рот.

– Все, – прохрипел он пересохшими губами. – Вы доехали сюда все.

Ласкольник слегка поклонился, словно заинтересовавшись:

– А где прошлый гонец?

– Пал. Стрела ударила его в рот.

– Значит, говорить он наверняка не может. А ты, как тебя зовут? Или нет, – поправил себя. – Не говори. Это неважно. Чего ты хочешь?

– Я должен поговорить о сдаче...

– А-а-а, за этим вы гоняетесь за нами половину дня. Но я не могу взять вас в плен. Я спешу в Лифрев. Однако если вы направитесь в Малый Биндер, то я дам вам письмо к командиру тамошнего полка. Он должен обойтись с вами по-доброму.

Они засмеялись. Но как-то без злости, просто как от хорошей шутки. Зато молодой посланник покраснел и указал рукою себе за спину.

– Я...

– Нет, – негромко, но твердо прервал его кха-дар. – Ты не можешь махнуть рукою и послать их в атаку, потому что они получили приказ взять меня живьем. Абсолютно как если бы это никак от меня не зависело. Скажи мне, гонец, эти ваши жереберы черпают от Силы богов?

– Не... не понимаю.

Ласкольник указал рукою на окружающий их отряд:

– Один из них уже половину дня удерживает Серую Сеть для нескольких сотен коней. Он... Воистину равен нашим великим боевым магам. Второй поставил у нас за спиною стену чар, которую стоило бы применить в битве против целой армии. Он тоже великий чародей. Но они за это платят. Слишком дорого такое стоит.

Се-кохландиец заморгал, все еще не понимая. Ласкольник вздохнул:

– Спрошу по-другому. Не думаешь ли ты, что они уже слишком измучены?

Кха-дар поднял руку. Брякнул лук, и в небо ушла одинокая стрела. Молодой кочевник сидел с раскрытым ртом, глядя на тянущуюся за ней ярко-красную ленту. Стрела взлетела в небо высоко, почти до границы видимости. Если бы не трепещущая за ней краснота, они наверняка потеряли бы ее из глаз.

Некоторое время все: и чаардан, и Молнии – стояли неподвижно, с лицами, запрокинутыми в небеса, и некоторые наверняка не успели еще задать себе вопрос, что именно означает этот сигнал, когда пришел ответ.

А пришел он от земли, которая затряслась, будто чувствуя охватывающий ее жар. Кайлеан ощутила дрожь, даже оставаясь в седле, дыхание ее перехватило от радости, и, почти сходя с ума, она поняла, что это такое. Земля так дрожит, когда тысяча панцирной кавалерии идет в атаку. Приближался Седьмой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.